ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

КОРОЛЕВ Андрей Александрович

ОБРАЗ «ЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА» В КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ 1990-Х – 2010-Х ГГ.

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, профессор

Симонов Юрий Павлович

Москва - 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ» **15**

1.1. Политические, социально-экономические и культурные основания европейского единства сквозь призму научного и литературно-художественного осмысления **15**

1.2. Парадоксы «единого культурного пространства» Европы: взгляд из Франции **39**

1.3. «Старая» и «новая» Франция: проблемы глобализации, информатизации и «нового человека» **61**

1.4. Векторы трансформации французской национальной идентичности: имагология, философия и литература о кризисе культуры **83**

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ» **105**

2.1. Парадоксы «европейского дома» в политических процессах французского евроскептицизма: М. Уэльбек и «желтые жилеты» **105**

2.2. Роль религиозных процессов в концептуализации понятия «европейский дом» **138**

2.3. Франция – «европейский дом» в пространстве межкультурного взаимодействия: «эталоны» и «метиссаж» **166**

2.4. Культурологическое значение метафоры «дом» в творчестве М. Уэльбека: коммуникативный аспект **186**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **203**

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **210**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Закрепление понятия «европейский дом» в литературе и культуре (начиная с повседневной речи и заканчивая аналитическими матераилами разного уровня) обычно связывают с изменением политической карты Европы, приписывая его появление Наполеону, де Голлю или даже Михаилу Горбачеву. Отдельного внимания в данной связи заслуживает современная медийная, философская и художественная концептуализация данного понятия, охватывающая систему «культурной перестройки» Европы в XX-XXI вв. Теоретическая модель нового культурного целого, выраженная понятием «европейский дом», основана на осмыслении практики послевоенного европейского строительства, одним из лидеров которого была Франция. В культурном самосознании, нашедшем воплощение в научных, публицистических и художественных текстах, этот процесс концептуализируется как идея *обустройства общего дома*.

Параллельно конструируется идеология европейского единства, построенная на продвижении идеи баланса политических институтов и институтов гражданского общества. Ярким примером последних можно назвать проект «Maisons de l'Europe», созданный во Франции в 1960 г. и сгруппированный вокруг Французской федерации Maisons de l'Europe (FFME). Этот проект поставил перед собой задачу «продвижения европейской идеи в общественное мнение»[1], будучи основан на приоритете территориальной, социальной, экономической, политической и культурной общности народов Европы по отношению к конкретным формам их исторически сложившейся интеграции.

Для Франции тема «европейского дома» представляется особенно актуальной и в наши дни в силу глубоко укоренившейся в сознании

[1] Weisbein J. La Fédération française des maisons de l'Europe (1960-2000). La trajectoire d'un militantisme européen de terrain // Politique européenne. 2011. № 2 (34). P. 37-62. URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2011-2-page-37.htm# (accessed 27.05.2020).

французов идеи «доминантности» собственной культуры, своеобразно совмещенной с общеевропейскими ценностями общего рынка, демократии, прав человека и т.д. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. и развитие динамичного процесса культурных трансформаций в Европе, в свою очередь, стало триггером появления во Франции политической мифологии, увязывающей темы идентичности и культурного самосознания европейцев в различных коммуникативных практиках (политических, религиозных, культурно-художественных; медийных, литературно-эстетических и т.д.).

Степень разработанности темы. Важнейшим теоретико-методологическим основанием изучения темы образа «европейского дома» в культуре Франции являются труды культурологов, политологов, философов и социологов, рассматривавших ключевые тенденции создания «единого европейского дома», а также те социокультурные трансформации, которое переживает общество на современном этапе. В числе наиболее значимых для данного исследования – работы Б. Андерсена, З. Баумана, П. Бергера, П. Бурдье, Э. Гидденса, К. Гирца, Э. Кассирера П. Козловски, Ж. Делеза, Т. Лукмана, Н. Лумана, М. Хайдеггера[2]; а также Т.А. Алексеевой, А.А. Байкова, В.Г. Барановского, О. Ю. Бойцовой, Л.Г. Ведениной, О. В. Гаман-Голутвиной, Ю.Н. Кавешникова, М.М. Лебедевой, О.В. Лебедевой, А.В. Мальгина, В.М. Сергеева, М.В. Силантьевой, Ю.П. Симонова, Б. Н. Тарасова, А.В. Торкунова, В.Г. Федотовой, Н.Н. Федотовой и др.[3]

---

[2] Бауман З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / Пер. с англ. Григория Дашевского под редакцией Светланы Баньковской // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_42.html (дата обращения 27.05.2020); Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. 323 с.; Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. 120 с.; Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. 648 с. и др.

[3] Концептуализация международных отношений / Т. А. Алексеева, А. В. Мальгин, Ю. А. Никитина, А. Г. Олейнов, С. С. Судаков // Современные международные отношения : Учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России. – М.: Аспект-Пресс, 2012. 688 с.; Байков А. А. «Сообщества идентичности» в условиях межстрановой интеграции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/Baykov_Identity-Communities/.(lfnf (дата обращения 27.05.2020); Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 3. С. 4-18; Гаман-Голутвина О. В. Проблема мультикультурализма в современной Европе // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 16-17; Кавешников Н. Ю. Школа исследований общеевропейских и интеграционных

Особого внимания заслуживает идея Г. Башляра о значении «пространства дома» в установлении базовых культурных смыслов и значений; теория культурной метафоры М. Джонсона, Д. Лакоффа и Ф.Р. Анкерсмита[4]; философско-эстетические идеи А. Бадью, П. Булёза, М. Уэльбека, Б.-А. Леви, а также «классиков» постмодернизма, проанализировавших особенности «фрагментарной» культуры постмодерна – Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, М. Фуко, П. Козловски[5] и др.

В качестве источников необходимо выделить философско-литературное произведения М. Уэльбека, а также тексты ученых и журналистов (прежде всего, французских), освещающих тему «европейского дома» в связи с проблемами культурного «метиссажа», миграции и т.д.

Объектом исследования выступает образ «европейского дома» в культуре Франции 1990-х – 2010-х гг.

Предметом исследования является динамика образа «европейского дома» как культурообразующего концепта в контексте философско-литературного творчества французских социологов, философов и писателей. В качестве кейса в последнем случае избрано творчество М. Уэльбека.

Проблема исследования заключается противоречии между идеей «европейского дома» как объединительным проектом и внутренней неоднородностью культур, вступающий во взаимные отношения в процессе ее реализации.

процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 5 (38). С. 112-118; Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. Пер. с нем. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.; Гирц К. Интерпретация культур. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.; Лебедева О. В. Развитие публичной дипломатии как приоритетное направление деятельности дипломатических представительств // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 39-49; Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27–37; Симонов Ю. П. Антропологическое измерение концептулизации языков познания в современной культуре // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 3. С. 124–131; Симонов-Вяземский Ю. П. Человек – существо девятимерное // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 1 (5). С. 7-14.

[4] Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.; Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев – М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

[5] Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. 240 с.; Бадью А. Малое руководство по инэстетике. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 156 с.; Булез П. Поэзия – центр и отсутствие – музыка // Ориентиры I. Воображать. Избранные статьи. Пер. Б. Скуратова. – М.: «Логос-Альтера», "Ecce homo", 2004. 200 с.; Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 316 с.

Материалом исследования явились: аналитические – научные (культурологические, политологические и философские) и публицистические сочинения, посвященные проблемам европейской культуры; публикации медиа; документы различных организаций, представляющих европейских союз и Францию; а также тексты художественных произведений М. Уэльбека.

Информационной базой исследования послужила специализированная аналитическая литература по истории Франции; литературная критика; критическое комментарии к сочинениям М. Уэльбека; философская и литературная дискуссия вокруг проблематики «европейского дома».

Цель исследования – раскрытие специфики образа «европейского дома» в культуре современной Франции.

Для достижения данной цели реализуются следующие **задачи**:

выделить и описать с точки зрения культурологии ключевые характеристики единого европейского пространства; проследить основные теоретические подходы к его реалиям;

выявить особенности концептуализации понятия «европейский дом» в трактовке французского философского сообщества и литературно-художественного творчества М. Уэльбека;

уточнить специфику подхода французских теоретиков к анализу процессов культурной трансформации (прежде всего, глобализации и информатизации) в контексте идеи «европейского дома»;

раскрыть диалектику создания образа Франции как «европейского дома» средствами литературно-художественного и философского творчества;

проанализировать ключевые моменты трансформации социокультурной идентичности французов на протяжении 1990-х-2010-х гг.; уточнить особенности образной рефлексии над проблемами национально-культурной идентичности;

определить коммуникативный потенциал концепта «европейский дом», охарактеризовать его политические и религиозные векторы; установить специфику политической и религиозной коммуникации Франции в контексте культурной практики, идеологии и мифологии «европейского дома».

Методологической основой исследования является метод культурологического анализа, позволяющий рассмотреть культуру как сложную динамическую систему. Используются *общенаучные* методы исследования – исторический, сравнительный, семиотический аналитический, системный, структурно-функциональный, герменевтический, и др., а также *эстетико-аналитический метод инэстетики* А. Бадью.

Научная новизна определяется постановкой проблемы. Она состоит в следующем:

- осуществлен комплексный культурологический анализ ключевых характеристик единого европейского пространства; систематизированы основные теоретические подходы к его реалиям;

- выявлена специфика концептуализации понятия «европейский дом» в литературно-художественном творчестве М. Уэльбека сквозь призму осмысления им основных культурологических идей европейских (и особенно французских) философов;

- с позиций идеи «европейского дома» уточнены особенности подхода французских теоретиков к анализу современных культурных трансформаций в связи с глобализацией и информатизацией, охарактеризованы особенности имагологического и идентитарного подходов к созданию образа «новой Франции»;

- сквозь призму концепта «европейский дом» проанализированы ключевые моменты трансформации социокультурной идентичности французов на протяжении 1990-х-2010-х гг.;

- доказано, что коммуникативный потенциал концепта «европейский дом» непосредственно связан с взаимодействием политического и религиозного векторов его конструирования;

- обоснован вывод о творческом характере взаимодействия фреймов *эталонности* и *метиссизации* в культурном самосознании французов, что обуславливает динамику переосмысления понятия «европейский дом» в медиа, научной и художественной литературе в свете дихотомии (и одновременно взаимодействия) политики и культуры.

Теоретическая значимость работы. Проект «европейского дома» сложился под влиянием объективно нараставших до недавнего времени процессов интеграции стран континента. Он выражает идею единства Европы как *новую ценность*, продвигаемую в рамках Евросоюза и утверждающую новые культурные реалии. С другой стороны, за этим проектом стоит вполне конкретная идеология, имеющая глубокие теоретико-философские основания, которые аргументируют перспективность европейского единства в качестве политической и антропологической ценности. Ее актуальное прочтение выразилось в создании Европейского союза, а также таких организаций, как основанная в 1961 г. шестью основателями европейских домов Французская федерация европейских домов (FFME). Последняя позиционирует себя как «независимая от политических партий» и «автономная по отношению к сообществу и национальным институтам»[6]. Также во Франции существует ассоциация Mouvement Européen France, которая, занимается «продвижением идей и практик европейского строительства»[7]. На сайте этой организации широко обсуждаются темы культуры и европейского кризиса[8].

При ближайшем рассмотрении выясняется, что идея «европейского дома» не сводится к процессам в области экономики, политики или идеологии. Она охватывает все области культуры, изменяя ценностные матрицы и сложившийся уклад жизни. Поэтому не удивительно, что эта идея

---

[6] Qui sommes-nous? / Bienvenue sur le site de la Fédération Française des Maisons de l'Europe. URL: https://www.maisons-europe.eu (accessed 27.05.2020); Weisbein J. La Fédération française des maisons de l'Europe (1960-2000). La trajectoire d'un militantisme européen de terrain // Politique européenne. 2011. № 2 (34). P. 37-62. URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2011-2-page-37.htm# (accessed 27.05.2020).

[7] Mouvement Européen France. URL: https://mouvement-europeen.eu/ (accessed 27.05.2020).

[8] À LA UNE - Une Union plus forte et solidaire sortira l'Europe de la crise / Mouvement Européen Franceю URL: https://mouvement-europeen.eu/ (accessed 27.05.2020).

нашла отражение в произведениях французской литературы и философии и что определенный интерес к ней проявляет не только научное сообщество, но и творческая интеллигенция.

Современные медиа осуществляют перенос новой ценности «обновленного дома» в массовом сознании, одновременно выявляя глобальные и ситуативные противоречия, связанные с ее закреплением. Именно в медиа последней четверти XX века наметилась тенденция политической артикуляции понятия «европейский дом», параллельно разрабатываемого в литературно- философским дискурсе.

Эволюция понятия «европейский дом» проявила противоречивый характер той культурной конструкции, которая лежит в основе европейского единства. В дискуссиях о путях общественного развития деятели культуры Франции обнаружили критичность, направленную на стремление к объективному анализу деструктивных тенденций глобализации, помноженных на дегуманизацию общественных отношений в силу экзистенциальных дисбалансов, связанных с информатизацией и другими аспектами технической революции. Усредненные представления о человеке, «вымывание» национальной культуры и постепенная смена культурных стандартов в едином европейском пространстве привели к развитию настроений евроскептицизма. Все эти процессы были осмыслены не только в политическом или социологическом, но также в культурологическом ключе, предоставляющем возможность выявить ценностные основания комплексных общественных процессов. Особенно показательным явился вклад в культурологию философов, социологов, литераторов и журналистов, осмысливших в своем творчестве «порядки» (М. Уэльбек, Б.-А. Леви) «европейского дома». Для этих авторов политика как взаимосвязь властных отношений с экономикой и правом выступает экстраполяцией новейшего антропологического «смещения», переживаемого современным человеком. Именно поэтому обсуждение связанных с ней отношений нашло выражение не только в пространстве политологического дискурса, но и в

художественных произведениях, раскрывающих противоречивый характер социокультурных следствий политических и экономических трансформаций отдельных стран и культур в рамках объединенной Европы. И хотя нельзя недооценивать те достижения, которые связаны с созданием и расширением единого европейского пространства, было бы недальновидно игнорировать существующие здесь проблемы (включая проблему миграции и ее отражения в художественной культуре Франции). С другой стороны, именно художественная культура наглядно демонстрирует плодотворность «интернационализма», в силу которого единый «европейский дом» стал домом не только для «коренных» европейцев, но и для выходцев из других регионов мира. Теоретическая значимость данного исследования, таким образом, состоит в изучении многоаспектного процесса «евроинтеграции» сквозь призму эмоционального отношения к этому процессу. Такой подход к интеллектуальной составляющей анализа культуры «единой Европы» представляется необходимым дополнением к исследованиям, посвященным изучению динамики ее количественных и качественных показателей, рассматриваемой другими дисциплинами.

Практическая значимость работы состоит в определении ключевых особенностей концептуализации понятия «европейский дом» в духовной культуре современной Франции, – стране, занимающей все более значительное место в системе современных международных отношений; а также в выявлении тех парадоксов, которые связаны с раскрытием образа национальной культуры в связи с ее интегрированностью в общеевропейский контекст. Материалы диссертации могут быть использованы в преподавании общего курса истории и теории культуры, а также различных спецкурсов – например, «Национальная идентичность Франции в образно-художественных формах», «Образ «европейского дома» в творчестве М. Уэльбека» и т.д.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ключевые характеристики единого европейского пространства, рассмотренные с точки зрения культурологии, связаны с ценностным

«разбросом», основанным на политических реалиях трансформируемых, но не ушедших в прошлое ценностях и институтах национальных государств. Франция с этой точки зрения представляет собой уникальную страну, где в равной мере проявляются две противоположных тенденции – стремление сохранить свою уникальность и «культурное доминирование» как вектор национальной идентичности; с другой – ведется активная работа над тем, чтобы утвердить позиции Евросоюза в качестве наднациональной организации с широкими полномочиями.

2. Концептуализация понятия «европейский дом», отталкивающаяся одновременно от институциональных реалий (Федерация Maisons de l'Europe (FFME) и др.), политических идеологий (современные формы паневропеизма) и политической мифологии, в 1990-х – 2010-х гг. продолжилась в литературно-философском творчестве французских писателей. Отдельного внимания заслуживает в данной связи идея Г. Башляра о доме как пространстве культуры; особенно показательны с этой точки зрения этой модели произведения М. Уэльбека, осмысливающего концепт «дома» как один из центральных образов своего творчества.

3. Особенности подхода европейских теоретиков культуры к процессам социокультурной трансформации позволяет выделить интеллектуальные акценты философов и социологов на темах новых технологий, информационной революции, а также антропологических метаморфоз и коллапсов, связанных с ними. В изучении культуры сквозь призму литературно-художественного творчества (М. Уэльбек) просматриваются те же темы. Однако они дополняются эмоционально окрашенной метафорикой, позволяющей по-новому посмотреть на «новую Европу», «новую Францию» XXI в. и живущего здесь «нового человека».

4. Изучение процесса трансформации социокультурной идентичности французов на протяжении 1990-х-2010-х гг. в сочинениях указанных авторов сопровождается имагологическими наблюдениями, передающими особенности выражения и конструирования образа Франции –

как страны высокой рефлексивной культуры, развитой в экономическом, социальном и политическом смысле. Как известно, это развитие сделало культуру Франции привлекательной для иммигрантов, в том числе – из других европейских стран. Отдельного внимания заслуживает в этой связи теория и практика идентитаризма. Анализ специфики ее идеологии позволяет сопоставить теории культурной идентичности идентитаристов, последователей имагологии и «неангажированных» теоретиков.

5. Уточняя особенности образной рефлексии над проблемами национально-культурной идентичности в сочинениях М. Уэльбека, можно сделать вывод о парадоксальности его отношения к процессам европейской культурной трансформации, включая вопросы иммиграции и «переформатирования» идентичности современных французов. Образ «европейского дома», созданный М. Уэльбеком, отвечает требованиям художественной выразительности и «неангажированности» как стремлению разобраться в происходящем с максимальной эмоциональной и интеллектуальной ответственностью. Одной из главных тем его творчества становится тема «дома» в контексте нового понимания пространства и границ человеческого существования.

6. Коммуникативный потенциал концепта «европейский дом» тесно связан с политическими и религиозными векторами, выступающими в качестве наиболее дискуссионных «ядерных» идей как самого проекта, так и его осмысления в творчестве М. Уэльбека. Выявление и описание специфики коммуникативных стратегий Франции в контексте идеологии «европейского дома» позволяет установить границы применимости бренда «европейский дом» с точки зрения его концептуального содержания, конструирующего потенциала и практической востребованности для культуры Франции, Европы и мира в целом.

Степень достоверности и научная апробация работы. Основные положения и выводы исследования были представлены в форме докладов на Четвертой Международной научной конференции «Творчество как

национальная стихия: медиа и социальная активность (Санкт-Петербург, 2-4 июля 2018 г.); Пятой Международной научной конференции «Творчество как национальная стихия: общее и особенное в современном социокультурном пространстве» (Санкт-Петербург, 1-3 июля 2019 г.); XII Конвент РАМИ «Мир регионов vs регионы мира» (Москва, МГИМО, 21-22 октября 2019 г.); XXV Шишкинских чтениях «Глобализация и проблемы идентичности. Научные школы МГИМО» (Москва, 21 декабря 2019 г.).; Шестой Международной научной конференции «Творчество как национальная стихия: роль индивидуальности в творческом контексте XXI века» (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2020 г.); Международной научной конференции «Молодежь в глокальном диалоге мировоззрений, культур и конфессий» (Владимир, 25 декабря 2020 г.).

Основные положения работы отражены в публикациях автора общим объемом 5,2 п.л., выполненных по теме исследования.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Королев А. А. Концепт «европейский дом» в культуре и искусстве Франции (на примере творчества М. Уэльбека) / А. А. Королев // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Том 4. – № 1. –С. 139–149. https://doi.org/0.24833/2541-8831- 2020-1-13-139-149. – 1,0 п.л.

2. Королев А. А. Коммуникативный потенциал концепта «европейский дом» (на материале творчества Мишеля Уэльбека) / А. А. Королев // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2020. – Т. 9. – № 6. – С. 27–32. – 0,8 п.л.

3. Королев А. А. Культурологическое значение метафоры «дом» в творчестве М. Уэльбека: «старая» и «новая» Франция / А. А. Королев // Культура и искусство. – 2020. – № 12. – С. 14-26. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.12.34492. – 0,6 п.л.

Статьи в изданиях Scopus:

4. Симонов Ю.П., Королев А.А. Концептуализация понятия «Европейский дом»: французский акцент / Ю.П. Симонов, А.А. Королев //

Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 9-24. https://doi.org/10.17976/ jpps/2021.01.02 – 1,5 п.л.

Статьи, опубликованные в прочих изданиях:

5. Королев А. А. Культура «новой Европы»» в творчестве М. Уэльбека: дом, который опустел? / А. А. Королев // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 89-86. – 1,0 п.л.

6. Королев А. А. Религия в пространстве французской культуры: концептуальные модели и современные политические контексты (на примере творчества М. Уэльбека) / А. А. Королев // Религии в России и мире: диалог, веротерпимость и конструирование идентичности : сб. науч. докл. / под ред. проф. Е. И. Аринина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Аркаим, 2020. – Т. 36. – 407 с. (Серия «Свеча – 2020»). – С. 98-103. – 0,3 п.л.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности ВАК 24.00.01 Теория и история культуры: 1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры, 1.18. Культура и общество, 1.22. Культура и национальный характер, 1.29. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики, 1.31. Организация культурной жизни, 3.7. Социальные факторы развития культуры; а также п. 7. Роль культуры в современных международных отношениях. Культуры и межкультурные отношения. Религии и новые идеологии как факторы международных отношений Приоритетных научных направлений МГИМО.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, содержащего 395 позиции, в том числе 120 на английском, французском, испанском и португальском языках.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ»

К концу XX в. во Франции сложилась уникальная культурная общность, остающаяся консолидированной по национально-культурному признаку и вместе с тем «вписанная» в общеевропейское социальное, экономическое, политическое и культурное пространство[9]. Проблемы миграции и шире – социальной мобильности в целом («евроиммиграция»), а также связанной с этими процессами культурной «метиссизации», легли в основу создания во Франции весьма критичного отношения к состоянию и перспективам этого «единого европейского дома». В то же время, Франция была и остается одним из ключевых участников Европейского Союза, входит в число инициаторов большинства внутренних и международных проектов с его участием[10].

Системное культурологическое изучение того, как именно образ «европейского дома» отражается в современном сознании французов (и прежде всего, в художественной культуре, особенно – в литературе) представляется в данной связи важной теоретической задачей, позволяющей проследить развитие как собственно французской, так и европейской культуры на современном этапе, выделить ведущие тенденции и определить наиболее перспективные направления сотрудничества.

1.1. Политические, социально-экономические и культурные основания европейского единства сквозь призму научного и литературно-художественного осмысления

Период конца 1950-х – начала 1960-х гг. в культурной жизни Франции был ознаменован «вторым дыханием» идеологии голлизма, открывшимся с победой руководителя «Сражающейся Франции» на президентских выборах

[9] Georgakakis D. et Weisbein J. From above and from below: A Sociology of european Actors // Comparative European Politics. 2010. Vol. 8. No 1. P. 93-109.
[10] Lequesne C. Paris-Bruxelles. Comment se fait la politique européenne de la France. – Paris: Presses de la FNSP. 1993. 288 p.

1958-го года. Утверждение патриотических идей голлизма в этот период связано с деятельностью сподвижника генерала де Голля Андре Мальро, влияние которого сохранялось и после его ухода с министерского поста вслед за отставкой де Голля. Следует отметить несомненную широту взглядов двух названных лидеров, проявленную ими, в частности, в стремлении избежать использования прямых административных аргументов при проведении культурной политики. Последнее относится и к возможностям популяризации в общественной жизни страны левых взглядов предельно широкого спектра, от ортодоксально коммунистических, выражавшихся в идеологических установках ФКП Жоржа Марше, до еврокоммунизма и европейского варианта маоизма.

События мая-июня 1968 года продемонстрировали глубокую неудовлетворенность французской студенческой молодежи и части интеллигенции продолжением реализации голлистской программы национального единения страны в её консервативных проявлениях. Зарождение «новой волны» в культуре середины XX в. явилось важнейшим фактором эстетической революции, расширившей границы привычного художественного пространства и придавшей импульс дальнейшему развитию искусства. Анализ природы «новой волны» в искусстве и политике позволяет понять зарождение тех процессов, которые по сей день определяют специфику французской культуры[11]. Время бунтарей, нарушителей законов, по которым до них функционировало искусство – это время нового героя, блуждающего в поисках себя и смысла существования, время, когда в фокусе внимания оказался человек во всей глубине экзистенциальных переживаний.

Инерция голлизма, продолжившаяся в политике Жоржа Помпиду, способствовала обострению потребности в обновлении как аксиологически-идеологического инструментария национальной идеи, так и включения в него положений, обусловленных этнонациональной динамикой французского

[11] Виноградов В. В. Французский киноавангард 20-х гг. и неоавангард «новой волны» как факторы развития выразительных средств кинематографа. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. – Москва, Всероссийский государственный институт кинематографии, 2011. 420 с.

общества под влиянием продолжавшейся эмиграции из Африки и Индокитая представителей местных элит, ориентированных на сотрудничество с французской, а затем и проамериканской администрацией в Юго-Восточной Азии.

С завершением военных операций США во Вьетнаме и примыкающих к нему государствах региона стала очевидным необходимость трансформации концепта национальной идеи с учетом «офранцуживания» представителей национальных культур, обретших во Франции вторую родину. Классическим примером двойной идентичности может служить творчество Леопольда Сенгора, участника французского Сопротивления и лауреата Нобелевской премии по литературе, стимулировавшего процессы адаптации африканцев к условиям французской культуры с сохранением их национального своеобразия (теория негритюда). Последующие смены правых и левоцентристских правительств в новейшей французской истории протекали на фоне обострения социально-экономических и культурно-духовных противоречий. Глобальный кризис 2008 г. способствовал их проявлениям в самых разнообразных, в том числе и крайних формах. Дихотомия *левых* и *правых*, определявшая лицо Пятой Республики в момент ее рождения, в настоящее время претерпела серьезные изменения[12]. Однако смещение к «центру» и создание право- и лево- центристских движений сопровождалось встречным развитием националистических движений. Почти двукратная победа «несистемного» кандидата Эмманюэля Макрона на выборах 2017 г., одержанная во втором туре выборов над представительницей крайне правых Марин Ле Пен, демонстрирует приверженность французского общества принципам демократии при умеренном сочетании социалистических и либеральных идей, а также тем

[12] Чихачев А. Партийная многополярность французской политики / РСМД. 2 февраля 2017. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/partiynaya-mnogopolyarnost-frantsuzskoy-politiki/ (дата обращения 10.01.2021); Рубинский Ю. И. Франция. Время Саркози. – М.: Международные отношения, 2011. 320 с.

культурным ценностям, которые лежат в основе участия страны в процессе создания Евросоюза.

Однако, обращаясь к анализу процессов, происходящих в культуре современной Европы[13], нельзя не заметить: вопрос об *общих европейский ценностях* и *общем европейском доме* [14] в настоящее время является дискуссионным. В научной литературе имеется множество серьезных исследований, посвященных истории формирования отдельных европейских государств, их союзов, а также изучению возможных форм государственности (в том числе, и европейской). Для теории культуры особый интерес в данной связи по-прежнему представляет книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества». Здесь, в частности, показана конкретно-историческая принадлежность определенных типов государственности: например, выявлено отличие средневековых династических государств от современных форм государственности. Так, в династическом государстве источником власти являлся владетельный сеньор, поэтому не удивительно, что эти государства меняли свои конфигурации в зависимости от брачных союзов на основании феодального права наследования земель[15]. Соответственно, культура в средневековой политической модели диффузна – здесь формируется иной тип повседневности[16], сопряженный с иными (по отношению к современным) моделями поведения и их ценностными основаниями.

---

[13] Pasquier R. et Weisbein J. L'europe au microscope du local. Manifeste pour une sociologie politique de l'intégration communautaire // Politique européenne. 2004. No. 12. P. 5-21.

[14] Mischi J. et Weisbein J. L'europe comme cause politique proche. Contestation et promotion de l'intégration communautaire dans l'espace local // Politique européenne. 2004. No 12. P. 84-104; Крецу О. Г. Формирование «Европы» как новой историко-культурной общности в раннем средневековье // Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций. Материалы III Всероссийской конференции кафедры всеобщей истории. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева / отв. ред. Д. В. Григорьев. 2018. С. 117-130, с. 117-119; Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2 (50). С. 13-23; Жариков П. А. Европейские ценности: достижения и последствия // Аксиологический аспект подготовки магистрантов технического вуза. Труды научной конференции. 2016. С. 20-28.

[15] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. 416 с. С. 65-66.

[16] Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. 285 с.; Маметьев И. В. Методологическая специфика исследования культуры

Тем не менее, даже средневековые династические государства временами тяготели к централизации, одной из форм которой в средневековой Европе были «империи» – Священная Римская империя, основанная в 962 г. Оттоном I на основе империи Карла Великого и просуществовавшая (под названием «Священная Римская империя Германской нации») до 1806 г. «Каролингские» земли франков, а затем и отдельные регионы нынешней Франции, входили в это объединение с момента его создания, составляя (наряду с землями германских племен) одно из его политических, экономических и культурных «ядер»[17].

Идеология единства в данном случае была проста: больше земель – сильнее их синьоры. Богатство, которое связано с «сельскохозяйственным мышлением» этого периода, когда земля являлась основным средством производства, порождало два противоположных импульса. Один – упомянутый выше имперский, связанный со стремлением покорить как можно больше земель, присоединив их к одному центру власти. Как правило, власти военной, которая была в ходу параллельно с династическими союзами и нередко сопутствовала бракам (именно так, например, обстояло дело с землями, полученными как «приданое» Алиенорой Аквитанской в ее браке в Людовиком VII: жених въехал во владения будущей супруги с целой армией, боясь протеста мятежных аквитанских баронов[18]).

Волны военных столкновений в средневековой истории были, пожалуй, постоянными, как приливы и отливы. На фоне этих процессов понятным становится возникновение «встречного» политико-культурного импульса, связанного со стремлением к созданию не «большого» суперобъединения по типу империи, а более компактного централизованного

повседневности А. Я. Гуревича // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. 2018. С. 93-97.

[17] Юмашев Ю. М. Европейская идея и ее развитие от «Христианской республики» до европейского союза // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 5-46; Ihl O. Conspirations et science du pouvoir chez François Guizot // Revue française d'histoire des idées politiques. 2004. № 1. P. 125-150; The history of the idea of Europe / Ed. Wilson K., van der Dussen J. – L., 1999. 174 p. P. 12.

[18] Флори Ж. Алиенора Аквитанская. Непокорная королева / Пер. с франц. И. А. Эгипти. – СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

субъекта – прообраза национального государства. Считается, что Франция добилась успеха в этом деле уже в XIII веке, во времена правления Людовика XI (1226-1270).

Эти процессы получили развернутое теоретическое осмысление в фундаментальных сочинениях позднего средневековья и Возрождения. К философским трудам, которые обосновывают имперский импульс, справедливо относят книгу Данте Алигьери «Монархия». На ее страницах великий поэт и яркий мыслитель обосновывает необходимость создания единого государства под руководством одного человека – монарха, миропомазаника Божьего, ответственного перед Богом за благополучие своего народа ценой своего *спасения* и вечной жизни. Создание такого единого супергосударства, империи, «стоящей над королевствами»[19], призвано победить величайшее зло, укорененное в природе человека и проецирующееся на отношения между государствами – алчность. Алчности «совершенно лишен» только монарх: ему просто нечему завидовать, у него уже все есть, и это «все» осознается им как тяжкое бремя и ответственность, а не желанное и недостижимое «чужое»[20]. Монархия Данте – не просто идеальное государство. Это государство, где преодолена жестокая необходимость войн[21]. Рассуждая об этой позиции в наши дни, приходится признать: фактически здесь выражена точка зрения позднесредневековой «глобализации», то есть такого объединительного движения народов, которое направлено на достижение политической однородности в рамках единого государства, – при сохранении разнородности образа жизни, языка (для простонародья) и культуры. Примечательно, что в противовес своим имперским идеям в области политики, Данте явился создателем национального итальянского литературного языка, использованного для общенационального объединения Италии и получившего широкое

[19] Данте А. Монархия. / Пер. с итал. В.П. Зубова; Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. 192 с. С. 18-19.
[20] Там же. С. 29.
[21] Ковалев А. А., Шамахов В. А. Оппозиция «Мир-Война» как явление гибридной политической реальности // Политика и общество. 2018. № 7. С. 25-39.

распространение в качестве разговорного лишь в XX в., когда с помощью телевидения и радиовещания он сумел условно «победить» региональные диалекты.

Другое направление мысли отстаивает трактат Н. Макиавелли «Государь»[22], посвященный проблеме объединения Италии в рамках единого – но национального, а не «общеевропейского» – государства. Терзаемая войнами с внешними врагами и внутренними конфликтами амбициозных князей и республиканских политиков, Италия времен Макиавелли становилась все более слабой. Этим пользовались в том числе французы и испанцы, разорявшие богатые итальянские города. Своим сочинением Макиавелли обосновал не только общеизвестное теоретическое разделение политики и морали. Он фактически впервые в истории мысли предложил образец национального государства в границах власти, объединяющей культурно однородное население.

Согласно Макиавелли, такая добродетель, как милосердие, может предполагать жестокость: приводить к повиновению народ – жестоко, но разрушить город, допустив его беспорядочное разграбление, – еще более жестоко[23]. Заботясь об укрепления своей власти, государь не брезгует обманом, подкупом, истреблением своих врагов. У правителя нет морального выбора между добром и злом, правители выбирают между б***о***льшим или меньшим злом. Для укрепления власти разумный правитель должен способствовать благу своих граждан[24], ни в коем случае не угнетать их: «Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин» [25]. Народу, который когда-то жил свободной жизнью, он никогда не забудет ее, всегда будут к ней стремится – необходимо создать им условия этой свободы. Макиавелли поставил вопрос, каким должен быть правитель для

[22] Макиавелли Н. Государь / Пер. Г.Д. Муравьева, М.А. и др. – М.: АСТ, 2017. E-book.
[23] Там же. С.31, 55.
[24] Там же. С. 9-59.
[25] Там же. С. 55.

народа – тот, которого любят или тот, которого боятся: «Лучшая из всех крепостей – не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы»[26]. И наконец – «… из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков»[27].

Следующий шаг в осмыслении проблемы единства европейских народов сквозь призму темы преодоления военных конфликтов сделал И. Кант в своем трактате «К вечному миру», где речь идет в первую очередь об *установке*, а не о буквальном воплощении идеи европейского единства[28]. Не случайно Кант начинает изложение своих взглядов с шутки, ведь название его сочинения совпадает с названием трактира, расположенного по дороге на кладбище (в немецком варианте его можно прочитать «К вечному покою»). Кантовские рассуждения также строятся на необходимости преодоления войн, которые, как он считает, будут неизбежны в силу значительного увеличения численности людей и особенностей их нравственной природы. В то же время, грамотные нравственные и политические установки способны предотвратить губительные последствия конкуренции между различными государствами.

Отдельно необходимо упомянуть сочинение И.Г. Фихте «Речи к немецкой нации». Это сочинение включает в себя речи, произнесенные в Берлине зимой 1807-1808 гг. В это время Пруссия потеряла независимость в результате войны с наполеоновской Францией. В «Речах…» вслед за В. Гумбольдтом[29] Фихте обосновал мысль о возможности объединения народа

---

[26] Там же. С. 70.
[27] Там же. С. 59.
[28] Кант И. К вечному миру. Философский проект // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. – М.: Чоро, 1994. С. 5-56.
[29] Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / Язык и философия культуры. М., 1985. С.370-381; Гумбольдт В. О мышлении и речи / Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. С. 301-302.

на основе единства *языка* и культуры[30], а также высказал утверждение о том, что государство должно способствовать воспитанию народа на основе уважения к разуму и философии[31]. Таким образом, культурное единство было представлено в качестве основополагающего условия единства политического, способного создать из раздробленной Германии сильное государство.

Далее, как показала история, политическое единство оказалось тесно связано с военными проектами. В свою очередь, имперские амбиции в сочетании с крупными сбоями реальной политики и идеологии привели Германию к идее «третьего рейха»; а политическое противостояние Германии и Франции, четко обозначившееся во время франко-прусской войны, привело в XX в. к трагическим последствиям, послужив одним из пусковых механизмов двух мировых войн.

Важно также отметить, что формы практического сотрудничества в решении конкретных задач взаимодействия (например, почтовой связи) развивались в Европе как минимум столетие[32], невзирая на войны и политическое противоборство.

Сказанного достаточно, чтобы заключить: движение европейских государств по пути объединения опиралось на богатую историю «паневропеизма» во всех его видах, от глобальных проектов Священной Римской империи до философских трактатов нескольких эпох; от выгодных военных, династических и экономических союзов до их относительно устойчивого политического оформления.

Очевидно, что вектор создания «единой Европы» во второй половине XX века на этом фоне отличает не только особый период истории культуры и фактор политической воли, определившей сложение разнородных

---

[30] Муравьёв А. Н. Понятие нации и проблема национального самоопределения народа в «Речах к немецкой нации» И. Г. Фихте // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2013. № 1. С. 43–51.

[31] Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. Перевод с немецкого: А. А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. 352 с. С. 66, 69–89, 112–119, 133–135, 260 и др.

[32] Laborie L. L'Europe mise en réseaux: la France et la coopération internationale dans les postes et les télécommunications (années 1850-années 1950). – Paris: Peter Lang, 2010. 494 p.; Chombard-Gaudin C. Pour une histoire des villes et communes jumelées // Vingtième siècle. 1992. No 35. P. 60-66.

политических амбиций и установок. Принято считать, что объективной политической основой создания Европейского союза в его нынешнем виде стало стремление к сохранению мира и стабильности в Европе после окончания Второй мировой войны[33]. Как известно, еще в Цюрихской речи 19 сентября 1946 года У. Черчилль, использовав выражение О. Бисмарка, призвал к созданию в Европе объединения, сходного с США, – Соединенных Штатов Европы; союза, способного примирить двух бывших противников Германию и Францию, что должно было стабилизировать международные отношения в Европе и во всем мире: «Первым шагом на пути к воссозданию Европейской семьи должно послужить партнерство между Францией и Германией»[34].

Европейский союз (ЕС) как объединение имеет особый статус «надгосударственного образования» и строго говоря не является ни государством, ни международной организацией, хотя имеет признаки и того, и другого. Статус ЕС закреплен рядом соглашений, начало которым было положено в послевоенной Европе договором о создании Европейского объединения угля и стали (Парижский договор, 1951)[35], созданием Европейского экономического сообщества (1957, в 1993 структура переименована в Европейское сообщество); и Европейского сообщества по атомной энергии (1957). Европейское объединение угля и стали объединило Францию, Бельгию, Западную Германию, Италию, Люксембург и Нидерланды.

В соответствии с Римским договором (1957) между Францией, ФГР, Италией, Бельгией и Люксембургом (именно эти страны участвовали в договоре 1951 года) были созданы условия таможенного союза стран-участниц, предполагавшего взаимное снятие таможенных ограничений и

---

[33] Cohen A. De congrès en assemblées. La structuration de l'espace politique transnational européen au lendemain de la guerre // Politique européenne. 2006. No 18. P. 105-125.

[34] Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете // Дилетант. URL: https://diletant.media/articles/37281719/ (дата обращения 27.05.2020).

[35] Communauté européenne du charbon et de l'acier. Assemblée commune / European University Institute. URL: https://archives.eui.eu/en/isaar/24 (accessed 27.05.2020).

ограничений товарооборота количественного характера, общую политику в области сельского хозяйства, свободное движение капитала, услуг и рабочей силы. Как видим, Франция изначально входила в число стран, которые можно назвать инициаторами и гарантами тех политических реалий[36], которые определили специфику ЕС в сегодняшнем виде.

Для того, чтобы войти в ЕС, страны-кандидаты как известно должны соответствовать так называемым Копенгагенским критериям (Копенгаген, 1993; подтверждены – Мадрид, 1995): следовать принципам демократии, свободы и прав человека, а также принципу правового государства; признавать общие правила ЕС в области экономики и права; иметь сформированную и конкурентоспособную рыночную экономику; гарантировать стабильность демократических институтов и уважение и защита прав меньшинств[37]. Основы правил членства закреплены Маастрихтским договором (1992) и уточненный «Договором о европейском союзе» (2009)[38], предполагающим, помимо прочего, географический критерий (то есть географическую принадлежность страны в Европе); предполагается также «юридическое выравнивание» (формально этот критерий не входит с Копенгагенские критерии).

Географические, политические, экономические и юридические критерии допускают возможность расширения ЕС, однако определяют четкие и труднодостижимые рамки этого процесса. Как известно, в настоящее время ЕС включает в свой состав 27 государств. С 1973 года, когда ЕС произвел первое расширение (тогда в его состав вошли Дания, Великобритания и Ирландия), имели место шесть расширений (последнее на сегодняшний день – присоединение в 2013 г. Хорватии). Ряд стран вышли из

---

[36] Palayret J.-M. Le Mouvement européen 1954-1969. Histoire d'un groupe de pression / R. Girault et G. Bossuat G. (dir.), Europe brisée, Europe retrouvée. Nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XX e siècle, Paris, Publications de la Sorbonne, 1994. P. 365-383; Greilsammer A. Les Mouvements fédéralistes en France de 1945 à 1974. – Nice: Presses d'europe, 1975. 220 p.

[37] Conditions for membership. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations // European Commission. URL https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en (accessed 27.05.2020).

[38] The history of the European Union / European Union. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/history_en (accessed 27.05.2020).

соглашений по присоединению к ЕС, наиболее известный факт такого рода – выход из ЕС Великобритании в 2020 году. В настоящее время в рамках процесса дальнейшего расширения Европейского союза статус кандидата на вступление имеют пять стран: Албания, Северная Македония, Сербия, Турция, Черногория. Заявку на вступление оформила также Босния и Герцоговина. Эта страна, однако, не имеет еще статуса кандидата. По уровню готовности к вступлению ближе всего Черногория. Политическую оценку степени готовности стран-заявителей и стран-кандидатов выполняют различные институты ЕС на основе принципов соответствия Копенгагенским соглашениям[39].

В свою очередь, за исполнением принципов участия странами-членами следит Еврокомиссия – высший орган исполнительной власти ЕС. Он создается на основе рекомендаций Европейского совета (высший орган политической власти, включает в свой состав глав государств и правительств Европейского союза, министров иностранный дел этих стран, председателя Европейского совета и председателя Еврокомиссии). Эта административная модель сложилась на основе учета позиции Шарля де Голля о необходимости проведения неформальных встреч руководителей государств, входящих в ЕС. Такие встречи организовывались с 1961 года, а на парижской встрече 1974 года по предложению тогдашнего президента Франции В. Жискар д'Эстена было принято решение о создании для этих целей самостоятельной организации – Европейского совета.

При этом важно понимать, что культурные различия между странами, вступившими в ЕС, с его созданием не исчезли; а форма объединения, стремящаяся к стандартизации (прежде всего) условий торговли и, как очевидное следствие, условий производства и потребления товаров, подталкивают страны-участницы к выработке унифицированных лекал социальной жизни. Эти лекала касаются организационных процессов, их

[39] Briefing No 23. Legal questions of enlargement / Enlargement of the European Union. URL: https://www.europarl.europa.eu/enlargement/briefings/23a2_en.htm (accessed 27.05.2020).

правового сопровождения и этических оценок «новой нормативности», что коренным образом меняет социальный климат и перестраивает культуру как в смысле холистического понимания общества, так и в смысле комплексного понимания многоаспектности человеческой деятельности в рамках того или иного сообщества[40].

Необходимо отметить, что позиция Франции по отношению к этим процессам претерпела определенную эволюцию. Так, в 2005 г. во время референдума по вопросам принятия единой Конституции ЕС[41] (проект которой был подписан годом ранее в Риме) граждане Франции (как и граждане Нидерландов) высказались против принятия этого документа[42].

Для понимания архитектоники ЕС важно также иметь в виду Лиссабонский договор (2007), точнее – «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»[43], который предусматривает в том числе условия выхода стран из ЕС и уточняет ряд инструментальных принципов его функционирования.

Краткий экскурс в историю создания ЕС будет неполон без учета экономической и социальной составляющей этого объединения, являющих собой основу его создания в не меньшей степени, чем политические условия послевоенной Европы.

Одним из краеугольных камней становления хозяйства европейского континента на протяжении тысячелетий было *сельскохозяйственное производство*. Основы единой экономической политики ЕС в области

---

[40] Лурье С. В. Психологическая антропология. История, современное состояние, перспективы. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2005. 624 с. С. 7-12; Стефаненко Т .Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2018. 352 с. С. 27; Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры. 1998. 376 с. С. 83, 152.

[41] EU constitution: Where member states stand / BBC NEWS. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3954327.stm (accessed 27.05.2020); Cohen A. et Weisbein J. Laboratoires du constitutionnalisme européen. expertises académiques et mobilisations politiques dans la promotion de la Constitution européenne // Droit & Société. 2005. No 60. P. 353-371.

[42] Parlement wallon. Session 2007-2008: URL: http://nautilus.parlement-wallon.be/Archives/2007_2008/CRA/cra18.pdf (accessed 27.05.2020).

[43] Official Journal of the European Union, C 306, 17 December 2007 / Publications Office of the EU. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/71382e06-cfe6-4f9a-85e2-c0ca5ef0b46c/language-en (accessed 27.05.2020).

сельского хозяйства заложил еще Римский договор 1957 г. Целью объединения усилий были объявлены «создание общего рынка» и «гармонизация экономической политики тогдашних шести государств-членов», среди который была и Франция[44]. И сегодня в числе главных статей расходов бюджета ЕС – расходы на проведение единой сельскохозяйственной политики (на эти цели выделяется более 46% общих средств).[45]

Исследователи отмечают, что, согласно статье 39 Римского договора 1957 г. было признано необходимым «повысить производительность сельского хозяйства», «обеспечить справедливый уровень жизни производителей сельскохозяйственной продукции», «стабилизировать рынки», «обеспечить продовольственную безопасность» и «обеспечить, чтобы эти поставки доходили до потребителей по разумным ценам»[46]. На протяжении последних пятнадцати лет речь также идет об адресной поддержке фермерства (и особенно молодых фермеров), переходе с принципа субсидирования культур на принцип субсидирования земель; об оказании поддержки сельскохозяйственным общинам; о диверсификации производства в целях развития территорий и т.д.[47] В документе с характерным названием «Сельскохозяйственная политика до 2020 г. – выполнение будущих задач в области продовольствия, природных ресурсов и территорий», подготовленном в 2010 г., обсуждались также темы регулирования ценовой политики, повышения конкурентоспособности продуктов питания, произведенных в Европе и т.д.[48]

Развитие промышленного производства, туризма и торговли позволило Европейскому союзу создать сильную экономику и сделать образ жизни

---

[44] Stead D. Common Agricultural Policy / EH.Net Encyclopedia. Ed. R. Whaples [Electronic resource]. URL: https://eh.net/encyclopedia/common-agricultural-policy/ (accessed 27.05.2020).
[45] Харакалова Л. Общая сельскохозяйственная политика Европейского союза после 2013 года и в рамках стратегии «Европа-2020» // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 2 (3). С. 66-70.
[46] Stead D. Common Agricultural Policy / EH.Net Encyclopedia. Ed. R. Whaples [Electronic resource]. URL: https://eh.net/encyclopedia/common-agricultural-policy/ (accessed 27.05.2020).
[47] Харакалова Л. Общая сельскохозяйственная политика Европейского союза после 2013 года и в рамках стратегии «Европа-2020» // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 2 (3). С. 66-70.
[48] Там же.

«среднего европейца» привлекательным прежде всего в экономическом ключе. Единые стандарты производства (эффективного) и уровня жизни (высокого) не могли не сказаться на привлекательности ЕС для инвестиций; в том числе, связанных с привлечением человеческого ресурса.

С одной стороны, единая Европа со временем оказалась перед возможностью выбирать[49], кого из лучших специалистов в различных отраслях производства, сферы услуг и т.д. пригласить на работу, создавая умеренную конкуренцию между выходцами из других стран ЕС и высококвалифицированными мигрантами[50]. Низкоквалифицированная рабочая сила трудовых мигрантов (в том числе, выходцев из стран восточной Европы – прежде всего тех, которые оказались в зоне расширения Европы) со временем привлекалась все более активно, составляя конкуренцию местным жителям. Еще б***о***льшую проблему составляет прием беженцев. Франция в настоящее время в лице президента Э. Макрона выступает за сокращение этого потока и его перераспределение между странами ЕС (в противном случае, по словам президента, для укрепления границ «придется уменьшить число стран в Шенгенской зоне»[51]).

Напомним: настороженно-негативное отношение французов к эмигрантам из европейских стран – Польши, Италии, Испании, – проблема, которая стояла предельно остро еще во времена Июльской монархии. Исследования российского историка Н.П. Таньшиной убедительно показывают, что «эта проблема вызывала осложнения как политического, так и экономического плана, поскольку содержание иностранцев значительно отягощало бюджет Франции, а также являлось фактором внутриполитической

---

49 Stirk P. M. R. European Unity in Context: The Interwar Period. – London – New-York: Bloomsbury Publishing, 2016 г. 240 p.

50 Куликова С. Н. /2011.01.045. Докье Ф., Рапопорт И. Позиции Франции на международном рынке квалифицированных мигрантов. Docquier F., Rapoport H. MARCHé INTERNATIONAL DES MIGRANTS QUALIFIéS: QUELLE EST LA PLACE DE LA FRANCE? // PROBLèMES éCON. - P., 2010. - N 2993. - P. 41-48 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2011. № 1. С. 162-166.

51 Саркисян Ж. М. Современные миграционные тенденции во Франции // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 302-311. С. 309.

нестабильности» [52]. Тема ограничения числа эмигрантов на территории Франции, таким образом, стояла еще в 1840-е гг.; хотя принять соответствующие меры правительству и тогда представлялось достаточно непростым делом[53].

Изменение миграционной политики Франции в последнее время[54] касается не только темы «недобросовестного использования» права на убежище или проблем, связанных с пандемией COVID-19. Точнее было бы сказать, что миграционный наплыв 2018-2020 гг. обострил застарелые противоречия, связанные с темой мигрантов, – примером может служить конкуренция на рынке труда[55]. Ситуацию можно сравнить с «рабочим законодательством» 1930-х гг., когда французские трудящиеся протестовали против передачи рабочих мест выходцам из других стран, добиваясь (в том числе, с помощью массовых демонстраций) запрета на «несправедливое» (с их точки зрения) предоставление работы иностранцам. Между тем, именно Франция на протяжении конца XIX в. и большей части XX в. оказывала гостеприимство нескольким волнам эмиграции из России, а также выходцам из стран Африки (прежде всего, арабов – выходцев из Французского Алжира, Марокко, Туниса и т.д., а также Черной Африки); Азии, других стран Европы и др.[56]

---

[52] Таньшина Н. П. Венская система и Венские соглашения: взгляд из Франции // Россия и современный мир. 2017. № 4 (97). С.61-76. С. 65; Таньшина Н. П. Венская система: национальные партитуры в «европейском концерте» (к вопросу о соотношении национальных интересов и коллективной безопасности) // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ. – М., 2016. С. 175-188.

[53] Таньшина Н. П. Венская система и Венские соглашения: взгляд из Франции. С. 65.

[54] Sutherland P. Nous avons besoin d'une politique européenne globale pour répondre à la crise migratoire // Confrontations Europe: la revue. 2015. № 110. P. 22; Трофимова О. Е. Миграционные тенденции во Франции: новые реалии // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. 2016. С. 57-65.

[55] Преображенская А. А. Французские избиратели и партии в преддверии президентской кампании 2017 г. / Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 285 с. С. 129-140. С. 139.

[56] Гордон А.В. Колониализм, его наследие, афро-азиатские общины в современной Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2006. № 3. С. 49-69; Куликова С. Н. 2014.02.052. Бринбаум Й., Рьеко Ж. Занятость молодых выходцев из иммигрантской среды. Brinbaum Y., Rieucau G. LES JEUNES ISSUS DE L`IMMIGRATION FACE à L`EMPLOI // PROBLèMES éCON. - P., 2013. N 3070. P. 51-55 / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2014. № 2. С. 178-180.

С темой миграции по понятным причинам тесно связана тема культурного разнообразия и вопрос о том, кто же такой европеец[57]. Примитивная идеология европоцентризма, представляющая европейца как белого молодого мужчину с хорошим уровнем дохода, постепенно ушла в прошлое. Сегодня европеец – это прежде всего гражданин европейской страны[58]. Для Франции данная тема связана с лингвокультурными особенностями истолкования слова «nationalité», которое означает «гражданство», а не этническую принадлежность. Исследовательница проблем иммиграции во Франции И.С. Новоженова пишет: «Французскую нацию характеризуют как политическую и гражданскую, так как именно *гражданство (nationalité)* определяет принадлежность к нации и государству. От этнической концепции нации Франция отказалась ещё в XIX в. (закон 1889 г.) … и перешла к определению гражданства по праву почвы. Гражданство передаеется детям от родителей-французов, его получают дети из семей иммигрантов-иностранцев … по достижении совершеннолетия, если они родились и живут на территории страны. Оно также предоставляется иностранцам путеем натурализации, то есть тем, кто подал прошение и выполнил установленные правила» [59]. И далее: «Во Франции иммигрант первого поколения, т.е. родившийся за пределами Франции, проживающий во Франции, всю жизнь будет называться иммигрантом, но до получения гражданства он является иммирантом-иностранцем, а после получения – иммигрантом-французом»[60].

---

[57] Уэльбек М. Серотонин / пер. с фр. М. Зониной. – М.: Астрель; CORPUS, 2020. 320 с., с. 213-218; Медушевский Н. А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интегративного процесса // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 167-174; Перская В. В. Европейские ценности или национальные интересы? // Экономические аспекты Брекзита. Сер. «Доклады Института Европы». – М.: Институт Европы РАН, 2017. С. 89-98; Ковлер В.И. Европейская интеграция: федералистский проект. – М.: Статут, 2016. 216 с.

[58] Pukallus S. Representations of European Citizenship since 1951. – London: Springer, 2016 г. 281 p.

[59] Новоженова И. С. Особенности французской политической культуры (на примере общественной дискуссии по иммиграционному вопросу) / Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. 285 с. С. 187-199. С. 188.

[60] Там же.

Так кто же такой «европеец»? И что же такое «европеизм»?[61] Многие исследователи подчеркивают, что во Франции (как и в Европе в целом) сегодня не оправдалась политика мультикультурализма[62]. К 2018 г. относится аналитическая записка Центра европейских политических исследований (CEPS) в Брюсселе с предложением о создании рабочей группы по решению проблем, связанных с миграционным кризисом, с характерным названием «Мы в одной лодке: Время Миграционного союза»[63]. С точки зрения авторов документа, поликультурность – один из основных пунктов, определивший необходимость перехода от выделения квот на убежище к созданию институциональной структуры, способной стать инстанцией контроля за соблюдением прав человека (например, при принудительном возвращении нелегальных мигрантов в заведомо небезопасную среду)[64]. Подписание 10 декабря 2018 г. Марракешского пакта – Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, стало результатом такой работы. Пункты этого договора прописывают «порядок оказания помощи мигрантам на всех этапах интеграции», хотя и не имеют обязательной силы [65]. Ряд стан ЕС (но не Франция) отказались от участия в этом проекте. Он также вызвал протесты общественности, не без основания полагавшей, что договор может увеличить «поток нелегалов в развитые страны»[66]. Лидер ультраправых Марин Ле Пен осудила участие Франции в договоре как несоответствующее интересам

[61] Браницкий А. Г. Взаимоотношения современной России с ЕС и СЕ: судьба российского европеизма // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики / под ред. Корнилова А. А. [и др.]. Нижний Новгород, 2018. С. 6-11; Серебрякова С. В. Научное осмысление понятия «европейская идентичность» в современном общеевропейском контексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 213-218.
[62] Новоженова И. С. Ук. соч. С. 187-199. С. 197.
[63] Carrera S., Lannoo K. We're in this boat together // Time for a Migration Union. CEPS Policy. 2018. 9 p. URL: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2018/06/SCandKL_PI2018_09_MigrationUnion.pdf (accessed 10.01.2021).
[64] Там же.
[65] Дрямина Н. Пакт ООН о миграции утверждён / RU.EURONEWS. 10.12.2018. URL: https://ru.euronews.com/2018/12/10/united-nations-migration-pact (дата обращения 10.01.2021).
[66] Там же.

рядовых французов, которых «опять не спросили», принимая решение, которое «навсегда изменит лицо страны» [67].

Разговор о вопросах иммиграции возвращает к проблемам интеграции мигрантов, для многих из которых Франция так и не стала настоящим домом. Для иллюстрации этого положения имеет смысл обратиться к анализу отказа нескольких стран Европы, включая Францию при президенте Н. Саркози в 2011 г., от политики мультикультурализма[68] – способа эклектического совмещения различных культурных традиций при своеобразном патронаже государственной идеологии и уважению граждан (независимо от их культурной принадлежности) к законности и порядку. Кратко опишем основные проблемы, с ней связанные.

Как отмечает российский исследователь П. В. Осколков, мультикультурализм никогда не был для стран Европы стратегией «плавильного котла», хотя «несмотря на … недостатки», «мультикультурализм стал одним из возможных и наиболее распространенных способов регулирования этнополитических рисков»[69]. В статье, посвященной вопросу об отношении к мультикультурализму «новых правых» во Франции, этот автор приводит ссылку на работу 2007 г., выполненную В. С. Малаховым. Малахов говорит об «ошибке культурализации социального», свойственной мультикультурализму, когда, как замечает П. В. Осколков, «социальные проблемы трактуются сквозь призму этнокультурной инаковости» (а не «интересов»[70]) «что ни в коей мере не способствует их решению, а часто и усугубляет их»[71]. Настаивая на недопустимости «политического употребления культурных различий»[72] и критикуя книгу Сейлы Бенхабиб «Притязания культуры. Равенство и

---

67 Марин Ле Пен осудила одобренный в Марракеше Глобальный договор о миграции / ТАСС. 10.12.2019. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5893795 (дата обращения 10.01.2021).

68 Осколков П. В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого // Современная Европа. 2019. № 3 (88). С. 83-91. С. 84.

69 Там же. С. 87.

70 Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с. С. 158.

71 Осколков П. В. Ук.соч . С. 87.

72 Малахов В. С. Ук. соч. С. 176-184.

разнообразие в глобальную эру»[73], В.С. Малахов справедливо указывает, что «культурный детерминизм – плохая альтернатива экономическому детерминизму»[74]. В этом смысле, поддерживает его П. В. Осколков, мультикультурализм – «не лучшая стратегия этнополитического менеджмента, если не считать остальных»[75].

Во Франции мультикультурализм, как отмечают специалисты, подвергся критике сразу с нескольких сторон (и со стороны тех, кому эта политика кажется недостаточно последовательным способом поддержания культурного разнообразия, и со стороны тех, кто полагает, что мультикультурализм разрушает ценностные основы (этно)национального единства). Мультикултурализм больше не является здесь государственной идеологией; как и в Германии, речь идет об *интеграции* иммигрантов во французское общество. Однако реальный способ решения проблем поликультурного общества на сегодня и здесь вряд ли вышел за рамки взаимодействия многоуровневых групповых и индивидуальных идентичностей. Возражая В. С. Малахову, можно было бы продолжить логику его собственного аргумента: интересы нельзя свести исключительно к их этническому и/или культурному генезису, точно так же историко-культурный пласт социальной деятельности нельзя свести к социальному генезису. Что же поделать, если реализация социальных (и, возможно, классовых) интересов фильтруется с помощью призмы языка и культуры, вводя в оборот «лишние» с точки зрения классовой теории размышления на тему ценностей, традиций и т.д. Групповые интересы, сведенные к сугубо социальному, выглядят упрощенно, – и решения проблем, связанных с этими упрощениями, могут отказаться также чрезмерно упрощенными, упускающими из виду «некий икс», обозначаемый единством культурного целого и неверифицируемый без тщательного дополнительного разбирательства. Именно к таким вопросам отсылает современного

[73] Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2005. 350 с.
[74] Малахов В.С. Ук. соч. С. 180.
[75] Осколков П. В. Ук. соч. С. 85.

исследователя «культурный поворот»[76] (а точнее, культурологический) в научном знании, и далеко не всегда культура при этом трактуется в качестве «плохой альтернативы» социальному.

Одним из пунктов, примиряющих враждующие стороны в дискуссии о культуре и культурном разнообразии (а значит, и о реалистическом, а не идеологическом, понимании мультикультурализма) является интерпретация культуры как «образа жизни». Известно, что французский язык, как и французский образ мыслей, французское образование и т.д. – важные составляющие французского образа жизни. Французы по сей день уверены, что для прохождения экзамена, подтверждающего владение продвинутым уровнем освоения французского языка и получения соответствующего сертификата, необходимо научиться не только говорить, но и мыслить в соответствии с картезианскими традициями[77]. Таким образом воспроизводится единая национальная культура, основанная на *французских* (а не абстрактных европейских или каких-то иных) стандартах. В этом случае, как пишет И.С. Новоженова, своеобразие культурной идентичности становится личным делом каждого; тогда как гражданская идентичность оказывается единообразной на всей территории Франции [78]. Исследовательница также отмечает, что «немалую проблему» в связи с темой интеграции иммигрантов и особенно их потомков, получивших французское гражданство, создают выходцы из мусульманских стран, для которых культура, идентичность и религиозная принадлежность составляют единый комплекс[79].

---

[76] Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Чугров С. В. Культура, институты, политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 143-156. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.10. С. 143-156.

[77] Нехорошева К. И. Картезианское мышление в культуре современной Франции (на примере развития гуманитарных технологий). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, МГИМО, 2019. 190 с. С. 135-151; Нехорошева К. И. Декарт и картезианство как часть культуры Франции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4 (26). С. 141-146.

[78] Новоженова И. С. Ук. соч. С. 197.

[79] Dianina S.Yu., Khalil M.A.M., Glagolev V.S. Cultural Islam In Northern Europe // Baltic Region. 2019. Vol. 11. No 3. P. 142-160. DOI: 10.5922/20798555201937

Немало внимания сегодня уделяется перспективам культурного сотрудничества Франции с другими странами. – в том числе, с теми, которые не входят в ЕС, например, с Россией, где речь идет в том числе о «децентрализованном культурном сотрудничестве»[80] и взаимодействии «в неполитическом контексте»[81], с одной стороны, и о политизации темы культурного сотрудничества[82] – с другой.

Особое место в ряду партнеров Франции традиционно занимают США. Это страну французы нередко воспринимают в качестве конкурента, и в то же время – гаранта евроатлантической безопасности[83]. Торговые и военные связи США с Францией и Европейским союзом продолжают развиваться, несмотря на риторику независимости, регулярно звучащую в медиа и политическом дискурсе Франции. Параллельно Франция не может не испытывать напор американизации, для многих совпадающей с глобализацией в объективном (как процесс) и субъективном (как идеология) смыслах. Не удивительно, что при любой интерпретации глобализация/американизация откладывает свой отпечаток на процессы в области культуры, образа жизни и языка. Стандартизация и унификация в рамках европейского сотрудничества таким образом оказывается «вписанной» в более интенсивное и напористое освоение «торговых площадей» Европы, свойственное американскому капиталу.

---

[80] Спиридонов П. А. Предпосылки развития децентрализованного культурного сотрудничества между Францией и постсоветской Россией // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2 (35). С. 159-161.

[81] Baisnée O. et Smith A. Pour une sociologie de l'apolitique: acteurs, interactions et représentations au cœur du gouvernement de l'Union européenne / *in* A. Cohen, B. Lacroix et P. Riutort (dir.). Les Formes de l'activité politique. Éléments d'analyse sociologique (XVIIIe-XXe siècles). – Paris: PUF, 2006. P. 335-354.

[82] Weisbein J. Vers un agenda de recherche sur les politisations ordinaires au sein de la sociologie politique française À propos de L'ordinaire du politique: enquêtes sur les rapports profanes au politique, dirigé par François Buton, Patrick Lehingue, Nicolas Mariot et Sabine Rozier // Politix. 2017. No 119. P. 147-160; Зарипова А. И. роль средств массовой коммуникации Франции в пространстве современной культуры / Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность. Сборник статей. Под редакцией Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. – СПб., 2018. С. 358-366; Зарипова А. И. Восприятие образа России и русской культуры во французской прессе 2008-2018 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Москва, МГИМО, 2019. 274 с. С. 160-17.

[83] Обичкина Е. О. «Заурядная» внешняя политика Ф. Олланда: проблемы и перспективы / Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. 285 с. С. 200-209.

Внимание к перечисленным выше вопросам связано не только с объективными тенденциями интенсивного глобального взаимодействия на основе общего рынка и мир-системных процессов[84], но и теми глубокими противоречиями, которые определяют сознание современного европейца на фоне настроений евроскептицизма[85] и стремительного численного роста последователей «новых правых»[86]. В начале 2020 г. ситуация с распространением коронавируса[87] поставили вопрос ещё более остро, акцентируя тему единого общеевропейского пространства «с точностью до наоборот»: границы стран ЕС оказались временно закрыты, взаимная помощь во время пандемии приостановлена, а ресурс деклараций, как известно, не может длительное время быть ниже уровня обеспечения витальных ценностей.

Что касается теоретического сопровождения текущих изменений, то можно с высокой долей уверенности констатировать: к настоящему времени исследования культурных ценностей единой Европы вышли далеко за пределы идиллических упований на торжество «вечного мира» и моралистических рекомендаций в стиле долженствования[88]. Более востребованы оказались исследования прагматических и ценностных оснований поведения «альтернативных» социальных движений разного типа,

---

[84] Лопатин А. А., Чечулин В. Л. Исследование тенденции состояния экономики Евросоюза посредством модели отклонения от экономического равновесия // Математика и междисциплинарные исследования – 2017. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. В 2-х томах. Т. 2. / гл. ред. А. П. Шкарапута. Пермь, 2017. С. 225-229.

[85] Preda D., Pasquinucci D. The Road Europe Travelled Along: The Evolution of the EEC/EU Institutions and Policies. - Bruxelles, bern, Frankfurt am Main, New-York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2010. 500 p.; Гуляева К. В. Дискурс о сути интеграционного процесса в Европейском союзе: "еврооптимисты" против "евроскептиков" // Власть. 2010. № 5. С. 64-67; Яковлев Д. А. Концепция евроскептицизма в социально-политической теории // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 78-84; Боровков И. И. [и др.]. Трансформация партийно-политического ландшафта в Европе в условиях нового миропорядка // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4 (55). С. 13-57.

[86] Узнародов И. М. Новый национализм в современной Европе // Современная Европа. 2015. № 5 (65). С. 75-90.

[87] Шумилин А. И. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2 (14). С. 14-21.

[88] Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. филос. об-ва. 2003. № 3. С. 16; Саликов А. Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира // Кантовский сборник. 2012. № 4. С. 42-49; Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 188-190.

поднимающих знамя национализма и популизма[89], утверждающих приоритет даже не региональных, а локальных ценностей[90]. При этом эксперты выделяют свойственную лидерам правопопулистских партий «эксплуатацию страха Другого»[91], что находит выражение в том числе в ужесточении позиции по иммиграционной политике. Примечателен в данной связи и спад «антисемитской риторики», переплетенный с ростом риторики «антимусульманской»[92], в заявлениях лидеров *националистов* (П. В. Осколков обращает внимание на один из плакатов «Национального фронта» Франции (с 1 июня 2018 г. партия называется «Национальное объединение») под руководством Марин Ле Пен 2010 г.: «Нет – исламизму») и *альт-правых*. (здесь обращает на себя внимание становление идентитарных движений, опирающихся на склонную к этноцентрической риторике молодежь, склонную выдвигать анти-иммигрантские лозунги[93]). С точки зрения идентитаристов, «европейская идея» должна быть скорректирована за счет «этноплюрализма». Эту идею развивает, в частности, французский философ, писатель и политики Ален де Бенуа [94], получивший признание как основатель и теоретик движения «Новые правые». Язык и культура получают в концепции идентитарности статус особых идентификационных механизмов, с помощью которых происходит, по их мнению, гомогенизация

[89] Гаврилова С. М. Политическая альтернатива и будущее Европы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4 (22). С. 203-217; Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. No 8. P. 1191–1226.

[90] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. 120 с.; Касабуцкая М. С. Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 205-212; Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings / Ed. by J. T. Jost, J. Sidanius (Series: Key readings in social psychology). – New York: Psychology Press, 2004. P. 276–293; Луценко А. В. "Неоязыческий комплекс" в сознании современного европейца // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 6 (48). С. 35-39.

[91] Осколков П. В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого // Современная Европа. 2019. № 3 (88). С. 83-91. С. 87.

[92] Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 3. С. 19-33. С. 28.

[93] Прохоренко И. Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с. С. 18-20; How «identitarian» politics is changing Europe / The Economist. 28.03.2018. URL: https://www.economist.com/europe/2018/03/28/how-identitarian-politics-is-changing-europe (дата обращения 10.01.2020).

[94] Бенуа А. Как можно быть язычником. – М.: Русская Правда, 2004. 240 с.; Бенуа А. Традиция и консервативная мысль / Пер. с фр. А. Игнатьева. – М.: Тотенбург, 2017. 186 с.

нации[95]. Таким образом, культура интерпретируется как относительно статичный «набор» традиционных[96] ценностей, «хранящих» исконное наследие. Такие ценности могут сочетаться с инновациями, не меняя своей сути и подвергающихся сознательному «замещению» (конспирологические мифы о «заговоре элит», стремящихся «заместить» коренное население Европы или даже планирующих «геноцид белых»[97]). Примечательно, что наиболее известные теоретики альт-правых (получивших распространение не только в Европе, но и в США) представляют Германию и Францию – лидеров евроинтеграции, определявших баланс сил при создании Евросоюза. Подобные суждения, разумеется, не принимаются ни официальным руководством Франции, ни тем более противниками националистов-популистов на политическом ринге. Вместе с тем, они обнажают парадоксы «единого культурного пространства» Европы, раскрывая конфликтогенный потенциал взаимодействия стран ЕС и одновременно проявляя ту разность потенциалов, которая обеспечивает широкие возможности их сотрудничества.

1.2. Парадоксы «единого культурного пространства» Европы: взгляд из Франции

Политические и экономические процессы, а также их взаимное влияние и комплексное взаимодействие, фиксируемое понятием «культура», представляют собой востребованные в современной науке маркеры, позволяющие описывать *социокультурые изменения* в *конкретном обществе* (а не только проследить действие общих законов его развития, действие которых нуждаются в уточнении применительно к месту и времени текущих изменений). Другим подходом к теме «культурного единства» является попытка проанализировать общественные настроения, выявив тем самым

[95] Шмид К. Новый номос Земли. Пер. Ю. Ю. Коринца / АПН. 2004. URL: https://www.apn.ru/publications/article1044.htm (дата обращения 10.01.2021).
[96] Генон Р. Кризис современного мира / Рене Генон; Пер. с франц. – М.: Эксмо, 2008. 784 с.
[97] Фай Г. Археофутуризм. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2011. 256 с.

наиболее перспективные тенденции социального развития. Здесь для культуролога на первое место выходит работа с медиа[98] и другими источниками «живого» лингвистического материала[99], то есть фактически речь идет об анализе языка культуры в современном прочтении этой методологии.

Такой анализ позволяет выделять **парадоксы**, свойственные социокультурному пространству[100], в том числе – пространству единой Европы. Условно эти парадоксы можно разделить на два основных типа: ***социальные*** (включая социальные последствия экономической политики и собственно политических решений, в том числе и внешнеполитических) и ***антропологические***, то есть касающиеся непосредственно «сердцевины человечности», которая формирует «внешнее» и одновременно формируется им. Изменение «среды обитания» и «способов действия», вытекающих из социальных изменений и в свою очередь определяющих новые изменения, составляют суть «кризисов культуры». Ключом познания «сердцевины человечности» и в наши дни считается искусство, сохраняющее не только и не столько рациональную, сколько эмоциональную составляющую ее глубинного исследования.

Для строгого научного знания (к нему относятся те социогуманитарные науки, которые пользуются преимущественно количественными методами, например – классическая социология) анализ значимых антропологических вопросов и социальных изменений требует определенной временн***о***й дистанции. *Что* конкретно происходит, какие тенденции являются существенными, а какие – лишь внешним проявлением антропологических парадоксов и скоро «сойдут на нет», – вопросы, предполагающие

---

[98] Бушев А. Б. Медиаисследования дискурса европейской идентичности // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 95-100.

[99] Нехорошева К. И. Проблема гуманитарных технологий: специфика подхода французского образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1 (31). С. 14-20.

[100] Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с. С. 29–34; 149; Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Манускрипт. 2017. № 7 (81). С. 149-152; Гуткин О. В., Листвина Е. В., Петрова Г. Н., Семенищева О. А. Феномен культурного пространства. – Саратов: Научная книга, 2005. 138 с.

объективную возможность проследить «начала и концы», условия возникновения, характер протекания и перспективы дальнейшего развития масштабных социальных явлений.

Но методам количественного анализа с трудом поддаются процессы, связанные с индивидуальными жизненными треками, личной судьбой и переживаниями индивида; с теми психологически значимыми образами, которые задают ценностные рамки его образа мыслей и его поведения. Здесь на помощь приходят, с одной стороны, методы неклассической науки (например, биографический метод). А с другой – методы художественного анализа, который способен более чутко реагировать на текущие изменения; ставить вопросы, позволяющие проследить процессы, не всегда поддающиеся традиционному научному видению[101]. Тем более важен художественный анализ для углубленного познания кризисных явлений культуры.

Искусство с древних времени рассматривалось как одна из форм знания, отличающегося глубиной, полнотой и целостностью. В XX в. обсуждение вопроса о специфике этого вида познания получило культурологический акцент, уточняя роль эмоционального интеллекта, творческого воображения и художественной критики как эвристически ценных стратегий познания. Так, философ и теоретик культуры Густав Шпет в своем докладе «Искусство как вид знания» (1926), реконструированном по сохранившимся материалам и опубликованном журналом «Культурно-историческая психология» в 2006 г., отмечает: познание в строгом смысле – это, конечно, научное мышление, иными словами – мышление в понятиях. Однако между научным и «донаучным» (прагматически целесообразным) знанием нет непроницаемой преграды: «всякое «переживание» иногда уже

[101] Симонов-Вяземский Ю. П. Очень хорошо, если у вас есть своя доминантная "комната" // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 2 (6). С. 7-18; Вяземский Ю. П. Творчество и душа: три слоя сознания как источник становления и развития науки, искусства и религии // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 3 (11). С. 8-17.

рассматривается как «познание», *пережить = узнать*»[102]. Г.Г. Шпет также настаивает на «эмоциональной первичности» знания, которая присутствует в искусстве и снимается научным мышлением, составляя источник мировоззрения. И хотя искусство в первую очередь связано с творчеством и воображением, оно все же «может быть возведено к понятию (имеет свой эйдос)»[103]. Особую роль в аналитике того, что открывается искусству как виду знания, играет «философия культуры». Но верно и то, что «художественное произведение есть его собственное самосознание»: «здесь – первая «аксиологическая» очевидность; *до-теоретическое* знание … Специфика искусства – ***культурное самосознание***».[104]

О специфике образного познания идет речь в «имажитативной метафизике» французского естествоиспытателя, философа и искусствоведа Гастона Башляра (1884-1962), а также в переосмыслении этого феномена на российской почве – в «имагинативной философии» российского и советского философа, писателя и переводчика Я. Голосовкера (1890-1967). Г. Башляр в своих сочинениях подчеркивает значение непосредственно образного мышления и даже *непосредственной онтологии*, позволяющей уйти от сухого рационализма к самим вещам в их непосредственном бытии[105]. Ему вторит Я. Голосовкер, указывая на реализм воображаемого как реализм культуры[106]. Взгляды этих мыслителей на онтологию искусства и его познавательную ценность стали предметом изучения современных авторов, подчеркивающих значение связи творческого воображения и культуры как связи, реализуемой искусством[107].

---

[102] Шпет Г. Г. Искусство как вид знания (этюд) // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2. № 4. С. 25-35.
[103] Шпет Г. Г. Искусство как вид знания (этюд).
[104] Там же.
[105] Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: Ад Маргинем, 2020. 320 с.
[106] Голосовкер Я. Э. Имагинативный реализм // «Архе» Культуро-логический ежегодник. Вып.1 – Кемерово: «Алеф» Гуманитарный Центр.1993. С. 382-398. С. 383.
[107] Кириленко Е. И. Культура как терапия: метафизика воображения Г. Башляра // Бюллетень сибирской медицины. 2020. Т. 3. № 1. С. 83-91; Арапов О. Г. «Имагинативная философия» Я. Голосовкера и «Имажинативная метафизика» Г. Башляра: две модели философии воображения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 2. С. 158-165; Хмелевская С. А. Искусство как форма постижения бытия (художественные формы постижения бытия) // Социально-политические

Одна из самых известных книг Г. Башляра «La poétique de l’espace» («Поэтика пространства»), увидевшая свет во Франции в 1958 г. (русский перевод 2006 г.), посвящена раскрытию смысла образного мышления. Примечательно, что этот смысл раскрыт через обращение к образу «дома», рассмотренного одновременно в качестве культурного символа и реального культурного пространства.

Размышляя о доме как некоторой «привилегированной сущности» и «глубинной ценности», Г. Башляр пишет: «Дом для нас – источник разрозненных образов и вместе с тем некое образное целое», где «воображение усиливает значения реальности»[108]. Дом задает границу «Я» и «не-Я» (Башляр называет выделение этой дихотомии «принципом раковины»). Поэтому дом, «наш единственный уголок мира» – это «наш первомир», «увиденный сквозь призму души».

Отсюда – «антропокосмическое» значение дома, заданное теми культурными смыслами, которые показывают первичную связь человека как активного смыслополагающего существа с миром преображенной им природы. Отсюда и тождество «понятия дома» и «любого обитаемого пространства»: «любое поистине обитаемое пространство несет в себе сущность понятия дома». Изучение такого тождества как раз и доступно в образах искусства, где «воображение возводит «стены» из бесплотных теней, ободряя себя иллюзией защищенности или, напротив, дрожит за толстыми стенами, сомневается в прочности крепких заграждений… человек, нашедший кров, сенсибилизирует границы своего убежища. Он обживает дом в его реальности и виртуальности, в мыслях и грезах»[109] .

Рассуждая о доме как *собственно человеческом* пространстве, философ настаивает: «Дом – воплощение образов, дающих человеку опору или

науки. 2015. № 2. С. 74-78; Хмелевская С. А. Логика имагинативных форм постижения бытия // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 278-280.

[108] Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: Ад Маргинем, 2020. 320 с. С. 26-27.

[109] Там же.

иллюзию устойчивости»[110]. Так проявляется особенное значение образа дома как фиксации того ««бессознательного» цивилизации», которое определяет аксиологические сценарии, само по себе уклоняясь от взгляда исследователя (*подвал* и *чердак*). Свое значение имеют и другие структурные элементы *внешнего* и *внутреннего*, связанные с образом дома. Поэтому так важны воплощения этого образа в искусстве, фиксирующие те оттенки смысла, которыми наделяет культура каждого конкретного периода само-истолкование собственного образа. Образы дома можно описать, соответственно, в терминах феноменологии, психологии, этнографии и даже географии, раскрывая виды жилищ и способы их обустройства сквозь призму *образа дома*.

«Поэтику пространства» Гастона Башляра можно считать «кирпичиком» в теоретическом фундаменте исследований, которые появятся позднее и будут посвящены роли *образа* в культуре (примером таких исследований может служить современная имагология, о которой речь пойдет позднее). Вместе с тем, Башляр может быть рассмотрен как автор весьма перспективного проекта, рассматривающего *образа дома* в качестве ключевого культурного (именно культурного, а не только психологического или философского) символа, изучение которого на литературном материале позволяет проникнуть в особенности переживания времени конкретным обществом в конкретную эпоху. Примечательно, что полем приложения такого образа становится не только «культурное» в узком значении искусства и искусности (например, устроения своей жизни или построения отношений); дальнейшая концептуализация образа оказывает непосредственное влияние и на такие специфические сферы деятельности, как например политика[111].

---

[110] Там же. С. 36-37.

[111] Бойцова О. Ю. Концепт и его роль в политическом познании и политическом образовании / SCHOLA-2018. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: МГУ, 2018. С. 24-28; Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 3. С. 346-360.

Позиция Г. Башляра может быть дополнена теми идеями, которые сформулировал Я.Э. Голосовкер в своем сочинении «Имагенативный релизм», опубликованном ежегодников «Архэ» в 1993 г. Голосовкер в духе Канта противопоставляет *фантазию* как фикцию и *воображение* как особую трансцендентную реальность. В этом смысле «имагенативный реализм» Голосовкера можно отождествить с понятием *смыслополагание*, характерным для немецкой философии[112] (одного из источников его самостоятельного взгляда на культурный процесс). Голосовкер полагает, то реализм – «явление культуры, а не явление природы»: «в его основе лежит не вещь, как естественное явление, … а … смысл и образ явлений, равно как смысл выдуманных вещей и их отношений вообще»[113].

Голосовкер также вводит понятие «культуримагинации», передающее основной посыл его теории культуры, призывая отличать «мнимые культуримагинации» (натурализм), идеологию (то, как «идеи культуимагинаций управляют вещами») и этику («то, как должны управлять идеи культуримагинаций вещами»). Ближе всего к культуримагинации оказывается литературный реализм, который в трактовке Голосовкера оказывается неожиданно близок символизму: «символический реализм» (как ад в «Божественной комедии» Данте) – это «могучий» символизм.

В имагинативном образе, созданном литературой, по Голосовкеру, «заключено время»: если «природный человек» смертен, то «его слава, его дела, его роль в культуре» «не умирают» [114]. Такие образы по-своему бессмертны, хотя и не существуют отдельно от своего времени. Более того, они отражают образ *своего* времени.

В данном контексте нельзя не упомянуть, что некоторые культурологи и философы категорически отказывают «литературоцентричному

---

[112] С этой точки зрения привлекает внимание написанная в 1930-е гг. работа немецкого философа Николя Гартмана «Смыслополагание и смыслоосуществление» (Гартман Н. Смыслополагание и смыслоосуществление / HORIZON. Феноменологические исследования. 2019. Т. 8. № 1. С. 267-310).
[113] Голосовкер Я. Э. Ук. соч. С. 384.
[114] Там же. С. 384-386.

мышлению» в возможности выйти на уровень философского вопрошания[115] и действительного глубокого теоретического познания. Другие – напротив, настаивают на том, что *только* искусство (и в частности, литература), может быть «настоящим» знанием, поскольку лишь она может в наши дни остаться политически неангажированной и сохранить столь необходимую исследователю «незамутненность взгляда»[116]. Художественное мышление в этом случае открывает возможность изучения важных акцентов, которые могли выпасть из поля рассмотрения научного мышления. Таковы, например, нюансы ценностного сознания и особенностей его переживания субъектом культуры, а также специфика трансформации самого этого субъекта в зависимости от социокультурных фреймов[117] и текущих ценностных мутаций[118].

Однако вернемся к образу «европейского дома». Образу, задавшему, как было показано ранее, новые векторы интерпретации европейского культурного пространства, рассмотренного из французского «окна».

В числе современных писателей, оказавших значительное влияние на художественный самоанализ современной европейской культуры (в том числе, с точки зрения концептуализации идеи «общего европейского дома»), выделяется французский писатель Мишель Уэльбек, автор резонансных произведений, посвященных новейшему антропологическому повороту и критике новейших форм тоталитаризма и ценностной деградации, которые он обнаруживает в теоретических моделях и практических решениях, свойственных «единой Европе». А также – в рамках культуры повседневности, которая оказывается наиболее чувствительной к радикальным трансформациям, о которых идет речь.

---

[115] Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия?» // Философский журнал. 2009. № 1 (2). С. 5-17.

[116] Бадью А. Малое руководство по инэстетике. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 156 с. С. 95-128.

[117] Вахштайн В. «Практика» vs. «Фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 65-95.

[118] Философия культуры в системе изучения международных отношений. Книга 1. Парадоксы исследовательской призмы / Силантьева М. В. [и др.]. – М.: МГИМО, 2020. 544 с. С. 331, 322, 368.

В этой связи определенный интерес представляют взгляды М. Уэльбека на возможности литературы и ее роли в культуре. В том числе, и с точки зрения дискуссии о познавательной ценности литературного творчества. Полагая, что «передача знаний чаще всего невозможна» – настолько неповторимы и разнообразны «человеческие существа» и настолько «бесконечна разнородность умов»[119], писатель выделяет литературу как «одно из *главных искусств* той западной цивилизации, которая на наших глазах завершает свое существование»[120].

Сравнивая литературу с другими видами искусства, он находит нечто общее, объединяющее литературу с музыкой и живописью; и вместе с тем нечто, позволяющее увидеть разницу между ними. Так, музыка, как и литература, «способна вызвать эмоциональное потрясение, встряску»; живопись – также, как и литература, «дать повод для восхищения и предложить по-иному взглянуть на мир»; «но только литературе подвластно пробудить в нас чувство близости с другим человеческим разумом в его полном объеме, с его слабостями и величием, ограниченностью, суетностью, навязчивыми идеями и верованиями, со всем, что тревожит, интересует, будоражит и отвращает его»[121]. Литература не просто создает эффект присутствия – как если бы не только автор, но и его читатель «действительно присутствовал» в книгах. Литература позволяет услышать другого человека через века, позволяет видеть в ушедших в иной мир гениях культуры своих друзей и собеседников. Правда, по «прошествии нескольких столетий» «туманный» образ личности пишущего становится все более «эфемерным». Этот «туманный субъект становится все более призрачным и безликим», а страницы книг начинают больше говорить о своем времени, чем оставаться живым голосом говорящего[122]. Тем не менее, «если нам нравится книга, … нам нравится ее автор»: до своего «растворения в тумане» он остается

[119] Уэльбек М. Покорность. – М.: АСТ, CORPUS, 2020. 288 с. С. 17.
[120] Там же. С. 12-13.
[121] Там же С. 12-13.
[122] Там же. С. 13-14.

лучшим собеседником, как если бы между ним и читателем не пролегало время и пространство. Такая свободная беседа, где каждому есть, что сказать о времени и о себе – высший смысл литературы, толкающий в том числе на ее изучение. И, как особо отмечает Уэльбек, на написание научных статей и диссертаций, посвященных любимому писателю: он остается «чемпионом», за которым хочется следовать, мысленно воспроизводя не только страницы его духовной биографии, но и переживая вместе с ним «те же отношения» с другими людьми и, сквозь их призму, вставать вровень с ним в отношениях со смыслом. Университетская научная среда, иронично замечает Уэльбек, позволяет «сражаться … посредством научных статей» за возможность хранить такие отношения. Добавим: как культурную реальность. Изучение литературы, в том числе научное, заставляет почувствовать, что «мое существование имеет смысл»[123]. Именно поэтому «литература – дело серьезное» [124].

Уместно предположить, что эти слова литературного героя Уэльбека по крайней мере в некоторой мере передают дух его собственного отношения к тому, что Гете назвал «мировой литературой» и что по сей день составляет линию духовной преемственности «западной» европоцентричной культуры. Хотя бы потому, что сам писатель называет литературного героя «альтер эго» по крайней мере одного писателя – его любимого Гюисмаса[125].

Как уже было сказано, парадоксы культурного пространства современной Европы рассмотрены в творчестве М. Уэльбека в том числе сквозь призму концептуализации понятия «европейский дом». Нельзя сказать, что предпринятое им исследование культурных процессов и человеческой натуры, оказавшейся втянутой в глобальные трансформации всего образа жизни, мировоззрения, идентичностей и т.д., принадлежат жанру строго научных исследований. Скорее изыскания писателя следует отнести к своеобразной художественной диагностике, выносящей

[123] Уэльбек М. Покорность. С. 45.
[124] Там же. С. 56-57.
[125] Там же. С. 47.

«приговор» тектоническим изменениям, охватившим в наши дни весь мир и Европу вместе с ним. Не случайно речь в его произведениях заходит не только о проблемах стран Европейского союза: время от времени там упоминаются, например, китайская и японская культуры как несоизмеримые культуре европейской; или – «дешевые продукты» из США и Южной Америки, которые становятся символами не только экономически целесообразного упрощения технологических процессов, но и в целом – другой культуры производства и потребления, а также всего образа жизни, связанного с другим типом производства и потребления.

Также М. Уэльбек заостряет внимание на том, что прямым следствием объединения Европы явилась интенсификация процесса культурного «метиссажа»[126], традиционно воспринимаемого во Франции с остро негативными коннотациями.

Рассмотрение этих проблем производится сквозь призму *концептуализации* понятия «европейский дом». Отметим: в творчестве французского писателя идея «европейского дома» именно концептуализируется, то есть здесь представлено не понятие в строгом смысле, а образные решения, приводящие к его переосмыслению. При этом далеко не всегда связанные с такой концептуализацией проблемы обсуждается с применением самого *выражения* «европейский дом». Нередко М. Уэльбек избегает его «лобового» упоминания, сквозь череду метафор бережно подводя читателя к рождению совместными усилиями нового художественного образа. «Дом» проявляется как возникающий на горизонте замок, или «выскакивающая» из-за поворота дороги заправка; иногда это как бы выделившийся из бесконечного лабиринта улицы подъезд со светящимся

[126] Adler P. S. l974. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // Intercultural Communication: A Reader. Belmont, California: Wadsworth Publishing. 1977. P. 262-380; Матусевич Е. В. Процессуальность идентичности: конвенциональная и неконвенциональная аргументация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 68-71; Колесник В. С. Конфликт ценностей в межцивилизационном диалоге // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1-2. С. 126-129; Дианова В. М. К построению теории межкультурного взаимодействия / Studia culturae. Выпуск 18. Научный журнал кафедр культурологии, эстетики и философии культуры, Центра изучения культуры Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 317 с. С. 5-14.

окошком или одинокий оконный проем, сквозь который видна тусклая лампа, скудно освещающая воображаемую комнату. Сквозь призму эмоционального переживания такие – как бы выплывающие из темноты сознания – образы выводят читателя к новому пониманию происходящего в культуре: создается впечатление, что творческий напор смыслополагания пробивается в созданных воображением картинах, а затем угасает. Дрейфуя по волнам своей памяти и генерируя своим воображением все новые образы, герои Уэльбека постоянно чувствуют себя не в своей тарелке, живут «как во сне». Реальность окружающего мира ставится под сомнение – и вместе с тем постоянно вторгается в сознание героя. Столкновение сна и яви переживается еще более мучительно, чем столкновение образов прошлого с образами настоящего и будущего, в свою очередь порождая ощущение ирреальности происходящего. Окружающие люди начинают походить на героев сказок Гофмана о механических куклах – чем они физически ближе, тем сильнее заметна искусственность их слов и поступков, выдающая фальшь общепринятого культурного стандарта.

В этой связи уместно рассмотреть ценностные «сдвиги», произошедшие в культуре Европы к настоящему времени, то есть времени 1990-2020 гг., как выражение **антропологических парадоксов** единого европейского пространства, интерпретируемого как «дом». Ведь ясно, что создание такого политического организма, как Европейский Союз, при всей мощи общих европейских ценностей (и декларируемых, и реальных), потребовало учета различий в позициях стран-участников данного объединения. Как уже отмечалось выше, на примере Франции можно отчетливо видеть, как менялся комплекс идей, определявших участие и роль Франции в сплочении Европы, проходя путь от неприятия «наднациональности» к «провозглашению необходимости внутренней сплоченности и солидарности европейцев»[127]. В контексте интеграционного

[127] Сидоров А. С. Европейское строительство и Франция: фактор личности (от де Голля до Миттерана) // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 115-124. С. 119.

развития страны менялось и самовосприятие французов[128] и образ страны в глазах ее партнеров[129].

Однако во многом именно «базовые европейские ценности» стали камнем преткновения на пути процесса «превращения романтики liberté, égalité, fraternité в норму поведения индивидуума»[130]. Попытка создания Европы, единой не только экономически и политически, но и культурно, оказалась перед лицом того неприятного факта, что культурное разнообразие не сводится к этнографическому; а очередной наплыв мигрантов вызвал к жизни резкое противостояние правых и левых сил[131], породившая тезис о том, что «европейский дом» сегодня охвачен огнем правого экстремизма и его необходимо спасать, пробуждая совесть европейского общества силами интеллектуальной элиты [132]. Заметим в скобках: среди тех деятелей культуры, кто подписал манифест «Il y a le feu à la Maison Europe» (обращение деятелей культуры и искусства «Европейский дом в огне…»), есть два француза: писатели Лейла Слимани и Б.-А. Леви (последний – давний оппонент М. Уэльбека). Интересно, что все три названных автора – уроженцы заморских стран, чье детство связано с арабским миром (Л. Слимани – Марокко, Б.-А. Леви – Алжир; в Алжире провел детство и М. Уэльбек, родившийся на острове Реньюон – французском владении в Индийском океане).

Мишеля Уэльбека можно отнести к одному из первых авторов, выделивших вопрос об «общем европейском доме» в качестве одного из центральных вопросов *культуры*. Поставленный в художественно-образной форме, этот вопрос позволяет сконцентрировать внимание на теме кризиса

---

[128] Борко Ю.А. Франция в европейской интеграции: эволюция концепций и политики (1950-2015) / Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев, 2016. – М.: ИМЭМО РАН. С. 221-233.

[129] Веденина Л. Г. Франция и Россия: транскультурное и межъязыковое взаимодействие (XI-XXI вв.) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3. С. 65-74.

[130] Котова Е. В. Испытание на прочность / Литературная газета. 20.07.11. URL: https://lgz.ru/article/N29--6331---2011-07-20-/Ispытanie-na-prochnosty16747/ (дата обращения 27.05.2020).

[131] Кудрявцев А. К. Франция, удивляющая мир // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 165-176.

[132] «Il y a le feu à la Maison Europe», le manifeste des patriotes européens. Par Un collectif d'écrivains internationaux – 25 janvier 2019 / Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/01/25/il-y-a-le-feu-a-la-maison-europe-le-manifeste-des-patriotes-europeens_1705305 (accessed 27.05.2020).

культуры сквозь призму поиска ключевых особенностей самосознания современного европейца (если воспользоваться термином, употребление которого в политической культуре Франции, по мнению самого писателя, выдает «левых радикалов») – его *идентичности*. Другим полюсом «проблемы культуры», рассмотренной сквозь призму образа «европейского дома», является обесценивание культуры, которое видится М. Уэльбеку обратной стороной индивидуализма. Писатель стремится понять, каким именно образом «рвется связь времен», и как именно «духовная ситуация времени» задает рамки индивидуально-личностного саморазвития, подводя человека культуры к разрыву со своим культурным прошлым и оставляя перед лицом неразличенной неизвестности будущего.

В числе ключевых метафор, сопряженных в творчестве М. Уэльбека с образом «европейского дома», следует назвать метафору «заката Европы». Несмотря на то, что в настоящее время этот образ стал тривиальным, он все еще имеет значительный художественный потенциал, позволяющий описывать потери «фаустовской души» на пути старения европейского культурного типа. Произведения Уэльбека, чьи герои постоянно оказываются в движении, в процессе перехода из одного состояния утраты – в другое, переезда с места на место, поиска самого себя как поиска *своего* места, своего *дома*, могут читаться с этой точки зрения как своеобразные «протоколы» таких «утрат».

Дом, гостиница, небольшой дом в деревне; слишком большой дом для одного; слишком большой дом для одного в очень большом городе; слишком большой дом для одного в маленькой деревне; дом, который сдается внаем, будучи оставлен хозяином ненадолго (но, как выясняется, в конце концов навсегда, и более того, он втайне от всех оказывается выставлен на продажу за мизерные деньги); дом, в котором все протекло, но обещанный ремонт никак не происходит, и только «нелегальный» сантехник-мигрант оказывается случайным помощником, временно «заткнувшим дыру», но не способным решить основную проблему… Этот далеко не полный перечень

метафор позволяет провести почти буквальные параллели с экономической и политической ситуацией, а также произвести более сложные сопоставления и оценки, касающиеся попытки фиксации того, что именно теряет Европа, отдаляясь от некогда всесильных метанарративов и мучительно стремясь произвести на свет новые[133].

Сочинения М. Уэльбека полны литературных и философских аллюзий. Один из излюбленных приемов: писатель рассматривает культуру и сквозь призму того или иного писателя, философа или целого направления мысли – таких, как «философия жизни», экзистенциализм Ф.М. Достоевского или традиции бунинской прозы. Как энтомолог, застывший над наколотой на иглу бабочкой, он вглядывается в детали происходящего с культурой повседневности как бы сквозь лупу, преувеличивающую сиюминутное настроение и придающее ему размах эпического события. Вот герой романа «Серотонин» оказался в доме у своего друга – аристократа-богача, помешанного на идее фермерства. Этот дом – древний замок, «слишком большой для одного»: жена и дети оставили «чудака», которому дороги французское вино и французский сыр, чье производство требует непрерывного каждодневного труда, не приносит никакого дохода и к тому же не может «по определению» выдержать конкуренцию с дешевыми американскими продуктами, – их производство (как и их вкус) упрощено до предела и потому не требует таких титанических затрат[134]. А вот – «отвратительные» летние домики, которые обросший и неряшливый «чудак» вынужден сдавать всяким сомнительным личностям, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Именно сюда он отправляет жить своего друга: в пустом доме гость будет ему только мешать, утяжеляя своим присутствием переживание безнадежности и отчаяния. И хотя главный герой знает о производстве вина и особенно сыра во Франции почти все, будучи

[133] Lyotard J.-F. The Postmodern condition: A Report on Knowledge. – Minneapolis: University of Minnessota Press, 1984. 111 p. P. 10, 40–41; Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3-11.
[134] Уэльбек М. Серотонин. С. 200.

чиновником министерства сельского хозяйства, он ничем – ни словом, ни делом, – не может помочь своему другу: сельское хозяйство умирает, как умирало за сто пятьдесят – сто лет до этого ремесленное производство, воспетое прерафаэлитами. Теперь дорого уже не просто производство «вручную», но производство «по-человечески», с учетом разницы вкусовых оттенков, особенностей различных этапов производства, необходимости дать время «отлежаться» (а не выставлять на продажу немедленно) и т.д.

В своих метаниях по миру герой М. Уэльбека не находит приюта нигде: слишком близкие отношения с друзьями и возлюбленными не могут закрыть вселенскую пустоту, которая заполняет его существование. Нетрудно проследить в его переживаниях звучание мотивов экзистенциальной философии. Оно просматривается и в бесконечных передвижениях героя по Франции, Испании и другим странам Европы; и в резко нелицеприятных высказываниях о самих французах, обо всех подряд европейских соседях и о тех гостях из дальних стран, которые попались путешественнику под руку. За время интенсивного пространственного перемещения героя мелькающие за окном пейзажи сливаются в пустое понятие «пространства» – унылые своим однообразием ландшафты под крылом самолета, за окном автомобиля или поезда. Вместо «лица» страны, лица ее культуры – карикатуры. Слабая надежда позвать в свою жизнь кого-то – любимого, надежного, с кем можно по-настоящему построить дом и обжить его, согреться у «домашнего очага», постоянно разбивается о какие-то внешние этому желанию препятствия. То любимая женщина как-то незаметно теряется в буквальном смысле, – или стареет, теряя былую красоту; то герой сам как бы невзначай открывает в себе и близких что-то такое, что вызывает в нем ужас и отвращение (прежде всего, к самому себе). В конечном итоге создание дома становится нерешаемой задачей, квадратурой круга.

Воплощение кошмара безликости – элитные высотки мегаполиса, где жертвы престижного потребления находят возможность реализовать свои

амбиции путем символического потребления «брендовой» архитектуры, района, и в конечном итоге «брендового» образа жизни. Однако все его атрибуты, начиная с «правильной» красоты спутницы и заканчивая привычкой покупать определенные продукты в соседнем престижном (и соответственно дорогом) универмаге постепенно начинают вызывать у героя нарастающее отвращение, настолько сильное, что он решается в одну минуту разорвать все имущественные и эмоциональные связи. Особое отвращение начинает вызывать его возлюбленная: японка, полная всяких достоинств девушка, достигшая многого в карьере, личностном развитии и тому подобное именно во Франции. Это тем более (или наоборот, тем менее) вдохновляет героя, что девушка находит для себя развлечение, выявившее между ними границу принципиально допустимого с точки зрения не только личных, но и культурных границ: она начинает принимать участие в эротических съемках, вызывающих у него буквально физическое отвращение. «Свободный» европеец оказывается в душе вовсе не либертарианцем, а едва ли не ханжой, когда игра им самим же созданных фантазий становится обыденной реальностью, приемлемой представителем другой культуры.

Итак, «клетка» многоэтажки в престижном районе брошена. Здесь у героя нет жизни, а есть только бесконечное отвращение к самому себе и своему альтер-это – своей «спутнице жизни». Заигрывание с «альтернативными культурами» и стремление сделать свой дом открытым для всего нового и прогрессивного заводит в тупик, из которого есть только один выход – в гостиницу, где можно на некоторое время спрятаться, живя под вымышленным именем.

Здесь герой надеется найти примирение между своими человеческими потребностями и слабостями (например, привычкой курить) и общественными нормами, стремящимися к «исправлению» индивидуумов (категорический запрет на курение почти во всех гостиницах). Маленький гостиничный номер похож на тюремную камеру, правда, выбранную

добровольно. Нарастающая личная неаккуратность, стремление уклониться от назойливой ежедневной уборки, положенной по правилам проживания, приводят героя в ресторанчик, где вкусно и спокойно, и он сидит там дни напролет. Однако и здесь он, одинокий, не может ни побыть сам с собой, ни в конце концов покончить с собой, как это нередко делают герои более сентиментальных сочинений.

Приходится возвращаться в гостиничную «камеру». Здесь можно временно укрыться от непогоды, от навязчивого внимания других людей, душевно отогреться и даже, возможно, вновь обрести себя. История с влюбленностью героя в «девушку на ресепшэн», милую и приветливую, становится возможна потому, что бесконечный бег от навязчивого внимания общества и от самого себя удалось на время приостановить; прийти в себя и *отдохнуть*. Отдохнуть так, как это можно сделать, только *дома*, а не в казарме элитной многоэтажки или заброшенном шалаше деревенского рая. В этом эпизоде слышны мотивы антиутопий XX века, от чуда невозможного «старого» непрозрачного дома, розовых талонов и неизменных занавесок «Мы» Е. Замятина – до Государства Порядка и Стабильности Олдоса Хаксли и Большого Брата Дж. Оруэлла, где общественное «тело без органов» вторгается в регулирование мельчайших деталей жизни человека, пытаясь «сделать, как лучше». И культура получает тотальное антропологическое разрушение, единственный выход из которого – обреченный на поражение бунт. Однако М. Уэльбек идет дальше, чем Е. Замятин. Чтобы бунт стал возможен, нужно время – восстановиться после лоботомии. И герою М. Уэльбека это почти удалось. Но – одно несовпадение, и линия жизни вновь гонит его на поиски нового пристанища. Грустный врач-«мозгоправ» помогает удержаться на минимуме социальности – прописывает антидепрессант. И этим же решает судьбу: оказавшись в неизбежной зависимости от побочных последствий приема препарата, герой теряет главное для него качество, доставшееся в наследство как неотъемлемое свойство телесности – свою мужскую силу. Аллюзии с жизненной силой,

силой, способной породить что-то новое – и вместе с тем живое, активное; способное испытывать и боль, но не только боль, но также радость и надежду, – все это утрачено вместе с утратой своего мужского «я».

Медикаментозная кастрация серотонином (именно так называется антидепрессант) позволяет сравнить кабинет врача с комнатой пыток, последствия которых отсрочены, но неизбежны. А перед читателем встает метафорический ряд: научная медицина, искренне протягивая руку помощи с искусно приготовленным лекарством, изощренно убивает человека, утратившего волю к жизни. Пройдя этот «дом науки» и получив заветный рецепт искусственного «спасения», герой переживает чувство отдельности от мира, окончательное разрушение иллюзии «норы», которые еще недавно с таким успехом создавали его комната в гостинице и столик в ресторане. Начинается следующий этап поиска дома, уже не как возможного очага (чем была гостиница), но как пристанища, где можно просто преклонить голову. В конечном итоге, такими местами постепенно оказываются: дом друга, «картонный домик» на пляже и квартирка в очередной высотке (только на этот раз лишенная всех бонусов элитного жилища).

Интересно, что другой роман М. Уэльбека, «Карта и территория», начинается с бытовой проблемы: в ночь под Рождество жильцу требуется починить водопровод. Но сантехник, которого можно «легально» вызвать только через фирму, берущую за услуги весьма приличные деньги, «к сожалению» прийти может только очень и очень нескоро. Как прожить эти дни? Герой романа обращается к помощи «нелегального» сантехника, выходца из «другой» (некогда социалистической) Европы[135]. Тот и берет не много, и делает ремонт без капризов.

Но как же быть с «налаженной жизнью» и верой, что Европа достигла стабильного благополучия и не нуждается в том, чтобы подвергать пересмотру, «ремонту», базовые принципы организации ее жизни, подобно

[135] Уэльбек М. Карта и территория / пер. с фр. М. Зониной. – М.: Астрель; CORPUS, 2011. 480 с. С. 15-17.

водопроводу составляющие условие нормального функционирования цивилизации?

Дом «с протечкой», дом, который необратимо теряет качество коммуникаций, в жилищном хозяйстве считается аварийным. И если его нельзя «починить» на системной основе, подвергнув капитальному ремонту, – такой дом идет под снос. Разумеется, данное положение дел не устраивает его жильцов, но значит ли это, что они действительно готовы вкладываться в серьезный ремонт? Или, если деконструировать это символическое высказывание, готовы ли европейцы к тем крупным эмоциональным, интеллектуальным, физическим и наконец финансовым затратам, которые их ждут на пути надвигающейся «проблемы ремонта»? Не банкроты ли они? Будут ли они игнорировать эту проблему, утешая себя надеждой на несомненность своего величия (особенно по сравнению с теми странами, для которых и уровень, и образ жизни европейца остается на недосягаемой высоте)? Найдут ли в себе силы преодолеть усталость и безнадежность, пустоту и разобщенность? Появиться ли переживание полета и высоты? Насколько внешние формы социальной и политической организации, построенные на демократии, взаимном уважении и взаимовыгодном экономическом сотрудничестве, окажутся способны поддерживать действующий принцип обратной связи, который предполагает безусловную ценность каждого для всех? Не появился ли в «новой Европе» призрак нового тоталитаризма, восставший на ее же собственных костях и распространившийся по ее же собственной территории, а вовсе не экспортированный из-за рубежа по нитям новых коммуникаций?

И наконец, насколько *политическое* по сути своей способно выражать *культурное*? То есть насколько власть как таковая может быть соотнесена со свободой и творчеством? Поиск ответов на эти вопросы составляет суть литературно-художественного метода Мишеля Уэльбека; а сами ответы не дают никаких однозначных рецептов. И если взгляд аналитика-рационалиста «со стороны», из глубины других социокультурных локусов, нередко

констатирует «надуманность» подобных переживаний (а то и их «навязывание» в целом благополучной во всех смыслах Европе), то сами европейцы, если верить М. Уэльбеку, далеко не так благодушны. Их дом переживает не лучшие времена. Но это не значит, что он рухнул.

Таким образом, «новая Европа» в романах М. Уэльбека рассмотренная с точки зрения концепта «дом», предстает в двух главных образах: «общего европейского дома», который опустошен изнутри, открыт миру как «заброшенка» (хотя и видится посетителям верхом благоустройства). Во-вторых, этот «единый европейский дом» складывается из отдельных «комнат», по которым разошлись его обитатели, спасаясь от надзора строгого домовладельца – бездушной машины европейской и национальной бюрократии. В этом смысле европейский дом не пуст, но «держится» лишь на воспоминании о былом величии – «старых» принципах солидарности и «отживших» ценностных моделях (примером последних М. Уэльбек полагает христианство).

Параллельно Европа, казалось бы, постепенно теряет главное качество своей культуры, которое стало основой ее единства, – «домашнесть», обращенность «лицом» к людям. Более того. Она перестает быть местом, где на основании формального права каждый представлен в системе единства как личность, имеющая свое лицо. Лицо, обращенное к другим. Новая модель культуры приближается к тому символическому толкованию, которое Г.В.Ф. Гегель назвал «разорванным сознанием». Выступая «проекцией» коллективного самосознания, дополнительно «раздробленного» (по мысли М. Уэльбека, за счет усиления индивидуализма), культура «общего дома» становится культом бесприютности и одиночества, страха и отчаяния, – под маской благополучия и уверенности в себе. Хорошо построенный и заполненный полезными вещами дом, в котором нет лада и радости, – не дом, а помещение, которое скоро будет оставлено (продано, брошено) своими хозяевами.

Житель «европейского дома» чувствует одиночество не только потому, что его дом заполнили «гости»-мигранты, которых лично он в общем-то не звал. При этом процесс интенсификации межкультурной коммуникации на территориях, географически относимых к Европе, сопровождается натиском анти-европоцентризма (и прежде всего, в сознании самих европейцев). Не удивительно, что на уровне базовых социальных рефлексов безопасности у некоторого количества жителей этой территории появляется вначале агрессия, а затем – апатия. Вывод М. Уэльбека беспощаден: социальные чувства нельзя игнорировать; а их негативный заряд воспринимать как их отсутствие. Брошенный дом – не просто пустой, он – страшный.

По мысли М. Уэльбека, в условиях хорошо организованного общего дома человек чувствует себя частью социальной машины, обезличивающей любое движение ума, души и тела. Бюрократическая машина с четкой механической системностью подавляет желание остаться одному – не в смысле одиночества, а в смысле уединения, открытого творчеству. Писатель констатирует развитие своеобразной духовной и социальной болезни, которая может быть названа стремлением к бездомности. В этом символическом доме пуст не только очаг, но и алтарь, причем неверие «исконного» европейца не могут компенсировать толпы мигрантов, которые привезли с собой «своих» богов. Церковные здания постепенно превращаются в административные и развлекательные центры; наука заменяет веру, а лекарственные препараты – разговоры по душам.

«Старый» дом разрушен. А в «новом» – не получается обжиться, там холодно и неуютно, «не-антропосоразмерно». В нем, несмотря на декларации, не хватает любви, дружбы и взаимопонимания, – хотя есть возлюбленные, друзья и тонкая рефлексия. Дом, который все же оказывается возможен, – это дом из прошлого. Родительский дом до того, как его посетила беда или смерть близкого человека; дом друга до того, как тот перестал чувствовать себя – собой. Культурный «европейский дом», как следует из сочинений М. Уэльбека, уходит в прошлое. Но память о нем еще

жива. Эта связующая нить остается в культурном самосознании вопросом и болью. Что доказывает, что этот дом все же существует – как парадокс и вопрос, как духовное измерение культуры, неудобное для ее утилитарных толкований, но видимо неустранимо связанное с ней.

Итак, единое европейское пространство, таким образом, рассматривается с двух взаимно дополняющих позиций: во-первых, в духе конструктивизма – как идеология и одновременно комплексный проект переустройства целостной культурной аксиоматики Европы и соответствующих ей институтов; во-вторых, в духе структурализма – как объективно сложившаяся система ценностей и установок, определяющих инерционную динамику социокультурных трансформаций новейшего периода при поддержке таких институтов. Особенности каждого из подходов выявляют ограниченный характер методологии социогуманитарного знания, одновременно фиксируя противоречивое содержание динамики культурного целого.

1.3. «Старая» и «новая» Франция: проблемы глобализации, информатизации и «нового человека»

Хотелось бы с самого начала уточнить: выражения «старая» и «новая» Франция в контексте данного исследования подразумевают не политологическое разделение регионов, связанное с «проблемой Квебека». В данном контексте «старое» и «новое» – лишь метафора, с помощью которой высвечивается проблема *возможного обрыва преемственности* французской культуры под влиянием процессов глобализации, информатизации и тех глубоких антропологических изменений, которые явились их следствием.

Надо сказать, что тема радикального антропологического сдвига, в последние десятилетия охватившего культуру под влиянием новых технологий, прежде всего информационных, как и проблема созданных на их основе новых типов коммуникации, волновала французское общество на

протяжении большей части XX века, даже до того, как сами эти технологии стали повседневной реальностью. В данной связи имеет смысл обратиться к краткому рассмотрению тех идей, которые были сформулированы философией XX века и послужили основанием оригинальной версии интерпретации культуры «с поправкой» на современность.

Для теории культуры большое значение в этом смысле имеет ряд произведений французских философов, социологов и писателей. В качестве «ключа» используем сочинение выдающегося французского философа XX в. Ж.-Ф. Лиотара (1924-1998) «Состояние постмодерна» (книга написана в 1979 году, русский перевод 1998 год). В этой работе сформулирована идея перехода общества к новому – информационному – обществу, основанному на новом, информационном, понимании знания. Основанием такого перехода служат изменения, связанные с информационными технологиями и переориентацией науки в выборе критериев собственной идентификации.

Одним из ключевых слов в этой связи становится разработанный М. Фуко и Ю. Хабермасом концепт «легитимации»[136], «вписывания» научного знания в социокультурный контекст; и «самолегитимации»[137] – обоснования наукой собственной «научности». Легитимация основывается на «метанаррациях», «великих рассказах» (как переводит это понятие Н.А. Шматко) или, точнее, «метаповествованиях» (А.А. Грицанов), определявших мышления человека «эпохи модерна». Среди них – установки Просвещения на свободу, рационализм и исторический прогресс[138].

Однако с появлением новых технологий, и прежде всего – информационных, наступает «закат эпохи метанарраций»: новые правила легитимации требуют вписывать «знание» в формат «научности», но фактически задают правила для того, чтобы вписать в социокультурные

---

[136] Речь идет о концепциях, претендующих на универсальное значение в культуре и дающих «легитимность» знанию. См.: ст. «Метанаррация» / Постмодернизм. Энциклопедия. URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/metanarratia.html (дата обращения 27.05.2020).

[137] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя. 1998. 160 с. С. 10.

[138] Там же. С. 37, 88, 80.

условия. Философ говорит, что научное сообщество («университет») требует от ученого «консенсуса», однако «когда научное учреждение функционирует таким образом, оно ведет себя как обыкновенная власть, поведение которой отрегулировано на гомеостазис»[139]. Всякая попытка изменить «гомеостазс» воспринимается как «террористическая угроза»; «система» (в данном случае, социальная структура, легитимирующая научное знание) ведет себя «террористически». Ее цель – «эффективность от уничтожения угрозы… или партнера, вышедшего из языковой игры, в которую с ним играют»[140]. «Партнер», о котором идет речь в данном случае, – ученый, имеющий способность к «творческому воображению»; которое, конечно же, дестабилизирует сложившуюся систему взглядов (ее Лиотар называет «наукой», беря это слово в кавычки). «Нормальным ответом» на вопрос о прагматике исследования было бы, с точки зрения философа, не стремление к легитимации (то есть поиск оптимального соответствия социально-адаптивным или властным лекалам), а: «Нужно посмотреть. Расскажите о вашем случае»[141]. То есть, по существу, признание своего незнания и готовности двигаться навстречу возможным находкам.

Какова роль информационных технологий в этом процессе замены интерпретации знания как открытости сознания миру – на знание-«оптимизацию» (если воспользоваться более современным «определением» эпистемологической легитимности)? Дело в том, что «решающие инстанции»[142] действует на основании «другой антропологии» (не-ньютоновского типа). Если «ньютоновский тип» антропологии (метафизика, университет, «великий герой, великие опасности, великие кругосветные плавания и великая цель» предполагал четкие и однозначные взаимосвязи силы и пространства, но «с выходом их употребления метанарративного механизма легитимации» нарративная функция «теряет свои функторы»

[139] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 151.
[140] Там же. С. 151-152.
[141] Там же. С. 151.
[142] Там же. С. 11.

«великого героя, великие опасности и т.д.) и «распыляется в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных и т.п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sui generis*. Каждый из нас живет на пересечении траекторий многих этих частиц. Мы не формируем без необходимости стабильных языковых комбинаций, а свойства, которые мы им придаем, не всегда поддаются коммуникации»[143].

Новая информационная эпоха, в которой меняется статус знания и тип коммуникации, согласно Ж.-Ф. Лиотару, **начинается в культуре Европы с конца 1950 гг., по мере послевоенного восстановления**[144]. Он называет ее «пост-(то есть «после-)современностью», постмодерном, обозначая таким образом тот самый разрыв с традицией. В контексте нашего исследования примечательно, что в *то же самое время* берет старт политика создания Евросоюза, возникает европейское объединение угля и стали (напомним, это 1957 год). В это же время «передовые науки и техники» имеют дело прежде всего с языком. Лиотар перечисляет множество направлений, от создания фонологии и лингвистических теорий до конструирования вычислительных машин, машинных языков и создания банков памяти. Его описание культурных практик, связанных с языком, удивительно точно передает общую направленность тех «языковых игр» (Л. Витгенштейн), в которые играет мир в 2020 году. Как и перевод – с помощью технологических изменений – знания от пропорционального соединения «двух фундаментальных функций», исследовательской и передачи сведений, к последовательной элиминации того, что не может быть переведено в биты информации (поскольку только такой перевод теперь операционализирует знание). гегемония информатики влечет за собой *свою логику*; знание становится самодостаточны, «экстериоризуется» относительно «знающего»; оно «производится» для того, чтобы быть «проданным». Знание

[143] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 10-11.
[144] Там же. С. 14.

«становится главной производительной силой», влияет на «производительную способность национальных государств» и «в форме информационного товара» выступает «главной ставкой в мировом соперничестве за власть». Монополии государства на знание как товар ставятся под сомнение «прозрачностью» коммуникационных сетей, которая «идет в паре с коммерциализацией знаний»[145].

Понятно, что подобное перераспределение знания, изменение отношения человека к знанию и в конечном итоге изменение самой антропологии знания не может не иметь значительных для культуры следствий. Лиотар не возражает против того, что данная ситуация является порождением культуры. Но не менее важно и ее обратное влияние на культуру, образ мыслей («логику») и образ жизни как успешный производителей знания, так и «аборигенов»[146].

От этих рассуждений Ж.-Ф. Лиотара буквально один шаг до элиминации субъекта и теории «интернета вещей» и акторно-сетевой теории другого выдающегося француза – социолога, философа и в определенной мере антрополога (по крайней мере, по одному из профилей своего образования), Брюно Латура. Б. Латур родился в 1947 г. во Франции. Как и Ж.-Ф. Лиотар, он много работал и преподавал за рубежом (в частности, в США). Будучи автором достаточно эпатажной версии «симметричной антропологии» и теории «социальной интерпретации», Латур прославился на весь мир текстом, касающимся, как и лиотарвское «Состояние постмодерна», анализа антропологической составляющей развития новых технологий. Статья «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир», описывает лаборатории как места, где на основе исследований производятся нужные обществу, то есть пригодные для прикладного использования, знания. Такие знания он называет «научными фактами» и утверждает, что производящие их люди «будут делать все от них зависящее, чтобы распространить повсюду» такие

[145] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 17-23.
[146] Там же. С. 70.

научные сети, поскольку именно научные сети поддерживают «хрупкую эффективность» лабораторий. И далее: «Распространение лабораторий в те области, которые за несколько десятилетий до этого не имели ничего общего с наукой, является хорошим примером построения подобных сетей» [147].

Утверждая динамизм и текучесть социальности в условиях информационного общества, а также ее принципиально сетевой характер[148], Б. Латур подчеркивает *отсутствие* у социальных структур того качества, к которому, по мысли Лиотара, они всегда стремятся – а именно, гомеостазиса, относительной устойчивости[149]. По мысли Лиотара, социальность у людей, как и у приматов, строится не как структура, но как подвижный фрейм, рамка, складывающаяся на основании «сложного», но «не комплексного» характера их социального поведения[150].

Отношения между людьми, полагает Б. Латур, также всегда носят характер опосредований. Эти опосредования объективирует техника; причем такая объективация может рассматриваться в качестве самостоятельной сети «объект-объектных» отношений («интеробъективность»).

Интеробъективность, или «интернет вещей», имеет место не от случая к случаю, она существует практически всегда[151]. Исследователи отмечают: «Использование категории «личность» при таком подходе теряет смысл: если личность – результат акторно-сетевых взаимодействий («актант»), обнуляется предшествующая традиция интерпретации данного понятия, как и его претензия на универсальность. Степень «открытости» лица, составляющего на текущий момент времени очередной актант, будет зависеть от ряда факторов (социальных фреймов), но в любом случае именно степень открытости (а не наличие границ) определит состоятельность

---

[147] Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер. с англ. П. Куслий // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 211-242. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf (дата обращения 27.05.2020). С. 27-28.
[148] Germanangue M. Le Mouvement européen et la France: les limites de la logique de réseau / A. Colonomos (dir.), Sociologie des réseaux transnationaux, Paris: L'Harmattan, 1995. P. 217-244.
[149] Латур Б. Надежды конструктивизма / пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. С. 365-390.
[150] Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79-98. С. 93-95.
[151] Там же. С. 94.

данного лица в качестве агента социального взаимодействия, признанного самим обществом»[152].

Новое понимание структуры общественных связей, удивительно напоминающее информационные сети, вряд ли можно объяснить простой аналогией сознания – действительности. В этом смысле идея Лиотара о нашем времени как о времени языковых игр (или «малых нарративов», пришедших на смену «метанаррациям») представляется все еще не потерявшей свою актуальность. Однако развитие этой мысли в контексте творчества французских писателей (прежде всего, М. Уэльбека) было бы не полным без упоминания еще одной идеи, оказавшей на самоанализ современной культуры едва ли не самое глубокое влияние. Речь идет о тезисе немецкого философа М. Хайдеггера «Язык – дом бытия»[153], сформулированного в письме к французскому философу, изданному позднее с небольшими доработками под названием «Письмо о гуманизме» (письмо было адресовано французскому философу Ж. Бофре[154] и написано в связи с выходом в 1946 г. работы Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм»; первая публикация «Письма…» - Берн, 1947 г.:.

В самом начале «Письма о гуманизме» Хайдеггер пишет буквально следующее: «Мы далеко еще не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия. Его действенность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, producere – про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего “есть”, так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не

[152] Силантьева М. В. Социальная транспарентность и личные границы: парадоксы глобальной культуры // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 4. С. 24-31.
[153] Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991. С. 121-133.
[154] См.: Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. / Пер. В. Ю. Быстров. – СПб.: Владимир Даль, 2007. Кн. 1. 257 с. ; кн. 2. 400 с.; кн. 3. 356 с.; кн. 4. 224 с.

создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке. Мысль не потому становится прежде всего действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит. Эта деятельность, пожалуй, самое простое и вместе высшее, потому что она касается отношения бытия к человеку. Всякое воздействие покоится в бытии, но направлено на сущее. Мысль, напротив, допускает бытию захватить себя, чтобы сказать истину бытия. Мысль осуществляет это допущение» [155].

Приведенная выше обширная цитата позволяет уловить важный посыл, оказавший значительное влияние на последующие поколения мыслителей, стремившихся к аналитическому уяснению специфики современной (или «постсовременной») культуры в свете концепции гуманизма[156], в том числе, на Ж.-Ф. Лиотара и Б. Латура. Этот посыл «дает место» бытию как сверх-смыслу, существующему *независимо* от человека, в мышлении, которому «может принадлежать» человек. И поскольку «Письмо о гуманизме» стало событием не только немецкой, но и европейской культуры, было бы неверно упустить из внимания тот факт, что прежде всего «Письмо …» стало событием *французской* культуры.

Буквально во втором абзаце своего сочинения немецкий философ переходит к обсуждению некоторых формулировок, изложенных на французском языке: «Мысль есть l'engagement par l'Etre pour l'Etre [“Захваченность Бытием для Бытия” *(франц.)* - *пер.*]. Не знаю, позволяет ли французский язык сказать то и другое (par и pour) сразу, примерно таким

---

[155] Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Пер. В.В. Бибихина. С. 1. URL: http://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (27.05.2020).

[156] Иванова С. В. Дискуссия о гуманизме: Ж.-П. Сартр и М. Хайдеггер // Преподаватель XXI век. 2007. № 2. С. 67-74.

образом: penser, c’est l’engagenment de l’Etre [“Мысль есть захваченность бытия” *(франц.)* - *пер.*]. Эта форма родительного падежа de'l... призвана выразить, что родительный тут одновременно родительный субъекта и родительный объекта. При всем том “субъект” и “объект” малоуместные рубрики из области метафизики, которая в очень ранние века в образе западной европейской “логики” и “грамматики” подмяла под себя истолкование языка. Что кроется за этим процессом, мы сегодня можем только догадываться. Высвобождение языка из-под грамматики на простор какой-то более исходной сущност-ной структуры препоручено мысли и поэзии. Мысль – не просто 1'engagement dans l’action [“Вовлеченность в действие” *(франц.)- пер.*] ради сущего и путями сущего в смысле реалий современной ситуации. Мысль есть 1'engagement со стороны истины бытия и для нее»[157].

Переводчик «Письма о гуманизме» (в данном случае это В.В. Бибихин) в затекстовых комментариях обращает внимание на противопоставление Платоном философии – искусству, «технэ» (диалог «Соперники»); в то же время в другом диалоге, «Филеб», Платон утверждает, что философия – это «искусство искусств», то есть «технэ» особого рода[158]. Аристотель в «Метафизике», «Этике» и «Политике» также рассматривает философию как «технэ» м «занятие чистой истиной»; относя мышление в контекст «*пойэсис*, художественно-технического изготовления, и *праксис*, действий и поступков»[159]. Что, по мысли Хайдеггера, имеет определенные политические проекции[160].

Но если язык (то, что дает слову, логосу, *сказываться*) – это дом бытия, значит ли это, что этот дом кем-то сооружен, сконструирован; выполнен с технической точки зрения? Очевидно, нет: Хайдеггер настойчиво подчеркивает нерукотворный характер самого бытия и необходимость

---

[157] Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. С. 1.
[158] Там же. С. 30.
[159] Там же.
[160] Heidegger M. Réponses et questions sur l’histoire et la politique, entretine réalisé en 1966 et paru dans l’hebdomadaire Der Spiegel du 31 mai 1976, Paris, Mercure de France, 1977. 804 p.

«избавиться от технической интерпретации» существа мысли, которая сводит философию – к науке, вытаскивая ее, как рыбу, из стихии своего пребывания на сушу «логики». Мысль, полагает философ, «прислушивается» к бытию. «Многомерность возможностей» мысли связана по Хайдеггеру, со «стихией» поэзии, выговаривающей бытие. В этом кроется некий парадокс: ведь если язык истолковывать не как стихию поэтической речи, а в строго лингвистическом смысле, именно как язык, то есть структуру (причем абстрактную и схематичную), дом бытия окажется не таким уж обитаемым, как могло показаться на первый взгляд.

«Бездомность»[161] человека связана с тем, что дом – это экзистенциальное обиталище человека, где он встречается с бытием в его истине. Такая встреча не может быть гарантирована, но может быть подготовлена: человек может «расчистить» место для встречи с бытием. В этом смысле «дом» бытия – непространственная встреча со смыслом, «богами», – с тем, что делает человека человеком и придает смысл его жизни. Правда, обычно люди заняты прямо противоположным делом; и вместо того, чтобы это пространство расчищать, всячески его «заваливают» – вещами, транзакциями, метафизикой и прочими объективированными «сущностями», которые лишены связи с бытием в хайдеггеровском смысле. Однако бытие, которое могло бы «компенсировать» пустоту бездомности, может высветиться в таком доме, если человека «встанет в просвет бытия». Но нам непросто пережить переход в другое измерение, требуемый в этом усилии. Человек, оставленный один на один со своей бездомностью, замирает на грани отчаяния.

Однако Хайдеггер не останавливается на констатации этой онтологической «судьбы» человечества. В самом конце «Письма о гуманизме» приводится рассказ о посещении гостями, прибывшими издалека, Гераклита, выполнявшего обязанности жреца, но застигнутого врасплох греющимся у духовки. Согласно рассказу Аристотеля, «темный»

[161] Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. С. 15.

философ сказал: «Входите, и здесь существуют боги» (перевод В.П. Карпова[162]; «Здесь ведь тоже присутствуют боги» в переводе В.В. Бибихина). Боги – «самое далекое» и – «самое близкое», повседневность, продрогшая от сырости и греющаяся у «хлебной печки» (перевод – М.Н. Грецкий), встречаются и оказываются *одним*.

Здесь уместно обратиться к еще одной важной теме, связанной с концептом «дом» в европейской культуре. Это – тема дома как особого жизненного пространства[163] в условиях номадности или постоянного взаимного перехода от оседлости к номадности и наоборот, развития в трудах Ж. Делеза (прежде всего, речь идет о работе «Тысяча плато» (1980). Одним из главных условий номадизации являются «линии ускользания», создающие условия «детерриторизации» и перехода от «рифленого» (оседлого) пространства к «гладкому» (номадному)[164].

Речь идет о соотношения двух разных онтологий дома, связанный с «пространством оседлости» и «пространством номадности». Интересное с культурологической точки зрения исследование этой позиции французских философов было выполнено в 2014 г. в Тюмени социологом А.В. Шляковым[165]. Анализируя концепции Х. Арендт и Ж. Делеза, а также концептуализацию понятия «дом» в различных европейских языках применительно к различным социокультурным контекстам, А.В. Шляков показывает, что «феномен Дома, как точки координат оседлого существования онтологически имеет в своей сущности[166] потенцию к сдвигу,

---

[162] Аристотель. О частях животных /. Пер. Карпов В. П. URL: http://www.simposium.ru/ru/book/export/html/551 (дата обращения 27.05.2020); Коначева С. и др. Боговидение и мышление о бытии: Владимир Лосский и Мартин Хайдеггер // HORIZON. Феноменологические исследования. 2018. Т. 7. № 2. С. 312-336.

[163] Разова Е. Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека / Л. Л. Разова // Vita Cogitans: альманах молодых философов. Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 206-220. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/razova/index.html (дата обращения 27.05.2020); Разова Е.Л. Дом: место социального и культурного становления человека. Диссертацяи на соискание ученой степени кандидата философских наук. 2004. СПб., СПбГУ. 180 с.

[164] Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Кн. 2. Тысяча плато. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. 157 с. С. 143-151.

[165] Шлаков А. В. Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 219-222.

[166] Ср.: Климова С. В. Дом и мир: проблема приватного и публичного / С. В. Климова. URL: http:-//anthropology.ru/ru/texts/klimova/public.html (дата обращения 27.05.2020); Климова С.В. Социально-

смещению, отклонению от заданной линейности». И далее: «Современная динамически развивающаяся цивилизация трансформирует Океан – в Остров, а Остров в Дом. Однако, надо помнить, что освоение имеет и свою противоположность – отчуждение. И устремление человека к освоению Океана, в конечном счете, приведет к тому, что Дом станет отчуждаться и ввергнется в хаос»[167].

Исследователь подчеркивает десакрализованность дома «номадной культуры»: здесь больше не «точка опоры для борьбы с непредсказуемостью», напротив – «…дом превращается в «зал ожидания»»; «жизнь Дома, предполагавшая в оседлой культуре определенный аскетизм, сегодня не ограничивает собственных вожделений. Дом сегодня не помогает сформировать образ внешнего мира во мне, а выступает как точка сингулярности, через которую происходит рассеивание «Я» в мире. … Дом превратился в достойное сожаления воспоминание. Экономическая, социальная, политическая культурная мобильность современного человека требует регулярной смены местожительства, что приводит к стандартизации жилья». Время, которое названо в работе атрибутом номадности, «ворвалось в пространство Дома»: «Дом, сегодня, это место, куда приходят сигналы, знаки, сообщения, письма. Топологическая рефлексивность сменяется информационной и сам дом обретает черты номадического предмета: он мобилен и движется вместе с номадом, а его задача тщательная сортировка сообщений и выделение значимой. Это уже не просто точка в рифленом пространстве оседлости, а точка траектории движения в гладком пространстве, временная остановка в пути экзистенциального путешествия. Дом уже не рассматривается как акт расширения своего тела, а становится местом погружения в сон и удовлетворения акосмических потребностей»[168].

философские аспекты анализа архетипических функций дома / С. В. Климова. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html (дата обращения 27.05.2020).

[167] Шлаков А. В. Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 219-222. С. 221. URL: https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/1362/1357 (дата обращения 27.05.2020).

[168] Там же.

Итак, теория культуры, концептуализированная в трудах философов и социологов двух последних третей XX и двух первых десятилетий XXI вв., дом рассматривает прежде всего как «пространство» и «время» жизни человека, взаимное наложение которых меняет антропологию и создает нового человека. Важнейшую роль в этом процессе играют новые технологии, прежде всего – информационные. Особое внимание уделяется связи сознания и его «экстериоризации» (и, как следствие, детерриторизации и переход к нимадности): человека формирует среда, но среду формирует сам человек.

Возвращаясь к теме языка, в этом контексте необходимо вспомнить ряд идей Делеза и Гваттари, высказанных в главе «Постулаты лингвистики» уже упоминавшегося сочинения «Тысяча плато». Авторы рассуждают о создании научной лингвистики как области знания о языке, независимой от прагматики. При этом действие языка в культуре можно с их точки зрения назвать «навязыванием семиотических координат» в процессе инкультурации (авторы не употребляют этот термин, заменяя его словом «обучение»), когда язык превращается в инструмент, подобный «лопате и кирке». С этой точки зрения язык – не жизнь: он «отдает приказы»; а жизнь – «слушает и ждет».

Информация – «необходимый минимум команд», которые осуществляют функцию передачи «слова-порядка» без участия чувственного восприятия: одна пчела может сообщить другой, если она встретила цветок; но сообщить о том, чего не видел, другим, которые тоже этого не видели, может, согласно авторам «Тысячи плато», только человек.

Язык – «карта, а не калька». Что же тогда позволяет сохранить информативность сообщения и не заблудиться в условиях обозначениях, не сделать язык самореферентной отсылкой к самому себе? Согласно Делезу и Гваттари, высвобождение сферы перформативности и иллокутивности (отсылка к теории речевых актов Дж. Остина), не только позволяет, но и *заставляет* 1) не сводить язык к коду; 2) не разрывать изучение языка с

прагматикой; 3) не противопоставлять язык (систему) и речь (использование языка). Обращаясь к теории перформативности, авторы настаивают на необходимости «свести» воедино информативную и коммуникативную функции языка, поскольку «слово-порядок» (или «слово-сборка») не есть какое-то особое высказывание, а «отношение любого слова или высказываемого к имплицитным пресуппозициям», то есть к внутренним отношениям между действием и речью (это и есть речевые акты). Прагматика при таком подходе – «это политика языка», направленная на преобразование конкретных (например, немецкого, французского и т.д.) социальных полей, их «бестелесная трансформация». За этими трансформациями стоит «странная способность» мгновенно улавливать одновременность «излучения, восприятия и передачи» слов-порядка, «схватывать язык под видом огромного косвенного дискурса». Поэтому «лингвистика – ничто вне прагматики (семиотической или политической), определяющей реализацию *условий* языка и *употребления* элементов языка»[169].

Стремление лингвистики рассматривать речь независимо от прагматики, когда последняя превращается в «свалку отходов», с этой точки зрения довольно специфическое занятие. Оно «кодирует» и «декодирует» сообщения, которые маркированы *антропологически*. И тем самым – с определенной точки зрения – лишены смысла.

Подводя итог рассмотрению концепта «дом» в пространственно-временном измерении экзистенции сквозь призму хайдеггеровской трактовки «дома» сквозь призму языка, нельзя не заметить – все эти темы нашли отражение в творчестве М. Уэльбека. Писатель серьезнейшим образом осмысливает с культурологической точки зрения тему «старой» (уходящей, традиционной, «современной» в смысле модерна) и «новой» (пост-

[169]Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Кн. 2. Тысяча плато. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. 157 с. URL: https://royallib.com/read/delez_gil/kapitalizm_i_shizofreniya_kniga_2_tisyacha_plato.html#modal (дата обращения 27.05.2020). С. 15-24.

современной) Франции именно сквозь призму метафоры дома как символического кода культуры, меняющего свои базовые настройки на глазах современного ему поколения.

Не чуждо Уэльбеку и обращение в этом контексте к темам новых типов коммуникации и нового статуса информации в обществе новых технологий. Так, теме информатизации и связанным с ней антропологическим катастрофам посвящен дебютный роман М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» (впервые издан на французском языке в 1994 г.)[170]. Под этой метафорой – «расширение пространства борьбы» – скрывается философское определение свободы как вседозволенности: это выход из тесноты «пространства, ограниченного правилами».

«Одинаковые человеческие существа», «собранные под крышей одного здания», заняты в романе делом информатизации сельскохозяйственного производства Франции. Это здание стоит где-то на окраине Парижа: «В квартале, где мы работаем, снесены все старые здания, и окружающий пейзаж напоминает поверхность Луны». Автор сравнивает ощущение от «торжества урбанизма» с Третьей мировой войной: «Наши окна выходят на громадный, необозримый пустырь, покрытый грязью, ощетинившийся заборами. Каркасы нескольких жилых домов. Неподвижные краны. Холод и покой».

Главный герой осуществляет продвижение программного продукта «Сикомор», названного по имени дерева ценной породы и написанного на языке «паскаль» (М. Уэльбек ненавязчиво напоминает, что вообще-то «Паскаль – это французский писатель XVII века». Странное несовпадение имен и предметов, по меткому выражению российского критика Наталии Бабинцевой, – «серьёзный повод для невроза»[171]. С помощью этого двойного

---

[170] Уэльбек М. Расширение пространства борьбы / Пер. Нина Кулиш. – М.: Б.С.Г.-Пресс, Иностранка, 2003. 166 с.

[171] Бабинцева Н. Тайне – нет / Время новостей. № 122 от 08.07.2003. URL: http://www.vremya.ru/2003/122/10/74623.html (дата обращения 27.06.2020). Далее Н. Бабинцева пишет: «Герой Уэльбека еще не приобрел ту устало-брезгливую интонацию, которая проявится позже. Пока же он описывает мир с простодушным изумлением, отчего сцены романа выглядят пронзительно абсурдными и не

символа, отражающего феномен *сверхсимволизации* современной культуры, группе специалистов предстоит сделать очередной шаг в процессе информатизации сельского хозяйства страны. Писатель ярко и ядовито изображает «социальные сети» министерской бюрократии, которая с помощью информатизации обрела почти что «силу вещи». Ее «беспредметные разговоры» о методе, выявляющее некомпетентность как руководителей, так и исполнителей, ничего не изменят: Х «конечно же, некомпетентен, но его голыми руками не возьмешь. Это профессионал» (вторая часть, 1 глава).

Инженер-программист в этой социальной иерархии – лишнее звено. Он постоянно ощущает свою ненужность: и когда его в очередной просят «проверить программу»; и когда направляют на «встречу с клиентом», ее покупающим; и когда «в тандеме» посылают в командировку – обучать чиновников и производителей в различных регионах страны пользоваться этими самыми программными продуктами. Встречают парижских наставников по-разному: некоторые выражают горячую поддержку, большинству все равно; и только один производитель твердо заявляет, что положит программу в сейф и будет работать «по старинке».

В же чем суть этого продукта, вокруг которого собрано столько рабочих мест и которому посвящено столько человеко-часов? С помощью этой программы должны выплачиваться государственные субсидии фермерам, произойдет переход на прозрачную систему контролируемых на всех этапах действий. Продвижение программы сопровождается рядом заседаний на уровне министерства и заинтересованных ведомств; а также

связанными между собой. Язык выпотрошен, логические нити порваны, выход -- покорность или суицид. Работнику, всю жизнь просидевшему в каменном мешке за сочинением программ, к пенсии дарят удочку. Сердечный приступ не вызывает ни у кого сочувствия, а за угоном машины следует череда рукопожатий и соболезнований. Корова ждет быка, но получает только шприц с семенем. Роман рвется на части, автор сопровождает муки читателя ироничным комментарием: «постепенное ослабление связей между людьми представляет теперь известные проблемы для романиста». Все эти ходы и выходы можно встретить и в других производных от Уэльбека, с той только разницей, что здесь -- подлинная истерика, предшествующая депрессии. Позже -- холодный анализ последствий. В «Пространстве» герой проигрывает свою партию у нас на глазах, чтобы дальше хладнокровно следить за чужими поражениями. «Я оторван от всего; отныне – я пленник внутри себя. Божественного слияния уже не произойдет; цель жизни не достигнута»» (Там же).

изучение объемных инструкций, содержащих выражения в духе бюрократической абракадабры, например: «Представляется необходимым срочно преобразовать действующую каноническую модель взаимосвязей в новую организационную динамику, которая позволит создать базу данных, ориентированную на объект». Особый упор делается на системность структурированность и методологию. В результате этих титанических усилий создается очередной документ – «Директивный план основных задач в области информатики по министерству сельского хозяйства», «опять-таки непонятно, с какой целью», - замечает М. Уэльбек. Здесь говориться о «попытке предварительной выработки определения для различных архетипических сценариев, создаваемых установкой на конкретные задания». Которые, в свою очередь, «должны быть «подвергнуты более тщательному анализу для уяснения их целесообразности»» и т.д.

Суконный язык череды приводимых М. Уэльбеком высказываний натыкается на реальность: «что тут обдумывать, если программное обеспечение уже куплено?». Тогда становится понятна неоднозначность констатации, что «весь высокий замысел» производства и внедрения продукта «несет на себе несомненную печать выдающегося интеллекта» создателей этого проекта. В самом деле, освобождение от неувязок, связанных с «человеческим фактором» за счет перевода функции управления «*в автоматический режим*» вовсе не избавляет – ни от управленцев, ни от дополнительных расходов. Фактически происходит перераспределение ресурсов, выводящее капитал в более централизованную систему управления, от «людей на местах» – в руки профессиональных менеджеров. Но если первые хоть как-то связаны с сельским хозяйством – производят какие-то продукты или хотя бы имеют дело с теми, кто их производит, то профессиональные управленцы знают процесс виртуально. На всякий случай на совещание в министерство приглашают «представителя рядовых аграриев» он «ничего не понимает» в обсуждаемой теме (что понятно, ведь он же не программист и не профессиональный управленец). Но его колкие

замечания только всех раздражают и не могут ничего изменить. В первой главе второй части Уэльбек замечает: «С виду это люди не особо злые, не питающие особого интереса к информатике – и все же, размышляю я, скоро информатика изменит их жизнь».

В романе несколько раз возникает образ информационщика старой закалки – Жан-Ива Фрео. Его провожают на пенсию всем коллективом, и во время застолья возникает несколько ситуаций, проявляющих разницу между «старыми» и «новыми» сотрудниками отдела программирования. Разнообразие оценок труда Фрео колеблется от «ценного сотрудника» до ушедшего в тираж старика, которому «в последние два года» нельзя было доверить ничего существенного, ибо он писал свои программы, «руководствуясь не методом, а скорее интуицией», и потому «их следовало бы переписать заново». С точки зрения М. Уэльбека, Фрео представляет собой «одного из участников компьютерной революции», человека, чьими усилиями происходил «каждый прорыв в информационно-коммуникационных технологиях, каждый новый шаг к глобализации Интернета». То, что при этом старик голосует за социалистов и «обожает Гогена» делает его более человечным, чем призрачно определенные фигуры творцов информационного общества следующего поколения.

Заметим, эта глава называется «Степени свободы по Ж.-И. Фрео». Само по себе нарочито наукообразное, это название отсылает читателя к школьным дискуссиям на уроке философии (как известно, этот предмет во Франции изучается в школе и является обязательным для получения аттестата и последующего поступления в университет[172]). И действительно, устами Фрео раскрывается ставшая теперь «классической» схема «общества знания», основанного на информатизации и цифровизации. Он не просто говорил, но «и в каком-то смысле действительно верил», что «увеличение

[172] Litvak N. LES éLITES DU SAVOIR. UNE APPROCHE INFORMATIONNELLE // The Journal of Quality in Education. 2015. № 6. P. 104-114; Литвак Н.В. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции *Учебное пособие.* – М.: МГИМО, 2015. 86 с.

информационного потока внутри общества само по себе благотворно. Что свобода – это и есть возможность установить разнообразные взаимосвязи между людьми, проектами, организациями, службами. По его мнению, максимум свободы выражается в максимуме выбора». Метафора степеней свободы, заимствованная из классической механики, отражает двойственность оценки Уэльбеком этого «первичного» представителя информационного общества» «мыслителя-компьютерщика»: классическая механика – «механика твердых тел»; и «варианты выбора», названные в ней «степенями свободы», могут использоваться для описания общественных процессов лишь с огромной долей оговорки. К моменту написания романа бои с механицизмом ушли в далекое прошлое. Но само выражение о «степенях свободы» в связи с проблемой личного выбора прижилось в языке. Его употребление, а тем более – осознанное раскрытие этой метафоры, – позволяет предположить, что по мысли Уэльбека механистическая картина мира в умах программистов этого поколения отнюдь не изжита.

Именно поэтому так важны авторские рассуждения, высказанные в 11 главе первой части романа по поводу теории Фрео: на самом деле дело не в «множественности степеней свободы», а в их отсутствии. Тот, у кого вовсе нет выбора, обладает «максимальной свободой» – ему не надо выбирать. На деле механицизм оказывается теснейшим образом связан с позицией, отождествляющей свободу и необходимость. В чем же дело? Дело, полагает Уэльбек, в том, что «большинство людей безотчетно допускают, что всякая связь, в особенности связь между людьми, сводится к обмену информацией»[173] (причем под информацией можно понимать что угодно, в том числе и эмоциональные аспекты отношений между людьми). В итоге за

[173] С ним согласны исследователи современных форм общения: Breton P., Proulx S. L'explosion de la communication. Introduction aux théories et aux pratiques de la communication. Éditions La Découverte, Paris, 2002, 2006. 384 p.; Charaudeau P. Les médias et l'information. L'impossible transparence du discours. Bruxelles: De Boeck – Ina coll. «Médias Recherches», 2005. 250 p.; Tavernier A. Patrick Charaudeau, Les médias et l'information. L'impossible transparence du discours. De Boeck–Ina coll.«Médias Recherches», Bruxelles, 2005 (250 pages) //Études de communication. langages, information, médiations. 2006. № 29. P. 181-184. DOI: https://doi.org/10.4000/edc.409; Loveluck B. Réseaux, libertés et contrôle. Une généalogie politique d'internet. Armand Colin, 2015. 367 p.

этими рассуждениями прослеживается общее представление об онтологии общества, в котором слишком много неупорядоченных общественных связей. Идеалом становится стремление к «систематизации человеческих контактов, охватывающей всю совокупность общественной жизни». В этом новом информационном тоталитаризме выбрать можно тип меню, а не сами блюда. Человечество, вступив на этот путь, переходит «от мелкого хозяйства к крупной промышленности», от личности – к информационным конгломератам индивидуумов, ведущих «призрачную жизнь».

В конечном итоге, речь идет о «потере жизненной силы» всем европейским обществом, его усталости и апатии. Проявляется эта новая модель информационного общества в двух основных капитализациях – денег и пола, а также в утрате способности любить. Любить не в смысле обмена или долгосрочного вклада в те или иные вещи, тела или отношения; а в смысле желания человека «прижаться» к другому человеку, найти укрытие в объятиях другого. Такое укрытие – не просто дом, это «домой», состояние защищенности и решительности, в противоположность неуютному пейзажу клеток-многоэтажек, где, полагает герой Уэльбека, не захочет жить даже обезьяна.

С радостью «отдавая свое тело в руки ученых людей», неизлечимо заболевшие простецы оказываются в больнице. Но тень смерти – это не только неизбежность любой жизни. Это еще и «дикая» эвтаназия, которую (вместо лечения) предписывают произвести «старушке бретонке»: врачам не хотелось, чтобы она занимала койку, а «лечить ее придется не месяц и не два» (часть третья, 4 глава). И – медсестре предписано «вколоть ей большую дозу транквилизаторов», что «приводит к быстрой и безболезненной смерти». С точки зрения Уэльбека, эти практики не единичны. И он, возможно, единственный человек, который таким заступился за эту старушку. Разумеется, совершенно бесполезную с точки зрения основных капиталов «пространства борьбы» – денег и секса.

«Новый человек» информационной эпохи; тот, кто согласно идеологии этой эпохи имеет наилучший шанс трудоустройства, высокой зарплаты и возможности оставить потомство, – лишь винтик в механизме, разрушающем личность: «Вся моя работа программиста состоит в том, чтобы накапливать ворох всяких отсылок, сопоставлений, критериев оптимального решения. В этом нет ни малейшего смысла. Если откровенно, то смысл получается даже отрицательный: лишняя нагрузка для нейронов. Этот мир нуждается в чем угодно, только не в дополнительной информации» (часть 2, глава 6).

«Дом» этого «нового человека», совсем не пустого и при этом совершенно опустошенного, – унылый и мрачный Париж, «облезлые многоэтажки», «металлические конструкции, непристойно карабкающиеся друг на друга, чтобы образовать контактную сеть»[174] (часть 2, глава 6). В этой паутине без человеческого лица даже адресное сообщение может быть обезличено. Так, придя домой после долгого отсутствия, герой находит очередную рассылку – письмо с приглашением воспользоваться новой системой сетевой связи. Но ситуация, когда коммерческий директор некой фирмы «лично присваивает мне сетевой код», вызывает у него злость и отвращение (часть 2, глава 7).

Стоит подчеркнуть: «новые люди» в ощущении Уэльбека раннего периода творчества еще не потеряли способность *жалеть*. Все больше отдаляясь от живого чувства и человеческого тепла, теряя свой *дом*, они еще не до конца потеряли память о таком доме. Со всем его чисто человеческим убожеством, когда семья, собравшись вечером за телевизором – муж, жена и их некрасивая дочь, – «темная комната и три человеческих существа, спаянные вместе потоком фотонов», которые друг друга *любят*. Ведь «потребность любить сильна в человеке, корни ее достигают удивительных глубин, разветвляясь и укрепляясь в самом сердце».

[174] В «Серотонине» М. Уэльбек называет кварталы многоэтажек «адом, созданным людьми по своему вкусу». См.: Уэльбек М. Серотонин. С. 40.

Для новой эпохи виртуальных сетей и оборванных человеческих контактов характерны новые способы общения и новые жанры искусства. Нет больше места роману: этот жанр, полагает Уэльбек, «не приспособлен для того, чтобы описывать безразличие или пустоту; надо бы изобрести какую-то другую модель, более ровную, более лаконичную, более унылую» (часть первая, глава 11). Конечно, слова позволяют нащупать какую-то связь; но они подобны номерам телефонов, которыми все обмениваются, но «никто никому не звонит». И если язык – все-таки дом бытия, то убежать в него не получается. Разве что на время.

Однако, если «ранний» М. Уэльбек времен «Расширения пространства борьбы» еще надеется на любовь «с человеческим лицом» и говорит об утрате социальных и личных связей, то «поздний», времен «Серотонина», писатель утверждает: «мир опустел»[175], более 12 тысяч французов ежегодно исчезают навсегда, и полиция их не ищет – где и как жить считается личным делом каждого[176]. Стремление писателя «создать альтернативную реальность» и «вернуться к изначальной временной развилке» наталкивается на вездесущий вайфай: «сеть была», «это займет ее на весь вечер»[177]. Информационный мир, единая Европа и созданная ею цивилизация, с мощной экономикой и экономическими циклами, подобными землетрясениям[178], «умирает просто от усталости и отвращения к самой себе»[179]. Полная отчаяния метафора птицефабрики, где живущие в клетушках куры не перестают кудахтать от ужаса, слишком напоминает описания Парижа с его многоэтажными домами[180], чтобы можно было игнорировать здесь параллель с тюрьмой и концентрационным лагерем.

Завершая рассмотрение темы «новой Франции» и «нового человека» на фоне информатизации и глобализации, приходится признать: большинство

---

[175] Уэльбек М. Серотонин. С. 143.
[176] Там же. С. 51.
[177] Там же. С. 33.
[178] Там же. С. 169.
[179] Там же. С. 145.
[180] Там же. С. 150-152.

рассмотренных нами авторов полагают, что дом европейского человека конца XX – начала XXI вв. в экзистенциальном смысле раскрывает свои двери пустоте. Именно об этом пишет М. Уэльбек, и именно эти интуиции писателя представляются наиболее ценными с точки зрения интерпретации проблемы человека как *незваного гостя* в лабиринтах строений нового информационного общества.

Философия художественных произведений Уэльбека, таким образом, лишена иллюзий по поводу судьбы человека в мире информационных технологий. Вместе с тем, сам факт его обращения к литературному творчеству заставляет предположить, что в созданной им картине мира есть пока место не только писателю, но и читателю. Разговор о возможности обретения свободы без расширения пространства борьбы писатель ведет на страницах своего эпистолярного романа – переписки с Бернаром-Анри Леви. Темы, которые они обсуждают, касаются в том числе векторов трансформации французской национальной идентичности в условиях мирового кризиса культуры. Отметим также, что обсуждаемые в романе темы связаны и с проблематикой такого направления гуманитарного знания, как созданная французскими исследователями в XX в. имагология – комплексная дисциплина, изучающая такую культурную реальность прежде всего как *образы* (процесс их создания, влияние на сознание, политические процессы, международное взаимодействие и т.д.).

1.4. Векторы трансформации французской национальной идентичности: имагология, философия и литература о кризисе культуры

Векторы трансформации французской национальной идентичности в контексте вопроса о «европейском доме» уместно рассмотреть также сквозь призму понятия «образ культуры», сложившегося в научном аппарате гуманитарных дисциплин к середине XX в. На первое место в этом случае имеет смысл поставить подходы имагологии и философии, сформированные

во Франции к 1990-м гг. Проекция этих подходов на резонансную публицистику французских писателей периода 1990-х – 2010-х гг. рассмотрена в данном параграфе с помощью кейса – представлен анализ сочинения «Враги общества» М. Уэльбека и Б.-А. Леви.

Напомним: имагология – сравнительно молодая дисциплина, возникшая в конце 1940-х – начале 1950-х гг. под влиянием литературного творчества французских ученых Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяра. Имагология занимается изучением образов «других» (культур, народов, стран и т.п.) путем обращения к историческим, литературным, лингвокультурным и проч. сведениям. Как подчеркивает российский исследователь А.Р. Ощепков, и сегодня статус имагологии «не вполне определен»[181]: здесь «встречаются» подходы истории, литературоведения, лингвистики – и, добавим, культурологии. Изучая образы, имагология интересуется культурой как целым, раскрывающим себя в разных аспектах во взаимодействии с другими культурами. Также она интересуется образами изучаемой культуры, которые сложились у представителей других культур. Такие сведения дают материал для выявления и описания представлений народов друг о друге, об образе жизни, ценностях, целях и т.п.[182].

Развитие имагологии в последней четверти XX в. было тесно связано с идеями французского исследователя Д.А. Пажо, автора проекта «культурной иконографии»[183]. Комментаторы отмечают, что высказанная им идея культурного образа, или «L'imagerie culturelle», семантически связана с «фр. «imagerie» – производство картинок, гравюр; совокупность образов; обработка, техника получения изображений»[184]. Согласно такому подходу под определенным углом зрения на культуру можно посмотреть, как на

[181] Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251-253. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/1/Oshchepkov_Imagology/41_2010_1.pdf (дата обращения 27.05.2020); Иванова А.Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74.
[182] Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251-253.
[183] Pageaux D. H. L'imagerie culturelle: de la litt érature compar ée à l'anthropologie culturelle // Synthèsis. 1983. № 10. P. 79–88.
[184] Ощепков А.Р. Имагология. С. 252-253.

производство образов[185], тесно связанных с тем, как живут и как мыслят производящие эти образы люди. Интегральное понимание культуры в таком случае увязано с идеями о культуре как символической деятельности (Э. Кассирер)[186] и производстве смыслов (Н. Луман)[187]. «Образ» предстает как целостность, с помощью которой решаются парадоксы культурной антропологии, зашедшей в тупик при решении задач «сравнения несравнимого».

В самом деле, «образ» можно изучать как бы «сам по себе», вне попыток найти некий «антропологический инвариант» общечеловеческого, более или менее проявивший себя в той или иной конкретной культуре. Таким образом, имагология преодолела установки европоцентризма, и прочих «центризмов», искавших «общее» как собственно человеческое, антропологические, и оставлявших «различиям» место отклонений. Именно так подходила к решению задачи «компаративного анализа» культурная антропология середины XX в.; именно такой подход, в сочетании с попыткой разработать продуктивный количественный метод «замеров» своеобразия и сходства привел ее к кризису и девальвации научного статуса. Фактически имагология вернула этот статус компаративным исследованиям, предложив достаточно «объективные» основание для исследования, и вместе с тем уклонившись от разрыва с идеями герменевтики в современном понимании этого метода[188].

Отметим: идеи Д.А. Пажо возникли не на пустом месте. Франция на протяжении столетий контактировала с *инотипическими* культурами. Путешественники и мореплаватели, заложившие основы изучения других культур, в XIX в. уступили место антропологам. Параллельно в культуре самой Франции шел процесс постепенного осмысления накопленного опыта. Не случайно Манфред Беллер, один из соредакторов книги «Имагология.

[185] Pageaux D. Y. De l'imagerie culturelle à l'imaginaire // Précis de littérature comparée. – P., 1989. P. 133-161.
[186] Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. Пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с. С. 187-229.
[187] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Пер с нем. – СПб.: Наука, 2007. 648 с. С. 115.
[188] Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.

Культурное конструирование и литературная репрезентация национальных характеров»[189] (Амстердам-Нью-Йорк, 2007), – исследования, ставшего классическим в области современной культурологии и культурной компаративистики[190], выдвигает в своей программной статье «Восприятие, имидж, имагология» тезис, согласно которому *образ* страны в наше время становится мощным аргументом политических дискуссий. Однако не менее важным полем работы специалистов в данной области, по мнению Беллера, является область «поэтического». При этом разговор об имагологии как таковой он начинает с перечисления философов и литераторов, внесших вклад в современных представлений об образе страны и народа. Помимо Платона и Аристотеля, а также английских эмпиристов и немецких идеалистов, наряду с представителями неоплатонизма и современной феноменологии, в качестве основоположников имагологии упомянуты Вольтер, Наполеон и мадам де Сталь[191]. Можно полагать, что таким образом подтверждена роль в создании этого направления не только французской философии и литературы, но также политики как «концентрированного выражения» – и экономики, и культурных смыслов[192].

Итак, помимо разработки вопроса о специфике национального литературного творчества и проблем его восприятия при переводе на другие языки[193], современная имагология занимается «критической компаративистикой» (именно так, «Comparative Critical Studies», называется

---

[189] Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. 472 p.

[190] Weninger R. Manfred Beller and Joep Leerssen (eds.). Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters – A Critical Survey. Series: Studia Imagologica. Vol. 13; series editors: Hugo Dyserinck and Joep Leerssen // Comparative Critical Studies. 2009. № 6 (2). P. 281-285. DOI: 10.3366/E1744185409000779; van Doorslaer L. Embedding imagology in Translation Studies. Slovo.ru: Baltic accent. 2019. № 10 (3). P. 56-68.

[191] Beller M. Perseption, imige, imagology / Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, New York: Rodopi , 2007. 472 p. P. 3-16.

[192] Нельзя забывать также об активно обсуждаемой сегодня проблеме «образа страны» в связи с темой влияния на политику средств массовой коммуникации и особенно медиа. См.: Clément J. Une influence plutôt indirecte sur la politique // Revue internationale et stratégique. Vol. 78. No. 2. 2010. P. 75-79.

[193] Gambier Y. Rapid and radical changes in translation and translation studies // International Journal of Communication. 2016. № 10. P. 887-906; Кизима М.П. Русская литература и английская политическая элита: о чем говорит век XIX веку XXI (некоторые наблюдения) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2 (2). С. 150-158.

журнал, издаваемый при Эдинбургском университете, на страницах которого публикуются многие статьи по имагологии[194]).

Отдельно стоит упомянуть исследования, затрагивающие «образы другого» в страновом формате[195], вопрос о стереотипах и прототипах[196], а также серьезные научные дискуссии в связи с обсуждением разницы «образа» и «имиджа»[197] (культуры, страны и т.д.). В самом деле, производство образов, как и всякая символическая деятельность, может рассматриваться с точки зрения «подлинности» (хотя такая «подлинность» не равна «истине» в классическом понимании). Современная философия и культурология, дистанцируясь от понятия «истины» (а тем более, от определения истины с точки зрения теории отражения как «естественной установки сознания», толкующей о «соответствии образа действительности), тем не менее не отказывается от различения «подлинного» и «неподлинного». С точки зрения такого различения особое значение имеет теория «симуляции», разработанная французским постмодернистом Ж. Бодрийяром[198].

Согласно Ж. Бодрийяру, «симулякр» – это «знаки без обозначаемого», пустые копии, в современном понимании – фейки. В истории культуры процесс *симуляции* как процесс «эмансипации знака» с его точки зрения прошел ряд этапов. На первом этапе, в эпоху Возрождения, речь шла о подделках, копиях и чучелах; в период промышленной революции возникают серии; к «симулякрам третьего порядка», сложившихся в обществе потребления XX в., относятся деньги, мода и ДНК (то есть идея всеобщего

---

[194] Comparative Critical Studies / Edinburgh University Press, Journals. URL: https://www.euppublishing.com/toc/ccs/6/2 (accessed 27.05.2020).

[195] Flirack R. French. / Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, New York: Rodopi , 2007. P. 159-166; Таньшина Н. П. Образ России во французской историографии второй половины XX века: рассуждения о книге Шарля Корбе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1. С. 97-109.

[196] Гетьманенко Н. И. Восприятие иной культуры: прототипы и стереотипы. – М.: Академия, 2010. 256 с.

[197] Чупрова И. А. «Имидж» и «образ» страны: проблема демаркации понятий // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 129-133; Ли Минда. Понятия «имагология» и «имиджелогия» в российской и китайской социогуманитарной науке // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.42

[198] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. 387 с.

программного кода, который «прошивает» действительность и задает абсолютно точное и в конечном итоге предсказуемое направление ее развитию). Симулякры третьего порядка Ж. Бодрийяр называет «гиперреальностью»[199].

Суть симуляции – в «символическом обмене»: «… теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное (причем друг на друга они так хорошо, так безупречно обмениваются именно постольку, поскольку не обмениваются больше ни на что реальное)». Изменившаяся роль знака не позволяет больше считать его символом (напомним: символ в античной традиции означает единство знака и обозначаемого, их органическую целостность и связь). В гиперреальности знак, «избавившись от "архаической" обязанности нечто обозначать, … наконец освобождается для структурной, то есть комбинаторной игры по правилу полной неразличимости и недетерминированности, сменяющему собой прежнее правило детерминированной эквивалентности. То же происходит и на уровне производительной силы и процесса производства: уничтожение всякой целевой установки производства позволяет ему функционировать как код, а денежному знаку – пуститься, например, в ничем не ограниченные спекуляции, без всякой привязки к производственным реальностям и даже к золотому эталону»[200].

Таким образом происходит «фантастическая автономизация ценности» и разрушение реальной иерархии ценностей. Знаки не только заполняют содержание культуры, они агрессивно вытесняют из нее образы. Свой вклад в этот процесс вносит экономика – в соответствии с типом производства симулякров современная экономика «чудесным образом скрывает» истинную структуру власти, «поменяв местами составные части ее определения. В то время как власть состоит в том, чтобы односторонне одаривает», нам «внушили как очевидность нечто прямо противоположное: будто власть

[199] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 106-107.
[200] Там же. С. 52.

состоит в том, чтобы односторонне брать и присваивать себе. Под прикрытием этого гениального фокуса может и впредь осуществляться действительное символическое господство, так как все усилия угнетенных попадают в ловушку: они пытаются отобрать у власти взятое ею у них или даже "взять власть" как таковую, – не видя, что тем самым лишь содействуют своему угнетению»[201]. Власть проявляет свою природу как власть «конечного», «вещей», оказываясь неразрывно связана со смертью «в ее иррациональной и обреченной предельности»[202], замечает Бодрийяр. Недаром прерафаэлиты, будучи в основном англичанами, обосновались в Париже.

Выявленная Ж. Бодрийяром связь симуляции, власти и денег в культуре «общества потребления» позволяет перейти к следующей теме имагологии – изучению вопроса об объективных основаниях и методах интерпретации и конструирования национальной и социокультурной идентичности[203], того «дома» народа, который сегодня связан с понятием «родина» и включает в себя ее образ. В свою очередь, образ родины связан с понятием «страны», а значит, и власти. Если встать на точку зрения имагологии, производство образов, тесно связанное с модусом власти, оказывает структурирующее влияние на общественную жизнь. А в сочетании с новейшими технологиями такое производство замыкается на себя, постоянно наращивая уровень симулятивности за счет *сверх-символизации* культурных смыслов.

В этой связи представляется уместным рассмотреть комплекс идей, выдвинутых в книге М. Уэльбека и Бернара-Анри Леви «Враги общества»[204]. В этом произведении, написанном в 2008 г. и представляющим собой один из редких примеров классического эпистолярного жанра литературно-философских писем, поднимается тема кризиса культуры: «Итак, мы с вами

[201] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 106-107.
[202]Философия культуры в системе изучения международных отношений. Книга 1. Парадоксы исследовательской призмы / Силантьева М. В. [и др.]. – М.: МГИМО, 2020. 544 с. С. 351.
[203] Ощепков А.Р. Имагология. С. 252.
[204] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 316 с. E-book.

ярчайший пример вопиющего упадка интеллектуальной жизни Франции и кризиса ее культуры – о кризисе французской культуры недавно писал журнал «Тайм», как всегда суровый, но справедливый», саркастически замечает М. Уэльбека (**письмо от 26 января 2008** г.). Определяя свою роль в этом разговоре и его значение для общества, М. Уэльбек сразу дает понять, почему писатели позиционируют себя как «враги общества». Столь нелестная характеристика собственного имиджа призвана показать, что оба писателя соответствуют типу «горького рационалиста», критичны и не поддаются ни на мелкие, ни на крупные соблазны: «мы … даже не упомянуты в титрах «Рататуя»»»[205]

Напомним: оппонент М. Уэльбека, Бернар-Анри Леви, – один из авторов манифеста «Европа в огне» («Сражайтесь за Европу, или враги уничтожат ее!»), энергичный политический журналист и переговорщик[206], яростный критик марксизма[207], борец с исламским фундаментализмом, автор скандальных сочинений «Завет Бога» («Le Testament de Dieu», 1979) и «Французская идеология («L'Idéologie française», 1981). И, наконец, основатель такого направления континентальной философии, как «Новая философия».

Как уже было сказано, по своей структуре книга представляет собой переписку, которую по заданию издательства Уэльбек и Леви вели на протяжении нескольких месяцев. Это – своего рода литературный поединок, выполненный в лучших традициях риторического мастерства, полный интеллектуально изящества и образного совершенства. На страницах книги перед читателем предстают два интеллектуала, «ангажированный» (так

---

[205] Популярный во всем мире детский мульфильм, направленный на создание позитивного образа Франции как страны юмора, легкости и гастрономических изысков.

[206] Леви принимал участие во многих «горячих» событиях, от войны в Югославии, где активно поддерживал боснийских мусульман, освещая события в качестве журналиста, до событий в Ливии, Сирии (противник Башара Асада) и Украине (призывал бойкотировать Олимпиаду-2014 в Сочи) и т.д. Он – один из подписавших письмо «Открытое письмо против политических репрессий в России» (URL: https://mbk-news.appspot.com/sences/otkrytoe-pismo-protiv-repressij/ (дата обращения 27.05.2020), активный борец со всем, что кажется лично ему несправедливым и неправильным.

[207] Lévy B.-H. La barbarie à visage humain. – Paris: Grasset, 1977. 240 p.

именует себя Леви[208]) и «неангажированный» (эту позицию занимает Уэльбек[209]). Свою «ангажированность» Леви позднее определит как «чувство ответственности за других». Его оппонент на это заметит, что Леви «рвется в бой», это вызывает уважение и даже вдохновляет, хотя далеко не все «наделены таким темпераментом». О себе Уэльбек сообщает лишь то, что ему свойственна позиция «отстраненного сопереживания» (в тексте несколько раз возникают примеры школьной травли; Уэльбек рассказывает, как болезненно он переживал травлю одноклассника, продолжая при этом «держаться в стороне», и ничто не могло заставить его совершить какой-либо поступок в поддержку преследуемого мальчика).

Переписка начинается с вызова, который Уэльбек бросает своему адресату. В ответном письме Леви принимает вызов и набрасывает эскиз возможных путей развития дискуссии. Интересно, что уже в самом ее начале возникает вопрос о «любимых философах». Уэльбек превозносит Шопенгауэра; Леви говорит о Кокто, Сартре и, позднее, Левинасе; оба высоко ценят Бодлера, что сразу проявляет их отношение к поэзии в ее философическом измерении. С тезисом, характеризующим современную культуру и гласящим, что «сейчас наступает век философии»[210] (Ю.П. Симонов), могли бы согласиться оба писателя. Не в том смысле, разумеется, что все живущие сейчас люди стали (или могли бы стать) философами, но в том, что наше время четко сформировало запрос на необходимость осмыслить происходящее, ответственно спросить себя о своем месте в мире и о своей цели своей жизни.

Развернувшуюся далее дискуссию можно интерпретировать с самых разных сторон, ибо она богата идеями и разнообразна по направлениям обсуждения. Для своего исследования мы выберем только один аспект –

---

[208] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 98, 216.

[209] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 59. В **письме от 16 марта** Уэльбек подчеркивает, что уважительно относится к «ангажированным интеллектуалам», хотя далек от них, как и от «любых человеческих сообществ» (Там же).

[210] Симонов Ю. П. Сейчас наступает век философии // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2 (2). С. 7-19.

обсуждение образов культуры и трансформаций самосознаия и/или идентичности, соотносимых со страной и/или с личностью; а также – с вопросом о литературных средствах выразительности и цели литературного творчества (последнее представлено в анализе *образа писателя*). Отметим, что в конечном итоге обсуждение возвращается к теме, с которой оно началось, то есть к разговору о том, на какие философские основания опирается современная культура и для чего нужна философия писателю.

Итак, начнем с образа Франции и французов, попутно затронем тему «гения» и «толпы», основных характеристик и целей индивидуальности и «сообществ». Обращаясь к проблематике художественного образа, Уэльбек со ссылкой на Бодлера настаивает на конкретности обсуждения подобных вопросов: речь должна идти «не о человечестве, но всего лишь о французах»[211]. Это, впрочем, не значит, что речь пойдет *только* о них, ведь не важно «французы или бельгийцы» затравили Бодлера, парирует Леви. Однако он не спорит с тем, что конкретика позволяет обратиться к действительно важным вещам, о которых *нужно* говорить не с отвлеченной точки зрения, но по существу. Просто так «болтать» недопустимо.

Так тема «болтовни» как антитезы философии, поднятая в свое время М. Хайдеггером, придает беседе двух писателей новые грани. Леви рассказывает о своем отце, который «до странности бережно, почти суеверно, относился к слову, даже разговорному, обиходному. Он сам тщательно подбирал слова, взвешивал каждое, будто обдумывал шахматный ход, и требовал того же от нас. Иногда неосторожное слово (самое обычное, общепринятое) внезапно приводило отца в холодную, пугающую ярость (какое именно и почему, предугадать было невозможно); казалось, в его душе задели незажившую рану, и он взвивался от обжигающей боли. «Не болтайте попусту! Сами не заметите, как потеряете себя»»[212]. История похожа на русскую поговорку: «Думай, потом говори!». Слова, связанные с

[211] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 12.
[212] Там же. С. 33.

мыслью, действительно не разменяются на пустую болтовню; причем соединение слова и мысли в образе отца выступает у Леви как очень *определенное требование*, а не вялое благопожелание.

Считается, что уважение к разуму, «слову»-логосу, – важная культурная особенность французов. Между тем, ни Уэльбек, ни Леви, говоря о трепетном отношении к слову, не упоминают слово «разум» и не пытаются спроецировать ситуацию вовне, создав образ думающего (а там более рационального) «француза вообще». Речь всегда идет о конкретных людях и конкретных событиях, поэтому предикат «стыдливость и трепет перед могуществом слова» отнесен в письме Леви к его отцу, а не «еврею вообще», «французу вообще», «крупному промышленнику вообще» и т.д.

Тогда получается, что создание обобщенного образа – довольно рискованное предприятие, и образ образу рознь. Образ-эйдос, образ-миф, образ-метафору создает поэт; образ-имидж создается толпой и на потребу толпы. Образ-эйдос и образ-миф живут своей жизнью (именно поэтому писатель никогда не списывает образы целиком с «себя», хотя автобиографические вкрапления обязательно присутствуют в его произведениях). Напротив, образ-имидж – удобное усреднение, упрощающее и уплощающее объемность образа-метафоры (а тем более, *целого человека*).

Интересно, что для уточнения смысловых координат индивидуальности в беседе каждый из писателей обращается к образу отца, а не матери (женское начало возникнет чуть позже и будет соотноситься с образом страны, Франции, в различные периоды ее истории на протяжении XX в.). Так же интересно, что образ отца каждым собеседником помещен в «обжитое» пространство – кабинет, комнату, лыжную базу и т.д. Наоборот, пространство «толпы» – голое: это узкие коридоры общественных зданий, тесные телестудии или вообще монитор, на котором можно прочитать газетный памфлет, где «место» сжалось до строчки и точки, от которой читающий вдобавок отвернулся с отвращением в душе.

Отдельная тема – «дефицит» общения с отцом. И Уэльбек, и Леви как бы отдаляют этот образ от читателя и от самих себя, что не позволяет его «присвоить», сделать податливым и скучно предсказуемым. Тем самым отстраненный образ отца как бы дает импульс движению сына вперед. Такое движение можно было бы назвать «одиноким поиском себя», – одиноким, горьким и мужественным. Выплеснувшись на страницы книги, история поиска себя придает тексту мощную сверхсюжетную динамику: люди обсуждают здесь не просто свои психологические проблемы, которые в общем-то у всех людей довольно однообразны. Они обсуждают свои находки и потери на путях «одинокого поиска себя». При этом их одиночество не кажется ни скучным, ни однообразным. Наоборот, рассказы о детстве, перемежающиеся замечаниями о собственном несовершенстве в зрелые годы, читаются как захватывающий остросюжетный роман, развязка которого непредсказуема, а опыт героев – поучителен. Яркая индивидуальность, согласно выводам из поставленного в переписке мысленного эксперимента, всегда выглядит отстраненной от «усредненности» и посредственности, но это не значит, что «гений» лишен сочувствия. Напротив, сочувствия и жалости у него много; настолько, что хватает на сочувствие другим людям.

А вот кто лишен сочувствия напрочь – это человек толпы. Разговор об отношениях писателя («гения», «поэта») и «толпы» позволяет определить основное качество толпы: толпа не хочет знать *Другого*, она хочет «бить» и «рвать», ее фундаментальная особенность – жестокость, направленная на тех, кто лишен стадного чувства. Не важно, происходит ли травля в школьном коридоре или на телевидении, в городе или в Гугле.

«Толпе» важен «имидж» – искусственно сконструированный образ, «маска», «ширма». «Толпа» навязывает этот образ писателю; но и писатель в ответ навязывает свой образ-имидж «толпе». Уэльбек пишет: «Если в будущем города исчезнут и люди станут общаться лишь в виртуальном пространстве, то и тогда мало что изменится. Жестокость толпы, на мой

взгляд, не зависит от смены политических систем и мировоззрений. Все религии канут в Лету, все откровения забудутся, жестокость останется»[213]. Спасаясь от фундаментальной «жестокости толпы», писатели ведут себя по-разному. Одни отстраняются (Уэльбек), другие идут в бой (Леви), облачаясь в доспехи имиджа. При этом Леви жалуется, ему «исцарапала все лицо уродливая жалкая маска, надетая на меня критиками, я не могу признать в ней себя – ни я сам, ни моя роль в обществе не имеют с ней ничего общего»[214]. Так в разговоре постепенно уточняется интерпретация «имиджа», вначале – персонального[215], а затем и национального.

Но имидж имиджу рознь. Маска писателя – это защита; маска, нацепленная на него критиками, – орудие пытки. Есть еще «раскрученный имидж», который не имеет ничего общего ни с «забралом», ни с лицом; но как раз эту маску человек надевает на себя добровольно. Защищая свое «внутреннее существо», писатель как бы прячется за ширму, и в этот момент возникает вопрос – а что, если осталась только ширма, а меня там больше нет?.. Другой путь – «сохранить нетронутым творческий пыл» и «боевой дух», «наперекор стихиям (и жадной своре)»[216].

Препираясь на тему того, чья маска оказывается наиболее жалкой, собеседники поднимают тему, важнейшую в их разговоре, тему искренности. Эпистолярный жанр, по мнению Уэльбека, помогает достичь особой искренности. С этого момента вопрос об искренности, то есть отличии образа от имиджа, становится основным вопросом переписки; ведь именно искренность делает писателя – писателем, она доставляет огромную боль, именно ее призвана – не просто скрывать, а защищать, – маска. Искренность никогда не совпадает с «красным словцом», сказанным публике. Возможно, именно искренность не позволяет писателю «остаться дома»: проживая свою телесную жизнь как борец или как обыватель, он в любом случае не

[213] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 15.
[214] Там же. С. 17.
[215] Там же. С. 23.
[216] Там же. С. 21.

идентифицирует себя с достигнутым, «одомашенным». Ему всегда в каком-то смысле «мало». Возможно, именно это и делает его посмешищем толпы, готовой довольствоваться простыми и понятными целями разной степени социальной сложности.

В **письме от 16 февраля** Леви замечает: «у писателя прежде всего есть право на свободу, пусть говорит все, что хочет, но только не «правду о своей жизни», его тайны неприкосновенны!». И далее: «Не спорю, существует опасность заиграться, утратить связь с истинным «я», уподобиться «человеку, потерявшему свою тень», забыть о своей сути – тогда корабль затонет с экипажем и грузом». Тем не менее ни в литературном творчестве, ни в пылу публичной полемики, писатель не может не играть роль, предаваясь «праведному гневу»: «лучше пустить публику по ложному следу»: «высокое искусство» – это «искусство фальшивомонетчика»[217].

Далее Леви ссылается на слова М. Фуко, якобы сказанные им перед смертью: «мы пишем не для того, чтобы узнать, кто мы, а для того, чтобы стать иными». Таким образом он сообщает, что писатель не ищет свой дом *в себе*; он ищет *Другого*: «Начиная писать, я делаю ставку не на встречу с собой и вечным ребенком в себе, не на обретение своей истинной сути со всеми ее теневыми сторонами и прочую тому подобную чушь, – я хочу измениться, оставить позади прежнего себя, ветхого, устаревшего, неинтересного, хочу расти вместе с книгой. Так для чего мы пишем? Чтобы замуровать себя или чтобы освободиться? Чтобы исчезнуть или возникнуть? Завладеть землей или размыть ее и двинуться дальше, нащупывая ветвящееся, трудно уловимое сродство?»[218]. Разговор о *Другом*, вплетается во все рассуждения о «гениях» как *ищущих иного*, – о поэтах, философах, отцах; о собственном отчаянии, которое обнажает коренной вопрос творчества, ведь поиск невыразимого не может ни на что опираться. Это – действительная свобода, выраженная в «графомании» или «политических дебатах», но

[217] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 27.
[218] Там же. С. 29.

выраженная так, что не отменяет ни графоманию, ни дебаты. На ее путях человек сохраняет себя не как эмпирическое «я», а как поиск чего-то большего, обрести которое почти невозможно.

Выстраивая защиту из разных «ролей» – масок и «имиджей, – писатель, прячется от убийственных вторжений в свою душу, содержанием которой, по мысли Уэльбека, со временем все больше становится «пустота». Его «одолевает мания величия», его эго «заперто в несгораемый шкаф или бункер» (кстати, именно поэтому он безболезненно может делать автобиографические вкрапления в свои в целом далекие от исповеди сочинения). В **письме от 23 февраля** Леви пишет: «У таких людей, вопреки мнению философов, не тело, а именно душа – усыпальница. Они безмятежно покоятся в ней, и только исключительное событие, знаменательная встреча или ранящее слово, как я уже упоминал, нарушают их умиротворение, вздымая прах ненужных воспоминаний». Усыпальница, шкаф, бункер, – еще одна тема, связанная с семантикой «дома». Это – вечное пристанище, непроницаемое и страшное своей закрытостью. Вспоминается идея «Монадологии» Лейбница: монада, душа, не имеет окон[219].

Одно из воспоминаний, тревожащих даже «в шкафу», – дом, который когда-то был. Такой дом – не столько место, сколько время; причем обжитое пространство дома может расшириться до улицы или города. Но не любого, а города детства или ранней юности. В письме от 23 февраля Леви пишет о Париже, который ассоциируется у него с местами, где он встречался с отцом. Этот обжитой Париж похож на большой уютный дом. Но – прошло время. Уютные кафе и ресторанчики исчезли, нет больше «серых жалюзи» и «магнолии в кадке, а казалось, она будет стоять у решетчатой двери вечно». «Париж изменился»: «Не осталось и следа от тех мест, тех лет… Так в

[219]Леви приводит рассуждение Лейбница о субстанции, противопоставляя ему позицию Спинозы: единая всеобщая субстанция – «главная заслуга» Спинозы; и Лейбниц был «не прав», отрицая ее существование (Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 95-99).

древности победители разрушали города и посыпали развалины солью – для верности, чтобы они уже никогда не поднялись вновь»[220].

От воспоминаний об отцах собеседники переходят к разговору о смене эпох, рубежом которых стал конец 1970-х гг.: «на смену стиральной машине пришел транзистор», «наступил гедонистический период потребительского капитализма». В **письме от 1 марта** Уэльбек говорит о «Франции пятидесятых, радостной, деятельной, смело глядящей в будущее, глуповатой, само собой»[221], противопоставляя ее современной Франции «периода депрессионизма». Образ Франции объемен, в нем читается скорее образ женщины, приводящей дом в порядок, – или наоборот, запустившей его. Образ страны сливается с образом стареющей матери, матери, для которой развод с отцом продолжает быть основной страстью спустя двадцать лет. А уже **24 марта** Уэльбек пишет о том, что «рано или поздно» вообще всё «рассыпается в прах», не только воспоминания, но и идеи. Такая судьба ждет и такие «мыслеформы», как «французский патриотизм» и «национальное самосознание»[222]. «Точная дата их смерти» – 1917 г., время бунтов во французской армии, начавшихся из-за «чрезмерных потерь»: «Франция зашла слишком далеко, заставив своих граждан жертвовать собой, невыносимо страдать без пользы и цели. Она дискредитировала себя и потому не вправе требовать уважения и любви. Повторюсь: роковая ошибка непоправима»[223]. Из этого же времени, полагает Уэльбек, берут свои истоки такие плохо совместимые с французским патриотизмом черты, как симпатия к СССР и нежелание воевать в 1940 г. «Запас» энтузиазма не бесконечен, и вместо «войны против нацизма» французы поначалу увидели простую «заварушку с бошами».

Неожиданным контрастом по отношению к Франции и ко всей Западной Европе видится Уэльбеку «молодая» Россия: «…вернувшись в

---

[220] Там же. С. 42.
[221] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 48, 81.
[222] Там же. С. 83.
[223] Там же.

Западную Европу, я ощутил, что нахожусь среди мертвецов. Да, в России тяжелые, подчас невыносимые условия, там много насилия, но русские щедро одарены вкусом к жизни, жаждой жизни, которая у нас расточилась. Как же мне захотелось быть юным и русским! И наплевать на все экологические катастрофы!

Захотелось стать идеалистом (признаю, сейчас их и в России немного). Вернуться в прошлое: тогда боготворили Гагарина и «Beatles», вся Франция смеялась над Луи де Фюнесом, Жан Ферра пел песни на стихи Арагона»[224]. Россия предстает здесь классической для европейского интеллигента антитезой «уставшей Европе»; сквозь призму образа «молодой» России в разговоре выявляются черты «не молодой» Франции.

Леви резко возражает: «Раньше я чтил русскую духовность. Защищал и любил русскую культуру». Однако коммунизм сошел с нее как оползень в горах. В результате Росси узнала о себе много неожиданного – война, национализм и антисемитизм; приспособленчество и инерция народа, «который все терпит»[225]. Сейчас, полагает писатель и журналист, Европу «подстерегает не коммунистическая угроза, а коммунистическая отрыжка».

В ответ Уэльбека (**письмо от 16 марта**) вновь возвращает разговор к образу Франции и французов. Российская культура видится ему целостной, именно поэтому она плохо реагирует на «поучения Запада». Он не замечает здесь тотальной нищеты; зато подчеркивает, что в России очень быстро обнаружился сформированный средний класс, который решительно поддерживает российскую власть, особенно в отношении внешней политики. В России, подчеркивает писатель, читают и покупают книги, «в отличие от бразильцев или даже итальянцев и испанцев»; книги здесь доступны. Рассказывая о встрече с представителем российского МИДа, Уэльбек замечает: «Да, русские едва ли ощущают, что *живут в демократической стране,* боюсь, большинству из них на это наплевать, но кто я такой, чтобы

[224] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 49, 171.
[225] Там же. С. 52.

бросить в них камень?» И продолжает: «Долгие годы я прожил в демократической стране (во Франции) и обладал избирательным правом, которым предпочитал не пользоваться. Несмотря на мое безграничное возмущение, был принят целый ряд отвратительных законов, особенно в области здравоохранения, но я не мог повлиять на этот процесс»[226]. Уэльбек высказывает парадоксальную мысль: он не чувствует себя гражданином Франции, представляя собой «лишь потребителя» в отношении «родного государства». Как, впрочем, «и любого другого».

Одной из основополагающих идей, связанных с образом государства, Уэльбек называет «способность подчиняться приказам» и встраиваться в **порядок**. Он пишет: «я органически, физиологически не способен *подчиняться приказам.* Услышав приказ, я внутренне сжимаюсь, цепенею, в моей психике образуется болезненный узелок – к нему не притронешься. Я не умею слушаться и не люблю командовать. Роль начальника играю неохотно, в самом крайнем случае, только если это действительно необходимо»[227]. И далее: «с глубоким недоверием отношусь к любому, кто защищает истину *с оружием в руках,* какой бы ни была эта истина. Поджигатели войн, революций, зачинщики беспорядков кажутся мне извращенцами. Ведь по существу любая война и революция – разгул насилия, ненависти, разве не так? Жестокое кровавое действо»[228]. Тезис «старика Гёте»: «Лучше несправедливость, чем беспорядок» дополняется мыслью Огюста Конта: «Прогресс есть развитие порядка». Это ли не кошмар?

Ответ Леви не заставляет себя ждать: хорошо, что «среди представителей власти есть люди, готовые поступиться порядком ради справедливости» (**письмо от 21 марта**). Уэльбек стоит на своем: «я непримиримый враг беспорядка». Он выражает саркастическую уверенность, что «самые чудовищные несправедливости совершаются не во имя порядка, а

[226] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 62.
[227] Там же. С. 65.
[228] Там же.

ради его уничтожения», а «мнение Гёте разделяют не одни подлецы» (**письмо от 24 марта**).

Не удивительно, что, раскрывая этот вопрос, собеседники переходят к вопросу об онтологическом содержании свободы, и здесь вновь оказывается востребованной метафора «дома». Только теперь уже в виде рассуждений о том, что жизнь дана человеку на прокат и он подобен страннику, который рано или поздно «обязан освободить гостиничный номер»[229]. Вопрос, однако, состоит в том, как понимать свободу – через «Афины» (детерминизм «природы вещей» и эпикуреизма, бегство от свободы[230]) или через «Иерусалим» («дух дышит, где хочет»). Во втором случае, как подчеркивает Леви, нет предельной обреченности, пустоты («хаос не есть пустота»); сохраняется «возможность субъекта, индивидуальности»[231]. Насколько это рассуждение способно успокоить Уэльбека – не очень понятно: жесткая упорядоченность социальных связей, на которую проецируются бесконечно отдельные от всего атомы, падающие в пустоте или слаженно двигающиеся по законам природы и космоса, приводит его к констатации невозможности свободы. Если продолжить эту мысль дальше, писатель обречен на поражение хотя бы потому, что он идет против всего *сущего*. Однако быть другим – его образ жизни, от которого он никогда не откажется.

В ответном **письме от 4 апреля** Леви настаивает на открытости вопроса о тотальном детерминизме. Он сравнивает субъект с островом, у которого «в зависимости от обстоятельств» возникает возможность «сжимать и вновь расширять пространство своей индивидуальности», подобно тому, как волны уносят песок в море, а потом возвращают его на берег. Так Леви обосновывает мысль об индивидуализации (процессуальный субъект): индивидуализация есть «множество процессов» и «сочетаний». Пропасти – и

---

[229] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 89, 94-95.
[230] Леви считает эту доктрину «пугающей и невыносимой» (Там же. С. 93).
[231] Леви пишет: «по-прежнему считаю: единственная возможность вникнуть в особенность, отличающую нас с вами от деревьев, камней, вашего песика Клемана, – это отказ от греческой философии. Мы можем поставить на Иерусалим против Афин. Вторая модель дает нам выбор. В этом ее преимущество перед апокалипсисом Эпикура» (Там же. С. 95).

мосты, «сотрудничество и взаимопонимание» – и «борьба и противостояние». Все это интерсубъективность, бесконечное богатство взаимодействия, когда в результате переписки «часть моей сущности», возможно, «станет вашей». «Постоянный взаимообмен», возможно, и есть «плоть нашего мира, одновременно общая и оспариваемая, что опровергает чувство одиночества, навязываемое философами-атомистами»[232]. Этот ход мысли, вслед за Левинасом, «заставляет субъект жить, не замечая границ», «будто он тень или душа, пребывающая в сновидениях, вынуждая его отвлекаться от своего «я» и парить над своим именем собственным, приобретать значение Другого». Эта тайна «превращает «я» в «заложника», «несущего ответственность» за Другого»[233]. Этой «парой строк» «не спасти французскую экономику»; но таким образом можно «жить в ладу с самим собой».

Итак, «ангажированные» интеллектуалы, полагает Леви, «чувствуют ответственность за других». В такой философии «нет ничего хитрого» – «она просто дает возможность справиться со своими страхами, а иногда и избавиться от них», не поддаться «ни «суме»», «ни «суматохе»». Административная суета, как всякая суета, мешает заниматься литературой и философией. Поэтому так важно не дать себя окрутить такой суетой. Ответ Уэльбека выравнивает значение литературы и поэзии. И вместе с тем, он отказывается искать «из себя» «гипотетическую истину»: его дело – «давать жизнь» художественным образам, чувствовать, как «внутри … развиваются персонажи».

Пассажем о круглом столе, полотно которого они «только приподняли» философствующие литераторы подводят черту своей дискуссии об обществе, фактически отождествляя его с «общим», то есть «толпой». Представив себя врагами такого «общества» и врагами войны, они подтверждают свой бунт против «толпы», ведь «война всех против всех» – нормальное состояние

[232] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 96-97.
[233] Там же. С. 97-98.

общественных взаимодействий, предоставленных естественному порядку вещей. С этой точки зрения общество социальных сетей ничем не лучше (и ни хуже) – ни диких племен, ни тоталитарных государств.

Завершая разговор о поиске образа Франции и французской идентичности, – образа, который, очевидно, так и не был найден, поскольку распался на «множество процессов»[234], – Леви и Уэльбек ставя вопрос о поиске *образа себя* через ответственное *восприятие Другого*. Итогом их дискуссии становится уточнение вопроса об образе страны и французской идентичности через раскрытие противоречий самовосприятия и саморепрезентации.

В этих рассуждениях соединились имагология, философия и литература, которые раскрывают особенности самовосприятия французскими интеллектуалами своей культуры – через отсылку к истории, сопоставление с другими культурами, выстраивание биографических и персональных связей и т.д. Утверждая кризисный характер современной французской (равно как и европейской – Уэльбек, а также российской – Леви) социокультурной действительности, авторы книги «Враги общества» настраивают читателя на самостоятельный поиск решений. Ведь в каждом конкретном случае имидж может не совпасть с образом, а лицо, напротив, прирасти к навязанной или самостоятельно избранной маске. «Европейский дом» в этом смысле определяется не столько тем, каким он когда-то был, сколько тем, кто в нем живет сейчас.

Выводы по первой главе. Завершая рассмотрение историко-культурного потенциала концепта «европейский дом», необходимо выделить основные тенденции, определяющие различие научного и литературно-художественного подхода к его содержанию. Прежде всего, с точки зрения научного осмысления «европейский дом» – перспективный проект, основанный на рационализации общественного управления и политической

[234] Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. E-book. С. 96.

власти. Это – вариант конструирования идентичностей, тесно связанный с брендированием территорий и даже целых стран. С точки зрения литературно-художественного анализа данного концепта, он основан на «мифе», единстве переживания и его интеллектуального освоения. Этот путь менее строг, но позволяет проследить такие стороны концептуализации идеи «новой Европы», которые до сих пор составляют мало востребованную ступень понимания «новой действительности». Ее разрушительный характер по отношению к сложившимся антропологическим «мерам» был описан задолго до публикации М. Уэльбеком своего первого романа. Вместе с тем, временной лаг по отношению к идеям постмодернистов позволяет уточнить некоторые определения «одиночества», «пустоты», «детерриторизации» и руинирования как маркером антропологических обвалов и разрушений, постигших европейскую культуру. Именно Франция, страна, определившая себя через создание единой Европы, дает в этом смысле важнейший материал для осмысления идентификационных «сдвигов» в трактовке обжитого пространства, «дома». Рассматривая себя как одного из лидеров технологической революции и социального переустройства, создавая и апробируя социологические, политические и иные модели прогрессивного переустройства жизни глобального человечества, Франция остается также местом, где «прорыв к бытию» все еще уместен, а поэт выходит из «дома», ища иного приюта.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ»

Коммуникативный потенциал концепта «европейский дом» связан с концептуализацией отношения индивида и общества к политическим и религиозным процессам, трансформирующим социокультурное пространство современной Европы. Обращение к вопросу об интерпретации дома, «общего» и «своего», потребовало рассмотрения (1) парадоксов «единого европейского дома» и их отражений в культурологически значимой теории и практике французского евроскептицизма («желтые жилеты», «фрекзит» и т.д.); (2) религиозной составляющей концептуализации понятия «европейский дом» и (особенно) роли политических интерпретаций религий в создании новой социокультурной реальности; (3) позиции Франции как мировой культурной столицы, что проявляет такие стороны самосознания французской культуры, как эталонность, метиссаж и т.п. Анализ этих аспектов проблемы «европейского дома» в качестве коммуникативной стратегии самопрезентации Франции во внутреннем политическом пространстве и на международной арене позволил уточнить (4) коммуникативную специфику процесса концептуализации понятия «европейский дом» сквозь призму теории культурной метафоры.

2.1. Парадоксы «европейского дома» в политических процессах французского евроскептицизма: М. Уэльбек и «желтые жилеты»

Вопросы концептуализации международных отношений[235] в связи с установлением «нового мирового порядка» многополярности[236], как и вопрос об отношениях политики и культуры (включая такую область культуры, как

[235] Концептуализация международных отношений / Т. А. Алексеева, А. В. Мальгин, Ю. А. Никитина, А. Г. Олейнов, С. С. Судаков // Современные международные отношения : Учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России. – М.: Аспект-Пресс, 2012. 688 с.

[236] Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27–37.

литература)[237] сегодня требуют изучения темы коммуникации в контексте деятельности медиа; а также возможных причин изменения общественных настроений, прямо или косвенно влияющих на поведение электората и/или принятие тех или иных (в том числе, популистских) политических решений. Концепт «европейский дом» с этой точки зрения маркирует в общественном сознании обширное поле дискуссий, острие которых в настоящее время представлено активной критикой мультикультурализма, некогда популярного во Франции[238], а также институализацией евроскептицизма. Интенсивная кристаллизация полярных точек зрения происходит в общественном сознании в том числе благодаря популяризации точек зрения отдельных представителей творческой интеллигенции, осуществляемой медиа. Особую роль играет в распространении ряда концептуальных положений[239] сетевая коммуникация, различные формы которой являются ареной взаимодействия гражданского общества и политической системы. Тем самым сетевая политическая коммуникация[240] приобретает выраженные черты медиатизации[241], хотя, разумеется, несводима к ней. В этом смысле особенно важно слабо различимое, но вместе с тем весьма существенное отличие *концепта* как коммуникативного инструмента, вовлеченного в «принципиально ангажированный контекст» – от понятия с его абстрактно-логической всеобщностью[242]. Именно поэтому на пути сугубо сциентистского подхода к изучению *политического* встают практически непреодолимые препятствия, - как отмечает О.Ю. Бойцова, «специфика

---

[237] Долгов К.М., Старикова Е.И. Политика и культура: от политической философии Макиавелли до политических пророчеств Киплинга // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 40-50. С. 41.

[238] Гаман-Голутвина О. В. Проблема мультикультурализма в современной Европе // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 16-17. С. 17.

[239] Бойцова О. Ю. Концепт и его роль в политическом познании и политическом образовании / SCHOLA-2018. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: МГУ, 2018. С. 24-28.

[240] Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2016. 322 с. С. 38-96.

[241] Федорова Е. В. Медиатизация как важный ресурс современного политического процесса, направленный на адаптацию политических субъектов к новым формам массовых коммуникаций // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10. № 3. https://esj.today/PDF/14ECVN318.pdf (доступ свободный).

[242] Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 3. С. 346-360.

политического познания не позволяет опираться на логическое понятие. Здесь нужен другой инструмент»[243]. Этим инструментом, вписанным в контекст коммуникативной реальности, и является концепт.

Нельзя также не остановиться хотя бы вкратце на специфике коммуникации, связанной с деятельностью медиа в контексте проблемы массовой культуры. Отождествление своего «я» с голосом медийного персонажа – характерная черта «массового индивида»: с точки зрения социальной психологии здесь имеет место подражательность, свойственная групповому поведению[244], в информационном обществе дополненная ресурсом медаитизации. Верно и обратное: «массовый индивид» воспринимает выступления медийных персонажей как идущие от его, массового индивида, лица; при этом общественное мнение обычно считает позицию популярного личности голосом «обычного человека» как «рядового гражданина»[245]. Если французский философ XIX в. Габриэль Тард называет данный феномен нейтрально – «социальная подражательность», говоря о «ленивой» трансляции инноваций за счет этого «всеобщего свойства», сказывающегося в социальной жизни, то испанец Хосе Ортега-и-Гассет в 1930-е гг. вводит для обозначения данного «свойства» выражение «феномен стадности»[246], насыщенное негативными коннотациями. Тем самым Ортега противопоставляет «человека толпы» как примитивного потребителя, неспособного уважать интересы «других», – активному гражданину, ответственному за свое участие в политике. «Человеку толпы» свойственно стремление к «прямому действию»[247] – пародия на гражданскую активность, основанная на «стремлении обособиться», то есть как раз не считаться с

---

[243] Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании. С. 349.

[244] Тард Г. Законы подражания: Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2011. 304 с. С. 16, 40. 60-66; Александровская В. Н. «Социальное подражание» и «Идеальный образ»: психологическая проблема в междисциплинарном исследовании // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 203-207.

[245] Писаревская Н. С. «Массовый человек» как социокультурный феномен XX века // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 2. С. 54-56; Марченя П. П. Массы и массовая политика: концепты и реалии // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 76-79.

[246] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. 509 с. С. 15.

[247] Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания / Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. 509 с. С. 269-370. С. 310-313.

интересами других социальных групп. Это – разрушение политического как такового, переход к тоталитаризму.

Как известно, Ортега-и-Гассет – автор ключевого для теории «массового общества» сочинения «Восстание масс», поэтому остановимся на его идеях чуть более подробно. Размышляя о пути преодоления современного Ортеге национализма, философ обращается к идее единой Европы. Он пишет: «Едва западные нации раздуваются до современных размеров, как вокруг них и под ними, словно фон, возникает Европа»[248]. Причем, как он полагает, и рядовому «испанцу», и рядовому «французу» этот «фон» дает больше, чем собственно «национальное»: «Если бы воображаемый экспериментатор заставил нас жить лишь тем, что в нас «национально», и фантастическим способом ампутировал у рядового француза все те привычки, мысли и чувства, что внушены ему другими народами континента, результат был бы ужасающим. Оказалось бы, что бедняге нечем жить, все его внутреннее достоинство на четыре пятых состоит из бесхозного европейского скарба»[249]. Национальные государства (напомним, речь идет о переломных для Европы 1930-х гг.) по мысли Ортеги «превратились в “интерьер”». Преодоление подобного состояния «взвеси» и «непристойного безвременья», связанного с потерей Европы своего лидерства в управлении мировыми процессами, испанский философ видит в «решимости европейских народов сплотиться в одну великую нацию» (хотя параллельно замечает, что «всякий национализм – тупик»)[250] и заняться «строительством Европы как великого национального государства»[251].

Трудно математически точно вычислить, насколько размышления Ортеги о французах в связи с «восстанем масс» оказались вплетены в реальную политику. Однако нет сомнений: в багаж размышлений интеллектуалов о судьбах Европы и европейской культуры они вошли давно

---

[248] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. 509 с. С. 171.
[249] Там же. С. 173, 175.
[250] Там же. С. 176.
[251] Там же. С. 178.

и прочно. Особенно интересно обсуждение «массового индивида» вплетается в разговор о современных элитах (кстати, согласно Ортеге, также «зараженных» массовизацией). А именно, как было показано при анализе книги М. Уэльбека и Ж.-Б. Леви «Враги общества», есть мнение: том случае, когда медийным персонажем становится представитель творческой интеллигенции, не «зараженный» примитивными устремлениями «массового человека», отождествление «я» с референтным представителем группы приобретает «не-массовую» специфику. В частности, механизм социальной подражательности может быть вытеснен обратным процессом, когда социально значимый эффект является следствием осознанного принятия определенных ценностей, а не только и сколько желания следовать эталонному образу блогера, киноактера, писателя и т.д., «полагая себя единственным» (худшая, с точки зрения Ортеги-и-Гассета черта «массового человека»).

Сложное переплетение процессов из области психологии масс и синергийного взаимодействия индивидуальных воль, основанных на сознательном выборе, составляют сердцевину сетевых коммуникаций современного общества. Особенно заметно действие таких коммуникаций в политической сфере[252]. В силу высокой скорости обмена информацией влияние социальных сетей растет во многих странах, консолидируя в том числе протестные движения[253]. Последние становятся все более значительной составляющей политического пространства, «стягивая» социальные сети из виртуального пространства в пространство реальных общественных отношений. Что, в свою очередь, формирует гражданскую позицию новых приверженцев, ознакомленных через распространение информации, включая

[252] Максутов А. Г. Политическая коммуникация в контексте и перспективе сетевой теории. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Северо-Кавказская академия государственной службы. Ростов-на-Дону, 2009. 143 с.; Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2016. 322 с.; Манакина О. Е. Протестная культура и политический дискурс: опыт Франции // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 128-134.

[253] Колесников А. Три фронта «общества граждан: усиление конфликтности / Московский центр Карнеги. 27 февраля 2019. Научная статья. URL: https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453 (дата обращения 08.11.2021).

ее тиражирование с помощью «нейтральных» («политически неангажированных») медиа.

Так обстоит дело не только во Франции. Однако, если говорить о Европе, именно во Франции подобное тиражирование приобрело сегодня оттенок прямого политического действия. Нередко, минуя стадию «профессиональной» пропаганды, обсуждение новых книг и кинофильмов оказывает влияние на поведение граждан. Причем не через призывы, но именно через осознание своей гражданской позиции, как это было с протестами «желтых жилетов». Напомним: «желтые жилеты» – название спонтанного протестного движения, охватившего Францию с конца 2018 г. и консолидировавшего гражданский протест против политики президента Э. Макрона. Вначале участники движения выдвигали чисто экономические требования (включая установление лимита на налогообложение), однако затем перешли к требованиям социальным и политическим, – например таким, как **«фрекзит»**, то есть предполагаемый выход Франции из Евросоюза.

Тема категорического несогласия некоторой части граждан Франции с навязанными реверсами идеологии национальной идентичности, воспринятой в разрезе идей «общего европейского дома», в этих протестах стала одной из ключевых. Экономическая, политическая и социальная модель «новой Франции» подверглись здесь столь резкой критике, пожалуй, впервые с того времени, когда Франция стала одним из инициаторов создания ЕС. Ценности, объединявшие протестующих, таким образом можно интерпретировать в духе евроскептицизма как собственно «французские»: они выдвигаются французами, направлены в адрес французского правительства и призваны решить проблемы французов. Культурный фундамент этих призывов так же заметен, как и векторы его преломления в различных доменах культуры, от экономики до политики: французы хотят быть собой и хотят при этом жить достойно. Как известно, в январе 2020 правительство страны, отказавшись от увеличения пенсионного возраста,

фактически пошло навстречу протестующим. Тем самым евроскептицизм, воплотившийся в социальной активности «желтых жилетов» отодвинулся на второй план, по крайней мере, на время уступив вопросу об удовлетворении запросов граждан, касающихся внутренней политики.

Нельзя не заметить: связь евроскептицизма с деятельностью творческой интеллигенции, гражданского общества и политических институтов, опосредованная медиа, предстает с точки зрения теории культуры как особая форма политически заряженной коммуникации. Рассмотренная на примере Франции, эта тема позволяет проследить отдельные аспекты данного феномена с учетом того общественного резонанса, который сопровождает творчество Мишеля Уэльбека и выявляет коммуникативный потенциал концепта «европейский дом», одного из наиболее ярких проявлений «сцепки» двух противоположностей – культуры и политики.

При ближайшем рассмотрении, идея «общего европейского дома», акцентируя ценность единства, конституирует[254] направление дальнейшей трансформации культурного самосознания европейцев как *граждан ЕС*. С другой стороны, их «общим домом» объявляется глубоко негомогенная с точки зрения культуры территория, где историческая память *все еще не может* преодолеть значимые различия, но *уже должна* считать их вторичными и несущественными. Эта проблема как раз и нашла отражение в росте настроений евроскептицизма[255], явившегося следствием перекрестных процессов в сфере реальной экономики[256], политики, международных

[254] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. 323 с.; Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.

[255] Preda D., Pasquinucci D. The Road Europe Travelled Along: The Evolution of the EEC/EU Institutions and Policies. Bruxelles, Bern, Frankfurt am Main, New-York, Oxford, Wien: Peter Lang. 2010. 500 p.; Боровков И.И. [и др.]. Трансформация партийно-политического ландшафта в Европе в условиях нового миропорядка // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4 (55). С. 13-57. Доступ: https://riss.ru/journal/55/ (дата обращения 25.08.2020); Alesina A., Giavazzi F. The Future of Europe: Reform or Decline. Cambridge: The MIT Press, 2006. 186 p. P. 119-134.

[256] The Eurozone Crisis and the Future of Europe: The Political Economy of Further Integration and Governance / eds. Dăianu D., Basevi G., D'Adda C., Kumar R. Palgrave Macmilla, Basingstoke, 2014. 328 p.; Farkas B. Models of Capitalism in the European Union: Post-crisis Perspectives. Palgrave Macmillan, 2016. 541 p.

гуманитарных обменов[257] – и процессов общественного сознания, фиксирующих многочисленные противоречия «единой Европы» на уровне дискурсов медиа, науки и других сфер культуры. Под огонь критики евроскептиков попадает, если можно так выразиться, политическая онтология, декларирующая переход европейского сообщества к «третей трансформации» демократии по Роберту Далю[258], когда на место полисной демократии, а затем – демократических институтов национальных государств приходит стремление взять под контроль гражданского общества политические процессы в международном масштабе[259]. Но «контролируемая передача власти» как задача «третей трансформации», по мнению ряда исследователей, наталкивается в ЕС на реальный «дефицит демократии»[260], – растущий, в том числе, за счет неуклонного расширения полномочий евробюрократии. Отдельного внимания заслуживает и слабо разработанный вопрос о демаркации институтов гражданского общества, стремящегося к реализации «третей модели демократии», и других транснациональных политических акторов[261] (например, транснациональных корпораций, чьи интересы изначально не связаны с развитием территорий). Несмотря на то, что в настоящее время ТНК все чаще выделяют целевое финансирование, создавая целые отделы, чьей задачей является развитие территорий и укоренение корпораций в тех культурных ландшафтах, которые избраны ими для развития производства, наивно говорить о полном совпадении интересов жителей этих территорий и транснационального бизнеса.

---

[257] Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 94-111. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07

[258] Dahl R.A. 1989. Democracy and its critics. New Haven: Yale University Press. 397 p. P. 311-342.

[259] Gustavsson S., Karlsson C., Persson T. Examining the Illusion of Accountability / The Illusion of Accountability in the European Union / eds. Gustavsson S., Karlsson C., Persson T. London, New York: Routledge, 2009. 192 p. P. 3-10.

[260] Gustavsson S., Karlsson C., Persson T. Examining the Illusion of Accountability / The Illusion of Accountability in the European Union / eds. Gustavsson S., Karlsson C., Persson T. London, New York: Routledge, 2009. 192 p. P. 1; Бойцова О.Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепте политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 60-69.

[261] Kotzian P., Steffek J. Do Members Make a Difference? A study of Transnational Civil Society Organizations // European Political Science Review: EPSR. 2013. Vol. 5. No 1. P. 55-81. P. 55-81.

Все эти объективные показатели необходимо учитывать при исследовании социокультурного фундамента текущих кризисных трансформаций «европейского дома» как ***политической конструкции***, развернутой в том числе с применением стратегии концептуализации, - ведь «вариативность теоретической интерпретации также порождает аккумулирование смыслов, размывающее универсализм понятий»[262]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что исследовать «французский акцент» концептуализации самого ***понятия*** «maison (commune) européenne» в качестве политически заряженной коммуникативной теории и практики не представляется возможным, минуя обращение к анализу данного понятия в качестве **политической мифологии**, основанной на приоритете культурной общности народов Европы по отношению к национально-государственным формам их интеграции. В свою очередь, творчество М. Уэльбека может быть рассмотрено как **деконструкция** этой политической мифологии.

Итак, если обратиться к *идеологической составляющей* данного понятия, можно обнаружить: концептуализация понятия «европейский дом» в качестве «новой ценности новой Европы» демонстрирует постепенный отказ от метафоры «большой Европы» от Гибралтара до Урала в пользу трактовки «европейского дома» как Европейского союза. Как было установлено в первой главе, образ «дома», сложившийся в творчестве М. Уэльбека, выражает специфику переживания европейцами «новых ценностей» и идеологии «новой» (общеевропейской) идентичности, демонстрируя вместе с тем ограниченность любых попыток сведения культуры к политике. Тем не менее, выявленная связь жанровой специфики романов М. Уэльбека с приемами современной имагологии, утверждающей исключительно важное значение литературных образов в создании *образа страны* как элемента политического сознания, позволяет установить факт непосредственного влияния культурных символов на процесс формирования

[262] Бойцова О.Ю. «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 1. С. 55-62. С. 56.

гражданских инициатив. Таким образом, сквозь призму деконструкции образа «дома», предпринятой М. Уэльбеком, отчетливо прослеживается **трансгрессия политического мифа о «европейском доме»**. Анализ этой трансгрессии позволяет по-новому взглянуть на дискуссии, которые ведутся во Франции в связи с «политическим измерением» творчества М. Уэльбека, а также уточнить значение культуры (и в частности, литературы) в качестве эмпирического и теоретического источника политической теории.

Для начала обратимся к обсуждению того, что представляет собой процесс концептуализации понятия «европейский дом» сквозь призму истории его становления во французской политической мысли не только в качестве ***гражданских инициатив*** и ***художественных образов***, созданных французской литературой, но именно в качестве ***политической мифологии***, связанной с многоуровневой деятельностью медиа. «В обращение» такой мифологии входят попытки журналистов, публицистов, ученых, работающих в домене популяризации, и т.д. науки зафиксировать и/или интерпретировать реальные общественные процессы. Сюда же относятся заявления политиков, выступления публичных персонажей, резонансные художественные акции и т.д.

Творчество М. Уэльбека представляет собой оригинальный сплав и вместе с тем переосмысление большинства названных «питательных сред» политической мифологии, объединенных в его сочинениях общей художественной и исследовательской задачей. Образ «дома», созданный писателем, позволяет проследить трансгрессию политического мифа и ослабление идеологии «единой Европы» на уровне онтологической основы гражданского общества – политического сознания свободного индивидуума. Диагностика противоречий «единой Европы», таким образом, приобретает в его творчестве не только умозрительную, но и практическую направленность. Относящуюся, правда, не к политическому акционизму, а к сознательно ***вне***политической культуротворческой деятельности, имеющей тем не менее политические следствия. Парадоксальность данного

утверждения не должна смущать: между политическим акционизмом и осмыслением своей гражданской позиции в авторском художественном произведении такая же разница, как между причиной и поводом. Акционизм стремится к целенаправленному изменению политической реальности за счет политически значимого художественного действия. Позиция М. Уэльбека, напротив, состоит в сознательном дистанцировании от подобной установка, недаром в одном из своих стихотворных произведений он заявляет: «И вдруг я понял, что не могу, – и, кажется, никогда не смогу никогда – заинтересоваться хоть какой-нибудь политической проблемой»[263]. И продолжает: «Все, что не связано с чувствами, потеряло смысл. Прощай, рассудок. Головы больше нет. Только сердце»[264].

И в самом деле, тот факт, что и политический акционизм, и художественная аналитика могут выступить пусковым механизмом тех или иных политических выступлений (включая протестные), однозначно подтверждает лишь одно: в обществе назрели реальные противоречия. Диагностика противоречий «единой Европы» в творчестве М. Уэльбека, таким образом, «пересекает» политику и культуру «лишь» в коммуникативной проекции. Поэтому «посредническая деятельность» медиа в отношении его творчества (как и в отношении самой фигуры писателя) не может быть адекватно интерпретирована без понимания основной коммуникативной направленности созданных писателем образов. А это – не политические выступления, а ум и сердце читателя, которому адресованы художественные произведения, подписанные «Мишель Уэльбек».

Стоит, однако, подчеркнуть: политическая мифология «общего европейского дома», разложение которой демонстрирует евроскептицизм и фиксирует писательская призма М. Уэльбека, в отличие от проектов «большой Европы» и даже более узкого понимания Европы как Евросоюза, – явление сравнительно молодое. Так, трудно согласиться с теми аналитиками,

---

[263] Уэльбек М. Очертания последнего берега: стихи : перевод с французского / Мишель Уэльбек. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. 464 с. С. 369.
[264] Там же. С. 369.

которые возводят «идею Европы» к Древней Греции и Риму[265] и, исходя из тезиса «вначале было Слово», рассматривают все более-менее заметные исторические формы объединительных процессов на континенте (начиная с европейского средневековья[266] или Возрождения[267]) как постепенное укрепление этой «поначалу утопической» идеи. Между тем, до создания Евросоюза Европа, строго говоря, никогда не была единой в полном смысле этого слова. Что, разумеется, не отменяет постоянное столкновение центростремительных и центробежных тенденций в практике взаимодействия политических субъектов, сменявших друг друга на ее территории.

Возможно, солидарность с мыслью о «древности идеи» единой Европы – следствие того, что транслирующие этот подход авторы сами оказались в плену современного мифа о «единой Европе», суть которого как раз и состоит в придании идее европейского единства вневременного примордиального статуса: единство Европы с этой точки зрения такая же неизбежность, определяемая историческими закономерностями, как победа коммунизма для последователей коммунистической идеологии. «Утопия» в обоих приведенных контекстах близка современному пониманию «политической мифологии» как комплексного многоуровневого феномена социкультурной действительности[268].

Необходимо также отметить, что концепт «дом» в силу своего антропологического значения как нельзя лучше подходит на роль фиксатора идеи европейского единства в «общечеловеческом» и даже «пост-историческом» смыслах. Единство в этих смыслах нередко интерпретируется как зародыш нового общественного состояния, соответствующего новой

---

[265] Ковлер В.И. Европейская интеграция: федералистский проект. С. 12-13.
[266] Там же. С. 11, 24, 176-189.
[267] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. 509 с. С.171.
[268] Веретевская А. В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 52–64 DOI: 10.7868/S0042874418050035; Кроливецкая И. Е. Политическая мифология в современном обществе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 40. С. 19–23. URL: http://e-koncept.ru/2016/56892.htm (дата обращения 11.12.2020).

«пост-государственной» (в смысле национального государства[269]) фазе экономического и политического развития. Эта фаза связана с преодолением сложившихся форм общественных отношений в разных сферах культуры; по отношению к предыдущим формам она выступает как «пост-история»[270]. Введенная в обращение Г.В.Ф. Гегелем[271] и развитая К. Марксом еще в XIX в., концепция нового пост-государственного состояния «пост-истории» прошла в XX в. значительную трансформацию. Причем не только в первой половине столетия, когда в сочинениях русских анархистов и сторонников теории общинности начали складываться проекты радикального переустройства отношений власти в социуме на основе идеи о новом человеке, способном преодолеть государственность как наследие прошлого. Во второй половине столетия тема «третьей волны» постиндустриализации и новых социальных возможностей «постчеловека», определяющих новое «политическое лицо» глобального человечества была развита такими известнейшими авторами, как Э. Тоффлер[272] и Ф. Фукуяма[273].

Одним из ключевых тезисов теории и практики политического развития в XX в., отражающим взгляд на линейное развитие человечества как социально-экономический прогресс, долгое время оставался тезис о всеобщем характере демократии, толкуемой в качестве «лучшей» формы государственного устройства. Поскольку во главу угла при этом ставилась экономика, государственное устройство понималось прежде всего как «хозяйствование» (напомним: само слово «экономика» произведено от древнегреческого слова οἶκος, означающего «дом, хозяйство», «хозяйствование»; а также слова νόμος – «ном, территория управления

---

[269] Бауман З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / Пер. с англ. Григория Дашевского под редакцией Светланы Баньковской // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_42.html (дата обращения 27.05.2020).

[270] Дёмин И. В. Принцип историзма в контексте классической философии истории // Философская мысль. 2017. № 4. С. 84-98. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.4.19023. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19023 (дата обращения 11.12.2020).

[271] Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. А. М. Водена. – СПб.: Наука, 2000. 480 с.

[272] Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. 784 с.

[273] Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, Люкс, 2004. 352 с.

хозяйствованием»). Повышение уровня жизни и отсутствие войн, обеспеченное действием справедливого и надежного механизма «обратной связи», характерного для демократической системы, может (и должно) по мысли адептов этого подхода обеспечить «добровольное принятие» данной формы политического взаимодействия как единственно приемлемой, способной в перспективе оптимизировать способ решения всех возможных проблем, равно как и способ и разрешения всех потенциального возможных конфликтов.

Можно согласиться: идея всеобщего характера демократии на определенном этапе развития демократических институтов и стратегий управления соответствовала объективным тенденциям глобализации. Однако социологические исследования последних лет показывают кризис идеи демократии[274] или по крайней мере существенные трансформации этой идеи. Так, медиатизация политики[275] и сетевое распространение политических мифов чреваты ростом радикализма, а также физического увеличения числа последователей несистемных партий популистского толка, ставших серьезной угрозой той самой демократической системе, которая их породила. А социальные сети, тиражирующие призыв отдельных политиков к прямому действию, могут создавать угрозу общественному порядку, как это произошло в США 6 января 2021 при штурме Капитолия[276]. Аналитические статьи, посвященные данной проблематике, в настоящее время публикуются многими научными изданиями и сетевыми платформами.

---

[274] Claassen C. In the Mood for Democracy? Democratic Support as Thermostatic Opinion // American Political Science Review. 2020. Vol. 114. Issue 1. P. 36-53. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/in-the-mood-for-democracy-democratic-support-as-thermostatic-opinion/D92BFDDD1565D610C38A0AA88DDBA102/share/2ab1596479e5f18cfa71b5d5a925a2ef19e5cb7a (accessed 20.12.2020).

[275] Грибовод Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2017. 153 с.

[276] Kleinfeld R. Profound Rebuilding Needed to Shore Up U.S. Democracy / Carnegie Washington. January 07, 2021. Commentary. URL: https://carnegieendowment.org/2021/01/07/profound-rebuilding-needed-to-shore-up-u.s.-democracy-pub-83575?utm_source=ctw&utm_medium=email&utm_campaign=buttonlink&mkt_tok=eyJpIjoiTm1Ka016bGhOR1F3TkdJNSIsInQiOiJyQnhUNHY0Y3dDTklPS0tlNHNOT1hZQWJNWjZkSzhmamdVUkExbTdGdm4xSU5ENlVoWUEydTB3K0d0UUNRU0plTzBYUUpUKzhhc1p0eEd6bzBZOUhobXZMb0hJaHMwUWVXbVViZTBUYkFhczJRV1FUN08wc09cLytBNGFQZVpobGwifQ%3D%3D (accessed 08.01.2021).

Однако в теории культуры критика политического мифа о перспективах «пост-исторического» состояния набирает силу еще раньше, в 1990-гг. В данной связи имеет смысл остановиться на цивилизационном подходе, представленном сочинением американского философа и социолога Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Обоснованная им модель политического мироустройства категорически отказывает миру в возможностях политической, социальной и экономической гомогенизации. Тожественность действия демократических механизмов вне зависимости от культурной принадлежности – такой же миф, как миф о «мировом гражданстве», якобы позволяющем нивелировать политические разногласия. Последнее невозможно в силу принципиальных различий ценностных фундаментов культур. Цивилизационный подход, как известно, – альтернатива линейным теориям общественного развития. Он впитывает в себя исследования, показывающие роль культурного разнообразия в характере функционирования реальных институтов и ставит под научно обоснованное сомнение интерпретации «человеческого» как «общечеловеческого».

По С. Хантингтону, ценностные различия находят свое выражение прежде всего в религиозных идеологиях и прямо проецируется на политические разногласия различных – если не государств, то, по крайней мере, цивилизаций[277]. Можно уверенно сказать, что цивилизационный подход, развиваемый в сочинениях С. Хантингтона, близок теории культурного разнообразия и нерадикальным формам современного компаративизма. Заметим: утверждая несоизмеримость культур, такой подход не настаивает на невозможности их взаимного влияния и не закрывает возможность взаимодействия разных культур по тем или иным конкретным вопросам. Современный цивилизационный подход «лишь» настаивает на необходимости отказаться в процессе теоретического описания процессов межкультурного взаимодействия от жестких терминов, например

[277] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2006. 660 с. С. 58.

таких, как «понимание», и перейти к более релевантному термину «интерпретация»[278].

Из сказанного становится ясно: исторически критика глобалистских моделей «выравнивания» политического пространства (за счет создания гомогенной социальной модели «всеобщей демократии»[279] или «демократии постиндустриализма»[280]) велась практически параллельно с противоположной тенденцией – становлением идеологии, политизировавшей понятие «единый европейский дом». Идеологии, которая с определенной точки зрения может быть рассмотрена в качестве частного случая (или, возможно, первого шага) реализации политических форм глобализма. В свою очередь, поиски теоретического обоснования этой идеологии происходили параллельно с формированием политически заряженного мифа о древности «идеи Европы» как «общего дома» разных народов, живущих на ее территории. Именно таким образом понятие «общего европейского дома» утвердилось в медийном, а затем и научном дискурсе. Произошло это лишь к концу XX века.

Широкое распространение в общественном сознании (и медийном дискурсе) мифа о «единой Европе» как «общем доме» многие аналитики, журналисты и ученые, связывают с падением Берлинской стены. Последнее, как известно, произошло в ноябре 1989 г., – в период, когда осознание европейцами своего культурного единства приобрело не просто выраженные политические формы[281], но получило официально признанный принципиально новый – не-имперский и «не-поглотительный» – статус.

---

[278] Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с. С. 416-417.

[279] Селезнев П. С., Соловьев П. В. К вопросу о видах демократии // Власть. 2018. № 8. С. 183-190.

[280] Исаев Б. А. Условия и факторы, периоды и циклы развития демократии / Политическая экспертиза: Политэкс. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. Ч. 1. Т. 8. № 3. С. 273-291.

[281] Kühnhardt L. The Fall of the Berlin Wall and European Integration. European Union / The Second Founding: The Changing Rationale of European Integration. 2008. P. 47-60. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=c5a8d200-db92-7a59-ba57-580ba995a95a&groupId=252038 (accessed 20.08.2020).

Традициям французского политического дискурса в этом контексте свойственно обращаться к имени Михаила Горбачева[282] – именно он в беседе с французскими тележурналистами сравнил Европу с домом, жильцы которого нуждаются в «налаживании коммуникаций», хотя и «живут в разных подъездах»[283]. Правда, бывший генсек ЦК КПСС высказал эту идею в октябре 1985 года, то есть за четыре года до ноября 1989 г., однако это не помешало авторам вполне солидных изданий воспроизводить историю о Горбачеве как *авторе идеи* «европейского дома». Этому новому мифу, представляющему собой производную от мифа о древности «единой Европы», можно найти простое объяснение: Берлинская стена, как и горбачевская перестройка, – символы рождения новых гражданских инициатив, запустивших процесс масштабных политических и культурных трансформаций. Появление обоих мифов – свидетельство общественного интереса к уникальному периоду «прямого политического действия» граждан[284]; а их дальнейшее закрепление в политическом дискурсе отчетливо проявляет запрос определенной части общества на «скрещивание» политики и культуры (примером могут служить политические манифесты деятелей культуры и искусства, – такие, как «Европейский дом в огне»[285] и др.). При этом горбачевская мифологема «общего европейского дома» используется как синоним «большой Европы» от Гибралтара до Урала, то есть восходит к

---

[282] См.: Rey M.-P. Gorbatchev et la "Maison Commune Européenne". Une opportunité manquée ? / Institut François Mitterrand. le 12 mars 2007. URL: http://www.mitterrand.org/Gorbatchev-et-la-Maison-Commune.html (accessed 27.05.2020); Rey M.-P. Gorbatchev et "la maison commune européenne", une révolution mentale et politique? // La Revue russe. 2012. No 38. P. 101-110. URL:https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2012_num_38_1_2490 (accessed 27.05.2020). В прессе данная тема освещается в контексте сожаления об утраченном проекте «большой Европы», видевшей общность судьбы с Россией. См.: Hubert-Rodier J. Europe-Russie: l'impossible maison commune / Les Echos. Publié le 26 mai 2016. URL: https://www.lesechos.fr/2016/05/europe-russie-limpossible-maison-commune-1111332 (accessed 27.05.2020).

[283] Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию. 2 - 5 октября 1985 года. Документы и материалы. – М: издательство политической литературы, 1985. 96 с. С. 14; Европейский блокнот. URL: https://olga-euro.livejournal.com/25689.html (дата обращения 27.10.2020).

[284] Biryukov N., Sergeyev V. Russian politics in transition: institutional conflict in a nascent democracy / Russian Politics in Transition: Institutional Conflict in a Nascent Democracy. Biryukov N.I., Sergeyev V.M. – Abingdon, Oxfordshire; New York, 2018. C. 1-329; Foglesong D. S. How to End a Cold War // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2020. Vol. 4. No 1(13). P. 49–59. https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-49-59.

[285] «Il y a le feu à la Maison Europe», le manifeste des patriotes européens. Par Un collectif d'écrivains internationaux – 25 janvier 2019 / Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/01/25/il-y-a-le-feu-a-la-maison-europe-le-manifeste-des-patriotes-europeens_1705305 (27.05.2020).

голлистской (а точнее, наполеоновской) интерпретации культурного ландшафта континента; мифологема о «древности идеи», напротив, отвечает за легитимацию в общественном сознании европейцев и их контрагентов на мировой арене феномена Евросоюза.

Как было показано в первой главе диссертации, развитие идеи «европейского дома» в рамках гражданских (а не политических) инициатив началось во Франции в 1960-е гг. (проект «Maisons de l'Europe»[286] и Французская федерация Maisons de l'Europe (FFME)[287]). Этот проект, связанный с «продвижением в общественное мнение» ценностей «единой Европы», успешно вписан в систему национальных интересов Франции. Так, размещение сведений о FFME на сайте Торгово-промышленной палаты Франции[288] можно интерпретировать в том числе как свидетельство востребованности потенциала сближения гражданских и бизнес-инициатив в неполитическом контексте (имеющем, тем не менее, значительный политический вес). Анализируя особенности формирования FFME, французский политолог Жюльен Вейсбейн подчеркивает наличие у ассоциации перспективных коммуникативный задач: проект «европейских домов» интегрирует европейцев «под микроскопом локального», стремясь связать ЕС с местными сообществами[289]. Анализ контекста показывает: под «общим европейским домом» Ж. Вейсбейн понимает Европейский союз, а не

[286] Weisbein J. La Fédération française des maisons de l'Europe (1960-2000). La trajectoire d'un militantisme européen de terrain // Politique européenne. 2011. No 2 (34). P. 37-62. URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2011-2-page-37.htm# (accessed 27.05.2020). P. 37.

[287] Французская федерация Maisons de l'Europe (FFME) существует по сей день, позиционируя себя в качестве «независимой» от политического контекста, что позволяет причислить эту организацию к институтам гражданского общества. См.: Weisbein J. La Fédération française des maisons de l'Europe (1960-2000). La trajectoire d'un militantisme européen de terrain // Politique européenne. 2011. No 2 (34). P. 37-62. URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2011-2-page-37.htm# (accessed 27.05.2020). P. 43; Qui sommes-nous? / Bienvenue sur le site de la Fédération Française des Maisons de l'Europe. URL: https://www.maisons-europe.eu (accessed 27.05.2020).

[288] L'europe: une maison commune à consolider. Publié le 29/03/2017 / Les CCI (Les chambres de commerce et d'industrie). URL: https://www.cci.fr/web/presse/actualite-fiche/-/asset_publisher/9FDf/content/actu-l%E2%80%99europe-:-une-maison-commune-a-consolider (accessed 27.05.2020).

[289] Weisbein J. La Fédération française des maisons de l'Europe (1960-2000). La trajectoire d'un militantisme européen de terrain // Politique européenne. 2011. No 2 (34). P. 37-62. URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2011-2-page-37.htm# (accessed 27.05.2020). P. 37.

абстрактную «большую Европу»; институты и конкретные механизмы их деятельности, а не некое аморфное культурное единство.

Коммуникативные задачи, близкие по духу деятельности FFME выполняет также французская ассоциация Mouvement Européen France[290]. На сайте этой ассоциации, наряду с актуальными вопросами культуры, активно обсуждаются практические и теоретические вопросы развития новых технологий, а также болевые точки европейского сотрудничества[291]. Последнее подтверждает не только наличие «коммуникативных настроек» деятельности ассоциации, но и косвенную направленность этой деятельности на решение политически значимых задач.

Обращает на себя внимание и тот факт, что во всех приведенных случаях «европейский дом» воспринимается прежде всего как *проект*, имеющий ярко выраженную *аксиологическую* составляющую. Деятельность упомянутых выше неправительственных организаций призвана помочь утвердиться *новым* культурным реалиям, конгруэнтным этому проекту, с помощью коммуникативных стратегий. При этом собственно политические интерпретации концепта «европейский дом» отходят на второй план, хотя и не исчезают полностью. «Гражданское общество» тем самым оказывается неким «третьим», не совпадающим с конкретной гражданской принадлежностью и вместе с тем реализуемым с помощью такой принадлежностью. «Гражданин» в таких контекстах с легкостью интерпретируется как «гражданин Евросоюза». Что с легкостью проецируется на понятие «гражданин вообще» и даже «гражданин мира» – ведь мир, открытый гражданину ЕС, в буквальном смысле много шире территории единой Европы. Соответственно, в логике рассуждений о «единой Европе» прослеживается путь, по которому *идея* культуры, исходно описывающая неповторимое своеобразие того или иного социума, трансформируется из мифологии в ***новую идеологию*** обеспечения

[290] Mouvement Européen France. URL: https://mouvement-europeen.eu/ (accessed 27.05.2020).
[291] À LA UNE - Une Union plus forte et solidaire sortira l'Europe de la crise / Mouvement Européen France. URL: https://mouvement-europeen.eu/ (accessed 27.05.2020).

государственного политического суверенитета и, в качестве «бонуса», «над»государственного политического единства «граждан союза» за счет ценностей более глубоких, нежели сугубо политические[292]. Эти ценности, однако, не совпадают с религиозной идеологией по схеме С. Хантингтона; в том числе, не совпадают с ее «остаточным» культурным влиянием. Для современного европейца на первый план выходит ***светское*** прочтение ценностного фундамента культуры, и Франция здесь – не исключение. В этом смысле политическая ценность идеологии «европейского дома» может быть сведена к провозглашенной Горбачевым ценности *общего* проживания *правильных* «соседей», что требует установления общего порядка их «подселения» и регламентации поведения. И хотя голлистская модель «большой Европы» стала основной в процессе преобразований в политике и культуре, обеспечивших активное участие Франции в создании Европейского союза[293], реальное политическое значение этой модели в настоящее время не стоит преувеличивать. Хотя бы потому, что необходимость оценки реального положения дел требует учета не только современного триумфа идео-(мифо)логемы «единой Европы» и связанных с ней институциональных побед, но и – не в меньшей степени – связанных с ней социальных противоречий и катаклизмов. Эти противоречия, в свою очередь, обнажают ряд острых проблем, стоящих перед жильцами «европейского дома» в наши дни. Кратко перечислим общеизвестные факты. Решенная на практике проблема мобильности (и прежде всего, перетекания трудовых ресурсов как в пределах ЕС, так и из-за рубежа), наряду со стандартизацией образа жизни «среднего европейца», составлявшего б***о***льшую часть населения «европейского дома», привели к интенсификации культурного метиссажа. «Средний европеец» – это «новый европеец». За этим определением стоит

[292] Шестопал Е. Б. Заметки политического психолога на полях книги «Идентичность: личность, общество, политика» // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 168-176. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.13. С. 174.

[293] Palayret J.-M. Le Mouvement européen 1954-1969. Histoire d'un Groupe de Pression / R. Girault et G. Bossuat G. (dir.), Europe Brisée, Europe Retrouvée. Nouvelles Réflexions sur L'unité Européenne au XX e siècle. 1994. – Paris: Publications de la Sorbonne. P. 365-383.

набор конкретных стандартов и регламентов – социальных, экономических и политических, вписанных в идеолого-политическую рамку «общеевропейских ценностей». Ценность культурного единства по ключевым вопросам в этих условиях обосновывает рамки иммиграционной политики ЕС; ею же маркируется возможность (и, в определенных случаях, необходимость) присоединения к ЕС новых членов. При этом реальной притягательностью для перетекания капиталов и людских ресурсов обладают прежде всего социально-экономические условия жизни в странах ЕС. Допустимое разнообразие обычаев и традиций (именно так обычно понимается культура, когда говорят о культурном разнообразии) граждан ЕС остается в пределах допустимой приватности – так же, как и культура тех национально-культурных, религиозных и т.п. групп, которые вливаются в потоки трудовой миграции, въезжают в Европу в качестве беженцев[294] и т.д.

Вялый характер политики еврорасширения, как и проблемы аккомодации иммигрантов, рельефно обозначают парадоксы политики объединения, проецирующие на общество разногласия значительно более глубокие, чем сама по себе иммиграция или прием в Евросоюз новых членов или выход из сообщества. Отдельную группу проблем составляют радикальные настроения, реализовавшиеся в центробежных тенденциях, усилившихся в ЕС за последние годы. Brexit и связанные с ним метаморфозы наглядно продемонстрировали хрупкость объединения Европы. Параллельно возрос общественный интерес к проблемам «идентичностей, ценностей, верований, картин мира»[295]. Исследователи отмечают: интенсификация *меж*культурной коммуникации за счет создания принципиально «новых социальных полей» путем взаимодействий «поверх» национальных и политических границ (например, в профессиональной деятельности),

[294] Малахов В. С., Касцян К. А. Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 139-151. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10; Dianina S.Yu., Khalil M.A.M., Glagolev V.S. Cultural Islam In Northern Europe // Baltic Region. 2019. Vol. 11. No 3. P. 142-160. DOI: 10.5922/20798555201937

[295] Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 56-70. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05 С. 56, 58.

парадоксальным образом влечет усиление групповой солидарности в рамках национальных идентичностей; при этом ЕС, вопреки официальным декларациям, приобретает все больше черт прото-государственного образования, что само по себе препятствует еврорасширению[296].

Итак, даже самый общий анализ ценностного наполнения понятия «европейский дом» позволяет предположить: с одной стороны, это – мифология культурного единства, как и всякая мифология объединяющая желаемое и действительное, рациональное и иррациональное; а с другой – масштабный и действенный идеологический проект *преобразования самосознания* европейцев, не только в очередной раз напоминающий о политической составляющей[297] кантовской «регулятивной утопии» вечного мира или бисмарковской версии «Соединенных Штатов Европы», но и на практике реализующий их, возможно, наименее травматичный для европейских суверенитетов вариант.

Правда, говоря о «кризисе» следует уточнить – речь идет не о «гибели богов», а об очередной социокультурной трансформации. По словам академика РАН В.Г. Барановского, о кризисе в Европейском союзе говорится давно, только этот кризис «развивается уже более полувека». И хотя в развитии европейской интеграции «конечно, есть серьезные проблемы... Но общий тренд, безусловно, сохраняется: ЕС продолжает быть наиболее успешным проектом, который унаследован от XX века, несмотря на все проблемы и сложности, о которых можно специально и особо говорить. Так что если говорить о кризисе, то только имея в виду, что он вовсе не означает прекращения европейской интеграции или возникновения ситуации, которая полностью этот проект перечеркивает[298].

---

[296] Fligstein N. Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe. – New York: Oxford University Press, 2008. 279 p. P. 123-126.

[297] The Future of Europe: Integration and Enlargement / ed. Cameron F. 2004. – London, New York: Routledge, 170 p.

[298] Барановский В. Г. О кризисе Евросоюза и подготовке международников в МГИМО / РСМД. 17.12.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-krizise-evrosoyuza-i-podgotovke-mezhdunarodnikov-v-mgimo/ (дата обращения 10.01.2021).

Этот сбалансированный подход к евроинтеграции необходимо иметь в виду, особенно когда идет речь о «кризисах» с негативным оценочным оттенком. Дело, однако, заключается в том, что «переходность» культуры (а «кризис» в буквальном смысле и означает – «переход») – ее специфическая черта. Как и противоречивость происходящих с ней трансформаций. В частности, явно преждевременно говорить о реальном укоренении в сознании европейцев *идеи* европейского объединения и «общего европейского дома» *в качестве безальтернативной* (а тем более, об окончательном торжестве этой идеи в реальной политике)[299]. Как минимум потому, что рост и укрепление позиций крайних националистических движений и партий исследователи фиксируют уже достаточно давно, и вряд ли целесообразно недооценивать их сепаратистские устремления.

Это выглядит тем более парадоксально, что стремление к практическому воплощению «единой Европы» действительно прослеживается как минимум со времен Священной Римской империи. Утопии и реальные проекты питали общие ценности и цели, ставшие предметом глубокого теоретического анализа европейской философии как минимум со времен позднего средневековья/раннего Возрождения. **Одна** из таких **целей** – *недопущение войн*. **Другая**, не менее важная (хотя и более поздняя), – *поиск культурного единства*. Первая имеет яркие политические проекции; вторая принадлежит исключительно сфере действия гражданского общества, сегодня все чаще выступающего в качестве активного участника и «регулятора» политических процессов.

Теоретический фундамент концептуализации «единого европейского дома» изначально содержал в себе (и по сей день содержат) латентное противопоставление войны и культуры. На фоне гигантских объемов

[299] Прямое подтверждение тому – «коронакризис», создавший множество препятствий для движения «товаров и людей» в едином европейском пространстве (См.: Coronacrisis: actions for the public sector. 28 May 2020 // Accountancy Europe. URL: https://www.accountancyeurope.eu/publications/coronavirus-impact-on-the-public-sector/ (accessed 12.08.2020); Europe's economic recovery from COVID 19. 30 June 2020, Brussels // Accountancy Europe. URL: https://www.accountancyeurope.eu/events/europes-economic-situation-under-covid-19/ (accessed 12.08.2020)).

накопленных знаний по «истории европейских идей» (именно так российский историк В.И. Ковлер обозначил феномен глубочайшего интереса современной европейской науки к объединительным тенденциям на европейском континенте[300]) изучение процесса концептуализации «единого европейского дома» сквозь призму противопоставления *войны*[301] и *культуры* привлекает внимание в связи с практическим значением этих теорий, реализующих стремление избежать кровавых военных конфликтов.

Единство в ***негативном смысле***, как противоядие войне, подвергалось анализу в трудах многих мыслителей. О способах предотвращения войн размышляли папский легат Пьер Дюбуа, предложивший в начале XIV в. проект создания «христианской республики» под патронажем Ватикана[302]. Именно в качестве *безальтернативного*[303] пути преодоления войн обосновывает политическое единство европейских держав трактат И. Канта «К вечному миру» (1795).

Параллельно европейское политическое единство приобретает вес в глазах теоретиков культуры, ищущих ***позитивные ценности***. Так, мысль о возможности конструктивного политического «объединения народа» на основе национального единства как единства языка и культуры обоснована еще в XVIII в. в работах И.Г. Гердера, И.Г. Гумбольдта, И.Г. Фихте и др. Достижения и провалы этих концепций сегодня слишком хорошо известны. При этом нельзя не согласиться: успех проекта политического объединения Европы XX в. определился в первую очередь не позитивными

---

[300] Ковлер В. И. Европейская интеграция: федералистский проект. С. 24-25.

[301] Ideas of Europe since 1914: The Legacy of the First World War / eds. Spiering M., Wintle M. – London: Palgrave Macmillan, 2002. 224 p.; European Identity and the Second World War / eds. Spiering M., Wintle M. – London: Palgrave Macmillan, 2011. 273 p.

[302] Dubois P. The Recovery of the Holy Land [De recuperatione Terrae Sanctae], trans. with intro. by Walther I. Brandt. – New York: Columbia U.P., 1956. 251 p.; Satora M. Obraz chrześcijańskiego świata w traktacie De recuperatione Terrae Sanctae Pierre'a Dubois // Textus et Studia. 2015. No 1(1). S. 109–130. DOI:10.19265/TES.2015.011109.

[303] Кант И. К вечному миру. Философский проект / Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 5-6). Отметим: Кант ведет речь в первую очередь об *установке*, а не о ее буквальном воплощении (Там же). Сформулированная как проект международного договора, эта установка не остановила, как известно, наступление Наполеона, но в качестве рамочного рецепта оказалась со временем очень востребованной.

(«культурными») ценностями, но ценностями негативными[304], то есть прежде всего стремлением создать непререкаемые условия для предотвращения войн, а также необходимость противостояния новым мировым «центрам силы» – таким, как США, Китай, страны Латинской Америки и даже Россия[305].

Тем не менее, анализ современной философской и политической мысли в контексте процессов, происходящих в современной Европе[306] на фоне концептуализации понятия «европейский дом», показывает ренессанс интереса к теме ***культуры в качестве организующего принципа***. Упомянутые исследования проблемы подвижности рамок культурной идентичности[307] и дискуссию об *общих* европейский ценностях[308] показывают: тема культуры (несводимая, разумеется, к проекту национального государства) непосредственно затрагивает влияние на политические процессы устойчивых социально-экономических трендов – таких, как социальные последствия экологических проблем, развития энергетики, изменения климата, миграционного давления, демографии и т.д.[309] Параллельно современный взгляд на политическое процессы сквозь призму культуры и сегодня предполагает прежде всего пристальное внимание к человеку как самостоятельной единице, имеющей значимые (для *других* и общества в целом) чувства и субъективные цели. Именно поэтому «культурная призма» годится и для исследования мозаичного политического субъекта, интегрирующего в духе неомарксизма потенциально свободные

---

[304] The idea of a United Europe: political, economic and cultural integration since the fall of the Berlin wall. / eds. Shahin J., Wintle M. 2000. – London; New York: Macmillan. 172 p. P.12.

[305] Арбатова Н. К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36-52. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04 . С. 38.

[306] Pasquier R., Weisbein J. L'europe au microscope du local. Manifeste pour une sociologie politique de l'intégration Communautaire // Politique européenne. 2004. No. 12. P. 5-21.

[307] Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Чугров С. В. Культура, институты, политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 143-156. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10. С. 149.

[308] Mischi J., Weisbein J. L'europe comme cause politique proche. Contestation et promotion de l'intégration communautaire dans l'espace local // Politique européenne. 2004. No 12. P. 84-104; Иванов И. Д. 2012. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. № 2 (50). С. 13-23.

[309] Farkas B. Models of Capitalism in the European Union: Post-crisis Perspectives. Palgrave Macmillan, 2016. 541 p. P. 495-508.

персоналии[310]: обращение к теории культуры позволяет выделить акценты, в конструктивистском ключе влияющие на политическую реальность. Один из таких акцентов связан, на наш взгляд, с концептуализацией понятия «европейский дом».

Представляется особенно важным и тот факт, что новый взгляд на многоуровневые проблемы, кристаллизовавшиеся в этой образно-теоретической модели, был предложен не учеными-теоретиками, а представителями творческой интеллигенции. Особую роль здесь играет французская литература, исторически тесно переплетенная с традицией философствования. В центре ее внимания оказываются не социальные или политические проблемы сами по себе, а связанные с ними *антропологические процессы*. Общим местом современных дискуссий на эту тему является утверждение, согласно которому интерес к человеку и реактивация идей антропологии определили «методологический шторм» cultural turn в гуманитарных исследованиях конца XX – начала XXI вв., сменив вектор научных поисков с нерефлективного сциентизма на ценностно-ориентированный подход. Который, в свою очередь, сам является дискуссионным[311].

Творчество Мишеля Уэльбека представляет собой конкретный пример того, как интерес к человеку, модулируемый европейской (и в частности, французской) литературой XX в., пересекается с новейшими подходами антропологии и теории культуры, имеющими прямые политические проекции. Особенно важна связь политики, литературы, журналистики и философии в традициях французской культуры и политической мысли, где внимание к философским основаниям политических процессов всегда было выражено предельно отчетливо и подвергалось системной рефлексии. В определенном смысле можно утверждать, что современная философски

[310] Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. – New York: Oxford University Press, 1982. 128 p.
[311] Силантьева М. В., Глаголев В. С., Тарасов Б. Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 64-76. https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.4. С. 65.

заостренная литература оказывается тем методологическим «ключом», который позволяет реализовать задачу доступа к «сердцевине человеческого»; открывает дополнительные возможности исследования *антропологического измерения* происходящих социокультурных изменений. Еще раз подчеркнем: вопрос о характере новой методологии, релевантной «сложному» и «хаотичному» миру[312] сегодня остается остро дискуссионным. Свой эвристический потенциал раскрывают и методы неклассической науки; однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживают методы художественного анализа. То самое образно-художественное «литературоцентричное» мышление, о котором ведет спор современная теория культуры, открывает новые возможности изучения не только ценностей, но и политического сознания на уровне глубоко «интимных» духовных процессов, участвующих в трансформации политического субъекта[313].

Мишель Уэльбек, одним из первых заговоривший о «европейском доме» в эмоционально заостренной художественно-образной форме, известен не только скандальными откровениями, пропитывающими его сочинения и шокирующими даже достаточно искушенную европейскую публику. Медиа Франции не первый год интерпретируют высказывания М. Уэльбека как форму политического прогнозирования, называя писателя пророком конца культуры и конца Европы. Лауреат Гонкуровской премии, полученной в 2010 г. за роман «Карта и территория», М. Уэльбек – писатель, чье слово отзывается и в жарких телевизионных дискуссиях, и в протестных движениях (примером могут служить как раз «желтые жилеты»). В последнем случае речь идет об оценке французских журналистов[314],

---

[312] Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24-35. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03. С. 24-25.

[313] Философия культуры в системе изучения международных отношений. Книга 1. Парадоксы исследовательской призмы. – М.: МГИМО, 2020. 544 с. С. 331, 322, 368.

[314] Le Clash Culture: dans Sérotonine, Houellebecq a-t-il anticipé la colère des «gilets jaunes» ? // Le Figaro. 10.01.2019. URL: https://www.lefigaro.fr/culture/2019/01/10/03004-20190110ARTFIG00015--le-clash-culture-dans-serotonine-houellebecq-a-t-il-anticipe-la-colere-des-gilets-jaunes.php (accessed 20.09.2020); Provost L. Dans «Sérotonine» de Michel Houellebecq, voici ce qu'il y a de «gilets jaunes» // Huffington post. 03.01.2019. URL:

подхвативших утверждение о том, что Уэльбек предсказал протесты «желтых жилетов» за год до того, как они прокатились по всей Франции. При этом созданные писателем литературные образы позволяют обратиться к изучению особенностей самосознания современного европейца[315], вести поиск «ключа» новой европейской идентичности в декларируемой им принципиально «неангажированной» манере.

Однако творчество М. Уэльбека – не только художественная диагностика социокультурных мутаций «единого европейского дома». Его романы, поэтическое творчество и публицистика проникнуты метафорой «дома» в контексте переживания процессов глобальных трансформаций, динамически меняющих не только социальное пространство, но и экзистенциальное содержание жизни современного европейца. Критическое переосмысление текущих процессов в творческой лаборатории М. Уэльбека заставляет предположить, что *концептуализация* понятия «европейский дом» в художественных образах, сопряженная с деконструкцией этого понятия в медиа-деятельности писателя, создает новую форму творческой коммуникации автора и его аудитории, имеющий выраженный политический аспект.

Анализу политической философии и антропологии М. Уэльбека в последние годы посвящена обширная исследовательская литература[316]. Эта тема активно обсуждается в прессе (в том числе, такими солидными изданиями, как *Le Figaro* и *Libération*). Темы терроризма, миграции, исламского фактора в политике перемежаются здесь с размышлениями о

---

https://www.huffingtonpost.fr/2019/01/03/dans-serotonine-de-michel-houellebecq-voici-ce-quil-y-a-de-gilets-jaunes_a_23632459/ (accessed 20.09.2020).

[315] Королев А.А. Концепт «Европейский дом» в культуре и искусстве Франции (на примере творчества М. Уэльбека) // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 1. С. 139-149.https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-139-149

[316] Например: Ahearne J. Cultural policy through the prism of fiction (Michel Houellebecq) // International Journal of Cultural Policy. 2017. No 23 (1). P. 1-16; Ågerup K. The Political Reception of Michel Houellebecq's Submission // European Review. 2019. No 27 (4). P. 615-635; Brass T. Houellebecq, anthropologist? // Critique of Anthropology. 2016. No 36 (1). P. 93-98; Sreenan N. Universal, acid: Houellebecq's clones and the evolution of humanity // Modern & Contemporary France. 2019. No 27 (1). P. 77-93.

глубинных причинах роста исламофобии, краха социальных институтов и компрометации амбициозных политических проектов. Однако среди этих исследований пока не нашлось места развернутому анализу метафоры «дома», столь важной для самого писателя.

Образ «дома», созданный М. Уэльбеком, как отмечалось ранее, обычно привлекает внимание прежде всего в связи с переосмыслением шпенглеровской метафоры «заката Европы» и «гибели фаустовской души». Однако стоит ли понимать эту метафору, пронизывающую его творчество, буквально?

Действительно, обозначенный писателем разрыв между культурой и цивилизацией представлен как «протоколы утрат»: бесконечно переезжая с места на место, его герой ищет *свое* место, свой *дом***.** Ищет – и не находит. Внимание М. Уэльбека сосредоточено на поиске предикатов, отражающих многоуровневую семантику *maison* сквозь призму самосознания его литературного героя. При этом важно иметь в виду, что бесприютный мечущийся по миру герой – это именно герой, а не сам Уэльбек. Как минимум потому, что творчество писателя – не просто фиксация переживаний, оно опирается на богатейшую литературную и философскую традицию[317]. При этом именно фиксация делает происходящее доступным для беспристрастного анализа. Не случайно в среде специалистов возник спор о жанровой специфике романов М. Уэльбека: что это – «меланхолический реализм»[318], «гиперреализм» и «утопия»[319] или же «постмодернистская антиутопия»[320]. Последняя из приведенных оценок определенно показывает, что созданные Уэльбеком произведения говорят не

[317] Michel Houellebecq Sous la Loupe. Etudes Runites par Murielle L.C. et S. van Wesemael. Amsterdam – New York: Editions Rodopi B.V., 2007. 405 p. P. 3-17, 93-108.
[318] Harris A. Michel Houellebecq's Transmedial Oeuvre: Extension of the Realm of Creative Intervention // Ltinéraires. Littérature, textes, cultures. 2017. No 2. URL: https://journals.openedition.org/itineraires/3441 (accessed 30.10.2020). P. 10.
[319] Jeffery B. Anti-Matter: Michel Houellebecq and Depressive Realism. Winchester (UK) – Washington (USA): John Hunt Publishing, 2011. 95 p. P. 59-75.
[320] Стрельникова Л. Ю. Постмодернистская антиутопия М. Уэльбека «Покорность»: последний духовный кризис европейского мира // Вестник Воронежского государственного университета. 2019. № 1. С. 71-77. С. 76.

только об «убывании автономии литературного поля» и «культурном господстве средств массовой информации и новых технологий цифровой эпохи». Ведя речь идет о «гибели французского ландшафта и музеефикации страны»[321], Уэльбек вторгается в дискуссию, имеющую очевидные политологические импликации. Не только многоплановая критика «общество чрезмерного потребления»[322] и переоценка фигуры автора в качестве мультимедийно и культурно значимой фигуры[323], но и размышления о *доме* как обществе, стране, территории, культурном ландшафте и культуре в целом вписаны в его романах в рамку политических оценок и прогнозов.

Впрочем, если согласиться с Беном Джеффри и остановиться на характеристике Уэльбека как «депрессивного реалиста»[324], взгляд на исследовательский потенциал анализа сочинений писателя будет существенно заужен. В этом смысле следует признать не менее достойной внимания прямо противоположную оценку Орельена Белланнжера: ссылок на цинизм и отчаяние недостаточно, М. Ульбек скорее романтик, точнее – романтик-реалист[325], который «через боль литературного искупления» возвращает надежду на исцеление и веру в человека как активного субъекта, способного менять приводящую в отчаяние действительность[326]. Столкновение этих двух позиций – нуарной оптики и неожиданно просветленного авторского взгляда – отчетливо прослеживается в размышлении о *доме* как «европейском доме».

---

[321] Harris A. Michel Houellebecq's Transmedial Oeuvre: Extension of the Realm of Creative Intervention // Ltinéraires. Littérature, textes, cultures. 2017. No 2. URL: https://journals.openedition.org/itineraires/3441 (accessed 30.10.2020). P. 10.

[322] Dumas I. Gouffre humain: représentation de la sexualité chez Houellebecq : Dans le cadre du programme de Maîtrise en lettres En vue de l'obtention du grade de Maître ès arts / Université du Québec à Rimouski. Rimouski, 2013. 195 p. URL: http://semaphore.uqar.ca/id/eprint/948/1/Isabelle_Dumas_janvier2013.pdf (accessed 20.10.2020).

[323] Harris A. On the Return of the (Media) Author: Michel Houellebecq, Écrivain Médiatique // French Cultural Studies. 2020. 31 (1). P. 32-45. P. 32.

[324] Jeffery B. Anti-Matter: Michel Houellebecq and Depressive Realism. Winchester (UK) – Washington (USA): John Hunt Publishing, 2011. 95 p. P. 1-4.

[325] В духе П. Козловски, связавшего «остроту взгляда» романтиков, почувствовавших приближение новой эпохи, с реализмом восприятия этой новой действительности. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. 240 с. С. 30.

[326] Bellanger A. 2010. Houellebecq, écrivain romantique, – Paris: Léo Scheer. 299 p. P. 5-17.

Политизация образного ряда Уэльбека, растиражированная медиа и телевидением, охотно поддерживается им самим. О нем пишут газеты, с его участием снимаются фильмы. Одним из наиболее ярких и злободневных образов в духе Менниповой сатиры[327] воспроизводит метафору общего дома как птицефабрики, *élevage industriel de poules* – буквально «промышленного выращивания куриц», или даже просто *élevage de poules*, «выращивание куриц»[328]. «Фигаро» прокомментировала этот образ буквально следующими словами: «Уэльбек предсказал протесты “желтых жилетов”»[329]. В той же статье приведены слова Уэльбека в момент вручения ему в октябре 2017 г. премии имени Освальда Шпенглера: «Франция была убита, и виной тому – Евросоюз»[330]. Журналист добавляет: «Уэльбек, похоже, предчувствовал это, хотя политики не ожидали ничего подобного». Другой не менее яркий образ, проходящий сквозь творчество Уэльбека, – многоэтажки. Главный герой «Серотонина» поначалу проживал именно в таком здании (имеющем жутковатое имя собственное – *tour Totem*), которое он характеризует не иначе как *morille de béton* (буквально «бетонный сморчок»).

Многоэтажкам, которые охарактеризованы также прилагательным «отталкивающий» (répugnant), противостоит «дом» как загородное жилище, затерянное в лесах и лугах французской провинции. Милым и уютным, окруженным зеленью, видится маленький домик в провинции герою романа «Покорность»: «Vous vivez dans une tres belle maison»[331]. Благополучие и человечность далеки от Парижа, хотя и в провинции мирные пейзажи – только внешняя вывеска, ведь и сюда постепенно проникают

---

[327] Michel Houellebecq Sous la Loupe. Etudes Runites par Murielle L.C. et S. van Wesemael. Amsterdam – New York: Editions Rodopi B.V., 2007. 405 p. P. 19-21.

[328] Уэльбек М. Серотонин. С. 150-152.

[329] Le Figaro (Франция): Уэльбек предсказал протесты «желтых жилетов» в своем новом романе «Серотонин». 29.12.2018. https://inosmi.ru/culture/20181229/244332349.html (дата обращения 30.210.2020)

[330] Там же.

[331] См.: “Il habitaient une maison cité des Fleurs... Il y avait un garage, un atelier, on se serait cru dans une peite ville de province, n'importe où sauf à Paris. Je me souviens que nous avions dine sur la pelouse, c’était la maison des jonquilles. Rediger n’habitait pas seulement dans une rue charmante du cinquième arrondissement, il habitait un maison particulière dans une rue charmante du cinquième arrondissement, mieux encore il habitait une maison particulière historique... Vous vivez dans une tres belle maison”. Houellebecq M. Soumission. Flammarion. E-book. 2015. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020].

разрушительные ветры социально-политической системы, созданной новыми технологиями, – подобно инженеру, который приехал из Парижа компьютеризировать сельскохозяйственное производство.

Пустующий и полуразвалившийся, «дом на земле» описывается тем не менее как очень доброжелательное для человека пространство с прилегающими землями; его жители своими культурными корнями связаны с *этой землей*. Для Эмерика, друга главного персонажа романа «Серотонин», дом – это и его хозяйство, и его арендаторы. Эмерик не может смириться с уходом жены, которая не разделяла его любви к деревне, и умирает, надорвавшись от невозможности защитить интересы своей фермы и, в более широком смысле, французских земледельцев. В трагедии Эмерика соединяется две драмы: душераздирающая личная и общеевропейская, кризис традиционного уклада и упадок европейской цивилизации: «…il était mort les armes à la main pour protéger la paysannerie française, ce qui avait été de tout temps la mission de la noblesse»[332]. Главное, что разрушает новая модель хозяйствования с ее дигитальногй оптимизацией – это готовность человека инвестировать в производство свое время[333] .

В конечных эпизодах романа «Серотонин» дом описан как пространство, которое главный персонаж делит с близким ему человеком (мой дом – это твой дом): «J’y vivais jusqu’à présent comme à l’hôtel, un bon hôtel, un hôtel de charme réussi, mais ce n’est qu’après l’arrivée de Camille que j’eus l’impression qu’il s’agissait, véritablement, de ma maison – et uniquement parce que c’était la sienne»[334]. В этих словах видится не только тоска по уходящим навсегда обломкам голлистской Франции, давшей толчок развитию похожей на «отель» единой Европы. Здесь также предвосхищается возможность другого исхода, едва ли достижимого без отчаяния политических потрясений и социальных катаклизмов. Дом, о котором

[332] Houellebecq Ml. Sérotonine. Flammarion. E-book. 2019. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020].
[333] Уэльбек М. Серотонин. С. 200.
[334] Houellebecq Ml. 2019. Sérotonine. Flammarion. E-book. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020].

рассуждает Уэльбек, превращается в новую культурную мифологему, противостоящую политическому мифу о «едином европейском доме» как апофеозе порядка и благополучия.

Столь серьезные изменения уклада жизни не могут не сказаться на ее организации – не удивительно, что более ранний роман Уэльбека «Покорность» рисует фантастическую картину победы политического ислама на общенациональный выборах, сулящей превращение Франции в альтернативную социальную и культурную реальность. Антиутопия Уэльбека основана популистском лозунге, полагающем возможность мощного политического продвижения группы населения «с более высоким уровнем рождаемости, которой удастся обеспечить преемственность своих ценностей (parvient à transmettre ses valeurs)». На взгляд героя «Покорности», «экономика и даже геополитика – это дешевые понты: кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим (celui qui contrôle les enfants contrôle le futur)…»[335].

При этом «главный ориентир» политических инноваций – «Римская империя»; а «строительство единой Европы (construction européenne) … всего лишь средство реализации этой грандиозной задачи»[336]. В антиутопии центр тяжести внешней политики новой Европы смещается на юг, новые ценности отчасти вытесняют старые, отчасти смешиваются с ними. Анализ слабых сторон демократической политической системы, открывающей реальные возможности полного ее собственного культурного и политического перерождения, в антиутопии Уэльбека ставит под сомнение те оптимистические прогнозы, которые принято связывать с развитием демократических институтов и «экспортом демократий». Обыгранные с разных сторон, позиции евробюрократии и европопулистов предстают благодаря этому сочинению в новом свете, как две половинки целого,

[335] Уэльбек М. Покорность. С. 79; Houellebecq Ml. 2015. Soumission. Flammarion. E-book. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020].
[336] Уэльбек М. Покорность. С. 148; Houellebecq Ml. 2015. Soumission. Flammarion. E-book. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020]).

представляющего верхушку айсберга политической борьбы, но *не выражающего* точку зрения «рядового европейца». Реальные интересы последнего, как например интересы курящего героя «Серотонина», никому из политиков не интересны. Апатия, охватывающая при столкновении с этим фактом, символизирует конец мифа о «новой Европе» и «общем европейском доме» – не только «большом», но и «малом». Хотя, разумеется, конец мифа еще не означает окончания жизненного цикла соответствующих ему социальных институтов и идеологий; политических процессов и культурных реалий.

2.2. Роль религиозных процессов в концептуализации понятия «европейский дом»

Религиозный вектор оказывается сегодня одним из наиболее выразительных ценностных маркеров, выявляющих тенденции противостояния культурных матриц различных типов. Процессы интеграции, заявленные Европой в качестве «мягкой альтернативы» мультикультурализму, предполагают интерпретацию религиозного разнообразия фактором идентификации вне политического контекста. Однако с такой интерпретацией не согласны представители ислама, проживающие на территории Евросоюза в целом и Франции в частности. Анализ «разброса» мнений по данному вопросу, сформулированных в теоретическом и практическом плане, позволяет оценить перспективы устойчивости «европейского дома» как единой культурной единицы.

Франция – страна, которую можно называть, с одной стороны, историческим оплотом консервативного католицизма, отстоявшего свои позиции в борьбе с протестантизмом. Однако религиозные войны XVI в., Варфоломеевская ночь и «Париж, стоивший обедни» королю Генриху IV, не

прошли для страны даром[337]. Французское Просвещение открыло миру возможности секулярного самосознания, основанного на вере в человеческий разум и признании его права на переустройство жизни общества. Французская революция, начертав на своих знаменах *Liberté, Égalité, Fraternité*, стала масштабным событием мирового значения, открыла двери масштабных преобразований во всех сферах общественной жизни. *Liberté*, помимо прочего, означала принятие тезиса о свободе совести, а *Égalité* и *Fraternité* обеспечили ценностный фундамент политического и правового признания необходимости отделения церкви от государства и школы от церкви.

В интервью «Независимой газете» (материал размещен также на сайте посольства Франции в Москве) советник по религиозным вопросам Министерства иностранных дел Франции господин Ж.-К. Поссель подчеркнул: «Франция – светское государство с 1905 года. В 1920 году, после периода разрыва с Ватиканом, мы возобновили отношения со Святым престолом, но потребовалось изобрести новый порядок отношений. Таким образом, в 1920 году была создана должность, которую в настоящее время я занимаю. Светскость в том смысле, как она определена законом от 1905 года, заключается в том, что республика гарантирует свободу религии, свободу верить или не верить. Для этого необходимо, чтобы государство было в религиозном плане нейтральным и отделено от религии. Светскость не означает враждебности по отношению к религии и также не означает, что религия игнорируется. Религия играет важную роль во французском обществе и международных отношениях»[338] . А отвечая на вопрос о том, «растеряла» ли Европа «свое христианское», г-н Поссель заявил следующее:

---

[337] Досси Ю., Шишкин В. Религиозные войны во Франции. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. – М.: КЛИО, Евразия, 2015. 352 с.; Семикин А. А. Основные причины религиозно-политических конфликтов во Франции XVI века // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 3 (31). С. 76-79.

[338] Мельников А. Интервью советника по религиозным вопросам МИД Франции Ж.-К. Посселя / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 28.08.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Interv-yu-sovetnika-po-religioznym-voprosam-MID-Francii-ZH-K-Posselya (дата обращения 09.01.2021).

«Трудно дать однозначный ответ. Франция – исторически христианская страна, католическая. Но не только. Очень давно в ней есть и протестанты, и иудеи. Также есть неверующие. Сегодня разнообразие религий становится еще больше, потому что у нас появились мусульмане, буддисты и представители других культов. Юридически это светское государство, как и большинство западных обществ, наше общество секуляризовано. Если посмотреть на Католическую церковь во Франции, число практикующих верующих меньше, чем было раньше. Но все люди, которые посещают сегодня храмы, идут туда по убеждению, а не по какой-то общественной привычке. Духовенство замечательное. Миряне играют большую роль в приходской жизни. Франция отправит вторую по численности делегацию на Всемирный день католической молодежи в Польшу этим летом. Число крещений взрослых людей каждый год увеличивается. В целом Католическая церковь и другие очень активны. Реальность более разнообразна, в ней больше нюансов, чем это может показаться на первый взгляд»[339].

Беседа также затрагивала вопросы, касающиеся отношений религиозных организаций с учебными заведениями. Было сделано несколько важных замечаний. Во-первых, в государственных университетах не преподается теология (за исключением университета в Страсбурге, где в силу исторических причин существуют факультеты католической и протестантской теологии). При этом изучать богословие и получить богословскую степень можно в конфессиональных учебных заведениях: «Во Франции есть пять католических университетов, два протестантских и Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (в юрисдикции Русской архиепископии Константинопольского патриархата… Но дипломы выдают эти вузы, а не государство»[340] и с ними нельзя преподавать в светских учебных заведениях (хотя многие из тех, кто имеет духовное

[339] Мельников А. Интервью советника по религиозным вопросам МИД Франции Ж.-К. Посселя / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 28.08.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Interv-yu-sovetnika-po-religioznym-voprosam-MID-Francii-ZH-K-Posselya (дата обращения 09.01.2021).
[340] Там же.

образование, получают также и светское, позволяющее им это делать). Примечательно, что французские вузы дают религиоведческое образование: здесь изучают историю и социологию религии, исламоведение, религиозное искусство.

Второй важной темой обсуждения в интервью стала тема религиозных конфликтов. Советник подчеркнул, что религия может как усугублять, так и смягчать конфликты. В ответ на вопрос о недавних антисемитских инцидентах (один из которых произошел в Тулузе) он отметил внимание, которое уделяют власти Франции вопросам «борьбы с антисемитизмом, расизмом и различными формами дискриминации».

Как известно, приток мигрантов, особенно усилившийся в XX в., внес свою лепту в рост и изменение конфессиональной распределенности религиозных общин. Поэтому не выглядело удивительным сообщение г-на Посселя о том, что во Франции находится не только самая большая в Европе иудейская община, но и самая большая исламская община. Подчеркивая необходимость выработки каждой страной собственной модели межрелигиозного существования на основе «особенностей религиозных чувств», «состава населения» и «собственной истории», он сказал буквально следующее: «Нации, как и люди, умнеют, объединяясь, а не действуя в одиночку. Каждая страна должна честно ответить на вопрос: что хорошо работает, а что плохо? Если взять вопрос ислама, то ситуация в России и Франции различается. В России мусульманская составляющая существует очень давно. Во Франции ислам – это «молодая» религия, которая пришла вместе с иммиграцией. Но здесь есть свои преимущества. Три четверти мусульманского сообщества Франции происходит из Северной Африки, и половина евреев в стране – тоже из Северной Африки. У них общие культурные корни. В подавляющем большинстве случаев евреи и мусульмане во Франции хорошо договариваются. Они живут одной жизнью

в одних и тех же кварталах. Радикализация затрагивает меньшинство мусульман, но она беспокоит не только евреев, а все население Франции»[341].

Комментируя высказывание о возможности выделять «традиционные» и «нетрадиционные» направления ислама, советник МИД Франции еще раз сослался на действующую во Франции концепцию светскости и констатировал, что государство не вмешивается в вопросы личных убеждений и веры (а значит, и во внутренние процессы, протекающие в религиозных общинах). В то же время оно стоит на страже общественного порядка и противодействует процессам, связанным с призывами к насилию, дискриминации и посягательствам на свободу других людей.

В опубликованной 21.04.2020 на сайте Посольства Франции в Москве речи Президента Франции Э. Макрона еще более жестко говорится о приоритетном характере, который имеет для его страны борьба с исламским терроризмом, которая ведется с целью обеспечения безопасности граждан Франции. Борьба с исламским терроризмом названа приоритетом не только внутренней, но и внешней политики Франции [342].

В упомянутом выступлении президента подчеркивается, что связь исламского фундаментализма с политикой и терроризмом не подлежит сомнению, и «нет смысла» испытывать «наивный оптимизм» в отношении этой связи. Как, впрочем, нет оснований бояться ислама, – объединяя ислам и исламизм, прятаться за их кажущееся тождество. Что, полагает Э. Макрон, не означает необходимости «ставить под подозрение миллионы мусульман, живущих в Европе, которые не имеют никакого отношения к этим фанатичным доктринам». «И я не забываю, – продолжает он, – здесь тех

---

[341] Мельников А. Интервью советника по религиозным вопросам МИД Франции Ж.-К. Посселя / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 28.08.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Interv-yu-sovetnika-po-religioznym-voprosam-MID-Francii-ZH-K-Posselya (дата обращения 09.01.2021).

[342] Ambassadors' Week - Speech by E.Macron, President of the Republic / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 21.04.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Ambassadors-Week-Speech-by-E-Macron-President-of-the-Republic (дата обращения 09.01.2021).

мусульман, которые иногда рискуют своей жизнью, восставая против такого кровавого мракобесия»[343].

В речи был сделан акцент на положении, согласно которому искоренение исламского терроризма невозможно без прекращения деятельности по его финансированию. Было прямо сказано о связи иммиграции с организациями («террористическими сетями»), занимающимися «торговлей людьми, наркотиками и оружием». «Демонтаж» таких сетей, по словам Э. Макрона, – «абсолютный приоритет», который определяет сотрудничества «со всеми региональными организациями и Африканским союзом». Международное сотрудничество в данной области Франция сосредоточила на поддержке FATF[344] – группы, разрабатывающей финансовые меры борьбы с отмыванием денег[345].

В свою очередь, в опубликованном 26.08.2020 выступлении Министра Иностранных дел и международного развития г-на Лорана Фабиуса на радио «Франс Интер» (Париж, 12 января 2015 года) говорится: «Господа журналисты! Каким образом гражданин Франции определяет себя? Он определяет себя как гражданина Франции, он не идентифицирует себя как еврея, мусульманина, католика или агностика – его вера – это его личное дело. Наше важнейшее преимущество в светскости государства. Каждый исповедует ту веру, которую сам выбрал или не исповедует никакой веры. И

---

[343] Ambassadors' Week - Speech by E.Macron, President of the Republic / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 21.04.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Ambassadors-Week-Speech-by-E-Macron-President-of-the-Republic (дата обращения 09.01.2021).

[344] Financial Action Task Force, группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег. Учреждена в ходе Парижской встречи «Большой семерки» при участии Европейской комиссии в 1989 г.; Россия принята в члены группы в 2003 г. См.: Сайт Росфинмониторинг. URL: http://www.fedsfm.ru/activity/fatf (дата обращения 09.01.2021). Согласно данным сайта FATF, Франция является членом этой организации с 1990 г. См.: FATF. URL: https://www.fatf-gafi.org/countries/#France (accessed 09.01.2021).

[345] Ambassadors' Week - Speech by E. Macron, President of the Republic / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 21.04.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Ambassadors-Week-Speech-by-E-Macron-President-of-the-Republic (дата обращения 09.01.2021).

существует государственный порядок. Нам следует продолжать и укреплять именно такую политику»[346].

К числу юридических актов по укреплению преимуществ светского государства, имеющих выраженное значение с точки зрения межкультурной коммуникации, можно отнести и борьбу с радикальным исламом мерами запретительного заряктера. Как сообщает пресса, с 2024 г. с целью противодействия «исламскому сепаратизму» во Францию «перестанут пускать имамов из-за рубежа и запретят внешнее финансирование религиозных объектов», перейдя на подготовку религиозных кадров для мечетей в самой Франции, а «не в арабских странах и Турции», как это было до сих пор[347].

Тем не менее, проблемы, коренящиеся в межконфессиональном взаимодействии, едва ли можно решить только мерами безопасности и правопорядка. При этом анализ глубоких культурных причин конфликтогенного потенциала «столкновения религий» в пространстве французской культуры имеет глубокие научные, публицистические и художественные традиции, позволяя определить потенциал успешной коммуникации между представителями разных религий и связанных с ними традиций. Роль религии в пространстве современной французской культуры уместно проследить в том числе на примере творчества М. Уэльбека. Возможность выделить сформулированную им концептуальную модель, описывающую эту роль, позволяет соотнести религиозные процессы и политические контексты, в которых они протекают, а также выявить и проследить характер трансформаций французской религиозной культуры сквозь призму коммуникативного потенциала концепта «европейский дом».

---

[346] Выступление Г-на Лорана Фабиуса, Министра Иностранных дел и международного развития на радио «Франс Интер» (Париж, 12 января 2015 года) / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 26.08.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Vystuplenie-G-na-L-Fabiusa-na (дата обращения 09.01.2021).

[347] Логинова К. Ни слова, Боже: во Франции намерены противостоять ползучему исламизму / Известия. 21.02.2020. URL: https://iz.ru/978609/kseniia-loginova/ni-slova-bozhe-vo-frantcii-namereny-protivostoiat-polzuchemu-islamizmu (дата обращения 08.01.2021).

Концептуальные модели существования религии в пространстве современной французской культуры тесно связаны с темой социокультурной неоднородности французского общества, проблемами миграции и этнорелигиозного радикализма, о которых шла речь выше. М. Уэльбек обратился к анализу этих вопросов, выделив тему ***богооставленности***, вопрос о ***границах разума и веры***, а также тему ***разрушения привычной среды обитания современного европейца***. Так, мысленный эксперимент его романа «Покорность» описывает мирную победу политического ислама. Не менее острые проблемы, связанные с религиозными процессами, поднимают и другие сочинения писателя, включая его публицистику и поэтические произведения. Обращается М. Уэльбек и к теме религии в контексте повседневной жизни сегодняшней Франции.

Выходец из колоний (напомним: родители сначала растили мальчика на острове Реюньон, заморский территории Франции; затем Мишелем занимались родители матери, которые жили в Алжире), Уэльбек не понаслышке знаком с разницей мировоззрений, традиций и религиозных ориентаций. Непростое отношение к французской культуре в ее бывшей колонии в определенной мере перекликается с напряженным отношением к мигрантам и их религиозным предпочтениям в самой Франции. Не только выходцы из Африки, среди которых алжирцы и марокканцы занимали далеко не последнее место, но также мигранты из самых разных точек земного шара, от Индии до Португалии и России, – все это пестрое разнообразие традиций и верований составляет палитру современного культурного и религиозного пространства французского общества. К началу XXI в. в стране стали преобладать выходцы из африканских и азиатских стран, что создало условия для складывания «замкнутых мусульманских сообществ» и вызвало к жизни программную внутриполитическую установку на интеграцию мигрантов во французское общество[348].

[348] Снисаренко К. Миграционная политика французских правительств в конце XX – начале XXI в. // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 4. URL: http://evolutio.info/ru/journal-

Изменение этноконфессиональной структуры французского общества обострило ряд реальных экономических и политических проблем, а также создало условия для взрывов этнопсихологического свойства. Несмотря на культурное разнообразие, представляющее многие этнорелигиозные сообщества в качестве полноценно включенных в социальный контекст Франции, именно ислам в этот период становится для страны своеобразной «головной болью».

Резонансные события, связанные с разным пониманием свободы слова в рамках ислама и секулярной французской культуры с ее особым трепетным отношением к свободе слова, известны мировому сообществу по нападению на редакцию Charlie Hebdo в январе 2015 г.[349], а также убийству французского учителя Самюэля Пати 16 октября 2020[350], демонстрировавшего своим ученикам карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованные в Charlie Hebdo, во время урока обществоведческого цикла под названием «les contours et les limites de la liberté d'expression» («Контуры и пределы свободы»)[351]. Учитель истории и географии одного из пригородов Парижа, С. Пати был убит и обезглавлен, став жертвой не только уголовного преступления, но и драматического конфликта мировоззрений. Своим стремлением продемонстрировать ученикам значение свободы слова как безусловной ценности светского образования во Франции, он затронул более чем чувствительную для последователей ислама тему. Его убийца, по сообщению французского канала BFM и газеты Le Parisien, распространенных французскими и мировыми СМИ, – 18-летний выходец из

---

menu/2012-4/2012-4-snisarenko (дата обращения 10.12.2020); Зарипова А. И. Восприятие арабо-мусульманской культуры современными французами: старые проблемы и новые решения // Культура и искусство. 2019. № 1. С. 50-58.

[349] Нельзя не отметить в данной связи, что номер журнала, вышедший 7 января 2015 г., в день нападения на редакцию, был посвящен выходу в свет романа М. Уэльбека «Покорность».

[350] Франция отозвала посла в Турции после слов Эрдогана о Макроне / РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/10/2020/5f94993b9a794778de8f23b0 (дата обращения 08.01.2021).

[351] Pech M.-E., Beyer C. Décapitation de Samuel Paty: signalements, appels menaçants, plaintes, vidéos… Onze jours d'engrenage Le Figaro. Publié le 18/10/2020 à 22:12, mis à jour le 19/10/2020 à 09:22. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/decapitation-de-samuel-paty-signalements-appels-menacants-plaintes-videos-onze-jours-d-engrenage-20201018 (accessed 07.02.2021); Убийство учителя во Франции: двое обвиняются в том, что указали убийце на жертву за деньги. URL: https://www.bbc.com/russian/news-54637457 (дата обращения 10.12.2020).

Чечни и уроженец Москвы, последние 12 лет проживавший во Франции, контактировал со студентами колледжа, где преподавал С. Пати[352]. Содеянное он снимал на камеру и сам распространил видео в мессенджерах и соцсетях.

По заявлениям французских властей, отчет Главной инспекции образования по событиям 16 октября, показал, что образовательное учреждение, где работал С. Пати, не было в достаточной степени «озабочено анализом социальных сетей»[353] (то есть, надо полагать, профилактикой экстремизма через анализ их деятельности). Анализ высказываний представителей власти показывает, что речь в них идет об уголовном преступлении, совершенном убийцей С. Пати, но не о причинах этого убийства. Между тем социальная напряженность, маркированная религиозно-политическими и культурными символами «своих» и «чужих», остается во французской обществе значительной на протяжении длительного периода. Время от времени она возрастает до критического уровня, на что прямо указывают действия экстремистов и косвенно – озабоченность властей. Не остается в стороне и гражданское общество, реакцию которого на убийство С. Пати трудно назвать однозначной.

Так, по сообщению Le Figaro, «из-за отсутствия всеобщего энтузиазма» преподавательского коллектива колледж «Эвкалипт» в г. Ольюле (департамент Вар) «в конечном итоге не будет переименован в «колледж имени Самюэль Пати (как ранее предлагала мэрия этого города)[354].

---

[352] Conflans-Sainte-Honorine: ce que le procureur antiterroriste a précisé sur l'attentat / Le HuffPost avec AFP. URL: https://www.huffingtonpost.fr/entry/conflans-sainte-honorine-suivez-en-direct-la-conference-de-presse-du-procureur-antiterroriste_fr_5f8add40c5b62dbe71c327f3 (accessed 10.12.2020); Франция отозвала посла в Турции после слов Эрдогана о Макроне / РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/10/2020/5f94993b9a794778de8f23b0 (дата обращения 08.01.2021).

[353] Pech M.-E., Beyer C. Affaire Samuel Paty: un rapport de l'inspection pointe certaines failles administratives / Le Figaro. 04.12.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/affaire-samuel-paty-un-rapport-de-l-inspection-pointe-certaines-failles-administratives-20201203 (accessed 07.02.2021); Affaire Samuel Paty : un rapport de l'Education nationale épingle le manque de surveillance des réseaux sociaux // Orange. 04.12.2020. URL: https://actu.orange.fr/france/affaire-samuel-paty-un-rapport-de-l-education-nationale-epingle-le-manque-de-surveillance-des-reseaux-sociaux-magic-CNT000001vlGs0.html (accessed 08.01.2021).

[354] Goldnadel G. W. «Quand des enseignants se déshonorent en refusant d'honorer Samuel Paty» / Le Figaro. 01.02.2021. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/quand-des-enseignants-se-deshonorent-en-refusant-d-honorer-samuel-paty-20210201 (accessed 07.02.2021).

Дискуссия, возникшая вокруг, выражаясь словами журналистов Фигаро, «усекновения главы Самюэля Пати», остро поставила актуальные для французского (и европейского в целом) общества «фундаментальные вопросы, касающиеся образовании», включая разговор о террористической угрозе со стороны некоторых студентов[355].

Между тем, уже 20 октября министр национального образования Франции Жан-Мишель Бланкер, выступая в эфире телеканала BFMTV, заявил о том, что убитого учителя наградят орденом Почетного Легиона, а также орденом Академических пальм (последний обычно вручается за выдающиеся заслуги в области образования)[356]. Напомним: церемония прощания с Пати прошла в Сорбонне, что безусловно является знаковым шагом и в очередной раз демонстрирует установку властей Франции на культурное значение свободы слова и независимости образования от религиозного контекста. Вместе с тем, нельзя не отметить парадоксальный характер этой установки: ценности потому и ценности, что не подлежат фальсификации. Вторжение в поле наиболее чувствительных по своей природе религиозных ценностей собственных граждан со стороны представителя государственного образования, использующее юмористическое «принижение» предмета, едва ли может считаться хорошей идеей. Здесь установка на свободу слова в гражданском обществе наталкивается на личные границы верующих: напомним, именно о светских гражданских свободах шла речь на том уроке, когда Самюэль Пати продемонстрировал школьникам карикатуры из Charlie Hebdo. Вопрос, таким образом, состоит в том, насколько действительно *свободна* свобода слова, и в

---

[355] Tranchant M.-N. Décapitation de Samuel Paty: «Il y a des collégiens que rien n'a empêché de devenir des instruments de mort» / Le Figaro. 13.11.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/decapitation-de-samuel-paty-il-y-a-des-collegiens-que-rien-n-a-empeche-de-devenir-des-instruments-de-mort-20201113 (accessed 07.02.2021).

[356] Lepelletier P. Samuel Paty recevra la Légion d'honneur à titre posthume / Le Figaro. 20.10.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/politique/samuel-paty-recevra-la-legion-d-honneur-a-titre-posthume-20201020 (accessed 07.02.2021); «Je suis prof»: après l'horreur, une vague d'hommages au professeur assassiné dans les Yvelines / Orange. 17.10.2020. URL: https://actu.orange.fr/france/je-suis-prof-apres-l-horreur-une-vague-d-hommages-au-professeur-assassine-dans-les-yvelines-magic-CNT000001ubIyX.html (accessed 08.01.2021); Убитого во Франции учителя наградят орденом Почетного легиона / РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f8eb5aa9a79471251778db8? (дата обращения 08.01.2021).

какой точке уважение одних ценностей входит в непримиримый конфликт с уважением других.

Убийство С. Пати, как известно, вызвало широкий общественный отклик в самой Франции и бурный международный резонанс. За призывы в поддержку экстремизма была закрыта одна из Парижских мечетей; в ряде южных провинций Франции возникло напряжение вокруг мечетей, не имевших отношения к экстремистской деятельности. За этим последовала серия локальных событий в других странах Европы. Примером может служить рейд немецких силовиков в мечеть Мевляна в Берлине 21 октября 2020 г., когда около 150 полицейских ворвались в здание во время утреннего намаза (по имевшимся у полиции сведениям, «мечеть незаконно получила €70 тыс. в качестве компенсации за вызванный пандемией COVID-19 кризис»[357]).

В связи с этими событиями разгорелся также дипломатический скандал, непосредственно выходивший на проблемы взаимосвязи политики, религии и культуры. По понятным причинам предельно напряженно отреагировали на события во Франции представители исламских стран: по сообщениям BFM и РБК, уже 25 октября 2020 г. Франция отозвала для консультаций своего посла в Турции. Кризис в отношениях двух стран был вызван высказываниями лидеров двух стран: турецкий руководитель Р. Эрдоган посоветовал французскому президенту Э. Макрону «проверить свое психическое здоровье»[358] после того, как Э. Макрон заявил, что ислам как религия «переживает кризис во всем мире»[359] (французские комментаторы аккуратно называют это выражение высказыванием о «проблемах с

---

[357] Эрдоган заявил о приближающемся конце Европы из-за исламофобии / РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/10/2020/5f944ed19a79475f3a1fc1f5? (дата обращения 08.01.2021).

[358] Le président turc Erdogan appelle de nouveau Macron à faire examiner sa «santé mentale» / Le Figaro. Publié le 24/10/2020 à 14:55, mis à jour le 25/10/2020 à 18:49. URL: https://www.lefigaro.fr/flash-actu/erdogan-denonce-l-attitude-de-macron-envers-les-musulmans-et-interroge-sa-sante-mentale-20201024 (accessed 07.02.2021).

[359] Франция отозвала посла в Турции после слов Эрдогана о Макроне / РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/10/2020/5f94993b9a794778de8f23b0 (дата обращения 08.01.2021).

мусульманами»[360]). 25 октября 2020 г., вспоминая карикатуры на Пророка в журнале Charlie Hebdo, Эрдоган отметил «фашистский менталитет» Европы и заявил, что «болезнь исмламофобии» приближает «конец Европы»: «Европа должна как можно скорее избавиться от этой болезни – исламофобии, иначе она обрушит всю Европу изнутри»[361]. Р. Эрдоган подчеркнул также, что Турция приложит все силы к тому, «чтобы 6 млн турецких граждан и все мусульманское сообщество в Европе могли жить в мире»[362]. Макрона поддержали видные европейские политики, однако действительная проблема вряд ли может быть решена сугубо дипломатическими средствами. Ведь по сути упреки Эрдогана касались позиции Макрона в отношении вероисповедной политики Франции, которая, как сверхэмоционально «выкрикнул» турецкий президент, касалась «дискриминации миллионов граждан» Франции, «не разделяющих его (*Макрона – А. Королев*) веру»[363]. Рене Фрегози – известная во Франции философ, политолог и эссеист – так прокомментировала Le Figaro происходящее: «Le fameux «vivre ensemble» ne peut se faire ni au prix de la soumission aux injonctions d'une religion quelle qu'elle soit, ni à celui du renoncement aux valeurs de la République» («Знаменитое «совместное проживание» не может быть достигнуто ценой подчинения предписаниям какой-либо религии или отказа от ценностей Республики»)[364].

Разрешение конфликта ценностей светского государства и определенных интерпретаций политической религии в данном случае требует участия экспертов в области культуры. При всем уважении к

---

[360] Le président turc Erdogan appelle de nouveau Macron à faire examiner sa «santé mentale» / Le Figaro. Publié le 24/10/2020 à 14:55, mis à jour le 25/10/2020 à 18:49. URL: https://www.lefigaro.fr/flash-actu/erdogan-denonce-l-attitude-de-macron-envers-les-musulmans-et-interroge-sa-sante-mentale-20201024 (accessed 07.02.2021).

[361] Эрдоган заявил о приближающемся конце Европы из-за исламофобии / РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/10/2020/5f944ed19a79475f3a1fc1f5? (дата обращения 08.01.2021).

[362] Там же.

[363] Minoui D. Les dérapages calculés d'Erdogan pour orienter le monde musulman / Le Figaro. Publié le 25/10/2020 à 18:32, mis à jour le 26/10/2020 à 12:18. URL: https://www.lefigaro.fr/international/les-derapages-calcules-d-erdogan-pour-orienter-le-monde-musulman-20201025 (accessed 07.02.2021).

[364] Fregosi R. «Vivre ensemble» au prix de la soumission? / Le Figaro. Publié le 20/10/2020 à 15:01, mis à jour le 21/10/2020 à 10:32. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/vivre-ensemble-au-prix-de-la-soumission-20201020 (accessed 07.02.2021).

ценностям Республики здесь нельзя упускать из виду, что основанием чудовищных событий и последующего обострения дипломатических отношений очевидно стали экстремальные насмешки над ценностями, священными для мусульман. По существу, столкнулись две непримиримые *культурные* позиции: светская – допускающая свободную иронию, сарказм и едкую сатиру в адрес всего, что попадает в поле внимания человека; и религиозная – настаивающая на недопустимости смеха (интерпретируемого как неуважение) в адрес священного.

Примечательным итогом нападений радикальных экстремистов и медийных провокаций вокруг темы «неуважения к пророку» является, по всей видимости, и новейшая политическая установка на сокращение количества мигрантов, прибывающих во Францию, и борьба с нелегальной миграцией[365]. Причем, если число нелегальных мигрантов согласно заявлениям руководящих лиц страны в дальнейшем будет сокращаться, – то «желательная» миграция (профессиональная и учебная) будет только возрастать. Так, в 2027 г. французским правительством планируется увеличить вдвое число учебных мигрантов «ради культурного и научного влияния» страны[366].

В данной связи стоит отметить ту роль, которую играет творчество Мишеля Уэльбека в общественном дискурсе Франции в связи с его нашумевшим романом «Покорность» (напомним: роман впервые опубликован в 2015 г.). В романе М. Уэльбек, со свойственными его взгляду вниманием и бескомпромиссностью, анализирует ценностные основания политических трансформаций, обращаясь к самому глубокому их пласту – религиозному. Сравнивая католичество и ислам, он находит различия лишь в том, какая религия на сегодня активнее готова включиться в политические процессы[367] и насколько неожиданно трудно становится при этом атеисту[368].

---

[365] Премьер Франции объявил, что количество мигрантов в стране будет сокращено. URL: https://www.currenttime.tv/a/france-migrants-emigration-ban/30256254.html (дата обращения 10.12.2020).
[366] Там же.
[367] Уэльбек М. Покорность. С. 47, 49, 58, 65.

Такой активной силой, с его точки зрения, является политический ислам, который, как видно из суждений официального Парижа, во французском политическом дискурсе принято приравнивать к исламистскому терроризму.

Итак, «Покорность» описывает антиутопию – приход к власти во Франции в результате законных выборов президента-мусульманина, анализируя сущность ислама не как собственно религиозного, а как социального и культурного явления.

Вопрос о том, насколько уместно «обрезать» религиозные корни этого феномена при изучении его социокультурных проекций остается в среде специалистов дискуссионным[369]. Однако нет сомнений: исследовать ислам как культурное явление можно и нужно. Антиутопия М. Уэльбека представляет собой своеобразный мысленный эксперимент. Однако за исключением сюжетной канвы политического толка (который, как мы знаем, для самого Уэльбека представляется измерением, малоинтересным для современного французского интеллектуала, но вместе с тем чрезвычайно важным[370]), содержание книги представляет собой рассказ о реальных отношениях между людьми. Роман ставит проблему культурной (а вместе с ней – этнокультурноной, этнорелигиозной и персональной) несоизмеримости в предельно заостренной форме. Форме, отсылающей в том числе к анализу политического экстремизма, прикрывающегося религиозной ширмой. Не случайно уже в первой части «Покорности» М. Уэльбек показывает образ представителя идентитарного движения – университетского преподавателя Лемперера[371]. Остановимся на этом образе и на связанных с ним проблемах религиозно-культурной коммуникации несколько подробнее.

---

[368] Там же. С. 47.
[369] Dianina S. Yu., Khalil M. A. M., Glagolev V. S. Cultural Islam In Northern Europe // Baltic Region. 2019. Vol. 11. No 3. P. 142-160. DOI: 10.5922/20798555201937
[370] Он пишет: «Может, мне пора поинтересоваться политикой» (Уэльбек М. Покорность. С. 36).
[371] Уэльбек М. Покорность. С. 63-65.

Напомним: к идентитаризму, который часть аналитиков характеризует как альт-правое движение[372], относятся последователи уже упомянутого Алена де Бенуа – писателя и ученого, философа, политика и публициста, выпускника Сорбонны. В студенческие годы Бенуа изучал конституционное право, философию, социологию и историю религий, в числе его научных интересов – этнология, археология и проблема защиты локальных идентичностей[373]. Бенуа – один из создателей движения «Новые правые» (Nouvelle Droite), активный журналист и редактор; входил в научный совет журнала «Новая антропология» (Neue Anthropologie), редактируемый Обществом биологической антропологии, евгеники и поведенческих наук (Société pour l'anthropologie biologique, l'eugénisme et la science du comportement)[374]. Также Бенуа – активный критик христианства, современного европейского неоязычества [375] и либерализма; средоточием последнего он считает США[376].

В скобках заметим, что построение «новой антропологии», по мнению критиков переходящее в «консервативный анархизм», полагающий

---

[372] Харкевич М. В., Музалевский В. А., Осколков П. В. Архаика и современный правый популизм в Европе // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 59-68; Андреева Д. Горизонт Евразии**.** Art-right – новая перспектива для искусства и политики / РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/darya-andreeva/art-right-novaya-perspektiva-dlya-iskusstva-i-politiki/ (дата обращения 10.01.2021); Осколков П. В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого // Современная Европа. 2019. № 3 (88). С. 83-91; Осколков П. В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и основные тенденции: Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, МГИМО, 2019. 206 с.; Mudde C. Populism: A Very Short Introduction / C. Mudde, K. Rovira Kaltwasser. – Oxford: Oxford University Press, 2017. 136 p.

[373] Политическую карьеру Ален де Бенуа начал в 1960-е гг., вступив в националистическую студенческую ассоциацию FEN (Fédération des étudiants nationalistes), где быстро стал одним из лидеров. Активно занимался политической журналистикой, сотрудничал с журналом с характерным названием «Défense de l'Occident» («Защита Запада») и изданием «Éléments» («Элементы») – официальным органом Groupement de recherche et d'études pour la civilization européenne (GRECE) – Группы изучения европейской цивилизации; редактор альманаха «Krisis» и член научного совета тематического издания общества биологической антропологии, евгеники и поведенческих наук «Neue Anthropologie». В многочисленных книгах и статьях, переведенных на многие языки мира (включая русский), Ален де Бенуа формулирует идеи, близкие концепции «новой консервативной революции» (См.: Бенуа А. Традиция и консервативная мысль / Пер. с фр. А. Игнатьева. – М.: Тотенбург, 2017. 186 с.)

[374] Duranton-Crabol A.-M. Visages de la nouvelle droite. Le Grèce et son histoire. – Paris: Les Presses de Sciences Po. 1988. 267 p. P. 152.

[375] de Benoist A. Jésus et ses Frères, et autres écrits sur le christianisme, le paganisme et la religion. – Paris: Association des Amis d'Alain de Benoist, 2006. 317 p.

[376] Руткевич М. А. Консервативный анархизм. Французские критики «антропологической ошибки» // История философии. 2020. Т. 25. № 2. С. 81-95; Kuisel R. F.The French Way: How France Embraced and Rejected American Values and Power. – New-York and Oxford: Princeton University Press, 2013. 487 p.

либерализм «антропологической ошибкой»[377], становится важной частью теоретической и практико-политической деятельности Бенуа, которого многие авторы относят к представителям достаточно радикального крыла современных европейских националистов, прикрывающихся риторикой «метаполитики» и «этноплюрализма»[378]. В связи с этим в исследовательской литературе нередко поднимается вопрос о тенденциях развития французской антропологии XX в. от сугубо академического дискурса к полиитзированным культурным контекстам[379].

В книге «Против либерализма: к четвертой политической теории»[380], Бенуа отмечает: если для докапиталистических «органических» форм социальной жизни свобода состояла в том, чтобы в этой жизни участвовать, то для человека эпохи модерна она состоит в том, чтобы иметь возможность от общественной жизни уклоняться[381]. Именно христианство, по мнению Алена де Бенуа, ответственно за то, что под религиозной индивидуальностью в Европе начинает пониматься «пространство внутреннего ухода»[382].

При этом истинной «современной религией», по мнению Бенуа, является вовсе не христианство и даже не язычество, а «права человека»[383], экономика[384], рынок[385] и прогресс[386]. Вместе с тем, нельзя сказать, что религия как таковая полностью ушла из секуляризованного общества. С одной стороны, ее заместила «невидимая рука» капитала. В мире поклонения

---

[377] Руткевич М. А. Консервативный анархизм. Французские критики «антропологической ошибки». С. 81, 83-85.

[378] Shields J. G. The Extreme Right in France: From Pétain to Le Pen. – London: Routledge, 2007. 412 p.; Vaarakallio T. The Ideological Framework of the French Nouvelle Droite and the Contemporary Finnish Far Right // Redescriptions Political Thought Conceptual History and Feminist Theory. 2015. Vol. 18(2). P. 202-224. DOI: 10.7227/R.18.2.5

[379] Copans J. Introduction à l'ethnologie et à l'anthropologie. - Paris, Nathan, 1996. 128 p.; Шалоткина Н. А. Французская культурная антропология XX века: тенденции и перспективы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Московский педагогический государственный университет. Москва, МПГУ, 2007. 217 с.

[380] Книга переведена на русский язык В. Дугиным, с которым, по сообщению неофициальных источников, к настоящему времени установились сдержанные отношения «взаимных консультаций», – после значительного сближения, а затем резкой критики со стороны французских медиа.

[381] Бенуа А. Против либерализма: к четвертой политической теории. – М.: Амфора, 2009. 480 с. С. 24.

[382] Там же. С. 21 (здесь Бенуа цитирует М. Гоше).

[383] Там же. С. 13, 193.

[384] Там же. С. 118.

[385] Там же. С. 159.

[386] Там же. С. 120.

либеральной идеологии функцию власти, как полагает Бенуа, начинают осуществлять экономические ценности, которые «во все эпохи» «воспринимались как самые низкие», а экономические интересы индивидуума, объявленные либерализмом общественно полезными, начинают «растворять» целые народы[387]. Кризис «больших идеологий» привел к тому, что «религиозные войны, с которыми мечтали покончить, уступили место войнам идеологическим, которые подчиняются той же логике. Стремление к вечному миру приводит к вечной войне»[388]. На этом фоне нарастают гомогенизация и мондиализм, «повсюду» вызывая ««идентираные» судороги, агрессивные формы этнического или религиозного самовыражения, порождающие гражданские войны и межэтнические конфликты». Мондиализация «одновременно разрушает и порождает коллективные идентичности». Бенуа достаточно критично относится к реалиям националистических движений: «Эксцессы открытости порождают эксцессы закрывания. Вспышки трайболизма, клановости и обостренного национализма являются реакцией на угрозу лишения корней». Он подчеркивает: «мы не можем» оправдать эти движения, так как «их эксцессы порой дискредитируют само стремление к идентичности». Страх перед религиозно-этническими войнами и кризис концепции гражданского общества «толкает» европейцев «в объятия мондиализма»[389]. В самом деле, если понимать гражданское общество как «ансамбль профсоюзных и предпринимательских организаций, профессиональных и благотворительных ассоциаций, церквей и религиозных общин, предприятий, региональных союзов и т.д.», к которому «не относятся» «выборные лица», то очень быстро окажется: «на обочине» оказывается «и выбравший их народ»[390]. То есть «народ» подменяется «микросообществом», претендующим говорить от его лица, минуя процедуру выборов и ответственной обратной связи.

---

[387] Бенуа А. Против либерализма: к четвертой политической теории. С. 34-35.
[388] Там же. С. 114.
[389] Там же. С. 161.
[390] Там же. С. 253.

В этом ключе «народ» следует понимать как носителей определенной «традиции» и «ценностей культуры»[391]. Именно поэтому «права человека» являются искусственно созданной идеологией, заменившей религию[392]: отказ от традиционного права в сочетании с капиталистическим индивидуализмом [393] и установка на натурализм в понимании человеческого (единая биология якобы делает весь род единым)[394] , полагает Бенуа, – главные источники «религии прав человека». При этом традиционалисты, которыми еще недавно были христиане, сегодня, по его мнению, легко переходят к риторике «прав человека», демонстрируя тем самым не «просто секулярность», а если можно так выразиться натуральный этноцентризм[395].

Как следствие, поиски общей европейской идентичности [396] в идентитаризме проходят своеобразную перезагрузку, где политическое единство с «народами третьего мира» представляет собой не только стратегию противодействия обвинениям а расизме, но и вполне реалистичный в условиях современной Европы проект политического взаимодействия «отверженных», дистанцированных от власти. Отстраненные от политической власти, приверженцы традиционализма перенастраивают призму «свой – чужой»: теперь «чужим» выступает не носитель другой религии или цвета кожи, а тот, кто чужд традиционализму любого вида. «Наследники европейской культуры» оказываются тем самым вовлечены в переход от свободы к террору тоталитарного гуманизма, связанного с «религией прав человека».

---

[391] Бенуа А. Религия прав человека / Кребс П., Бенуа А. де, Фай Г., Одри Ж., Хунке З., Корзенц А., Промп Д. Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле / Ред. Пьер Кребса. – М.: Тотенбург, 2018. 442 с. С. 77-119. С. 109.
[392] Бенуа А. Религия прав человека. С. 119.
[393] Там же. С. 114.
[394] Там же. С. 94.
[395] Там же. С. 94, 116-117.
[396] См.: Кребс П., Бенуа А. де, Фай Г., Одри Ж., Хунке З., Корзенц А., Промп Д. Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле / Ред. Пьер Кребса. – М.: Тотенбург, 2018. 442 с.

Тем самым некоторые идеи Алена де Бенуа и альт-правых[397] оказываются поразительно близки тому образу, который создает Уэльбек в «Покорности». Правда, как минимум с одной оговоркой – его идентитарист Лемперер, в отличие от реального Бенуа, далек от критики капитала и левых антилиберальных идей. И, разумеется, нет никаких документально подтвержденных оснований, что именно Ален де Бенуа послужил одним из прототипов Лемперера. Однако этот собирательный образ современного идентитариста может быть значительно лучше понят при сопоставлении с реальной интеллектуальной биографией реального идентитариста. Реалистичность этого персонажа, созданного Уэльбеком, такова, что почти автоматически заставляет задуматься о поисках прототипов. Однако еще раз подчеркнем: даже если бы такой прототип существовал в действительности, вряд ли его можно было бы «привязать» к одному-единственному философу и общественному деятелю.

Франсуа, главный литературный герой «Покорности» (имя героя можно интерпретировать как перевод с латыни: «тот, кто из Франции») и, возможно, «альтер-эго» самого Уэльбека, относится к Лемпереру с уважением (и поначалу даже с восторгом), а затем и с нескрываемым страхом: такие «тихие люди», по его мнению, информированы не хуже спецслужб. Но, в отличие от последних, представляют собой источник изменений, а не их сопровождение.

Между тем, претензии, сформулированные Уэльбеком в адрес идентитаристов, можно отнести к реальному движению и его интеллектуальным лидерам. Причем критика Уэльбека состоит не в обвинениях или разоблачениях. Она проведена художественными

[397] В этом контексте – скорее уж «альт-левых»: сам Бенуа в одном из интервью еще 2009 г. высказался против противопоставления правых и левых «в нынешних условиях», соглашаясь с тем, что взгляды созданной им партии «Новые правые» прошедшие годы сместились влево; фактически грань между правыми и левыми во Франции сегодня «стерлась»: и те, и другие охотно используют либеральные идеи и прибегают к риторике традиционализма, когда им это выгодно; однако, настаивает Бенуа, традиционализм и либерализм – две противоположных установки. См.: Шнуренко И. Ален де Бенуа: «Массовая иммиграция в Европу должна быть замедлена». 30 ноября 2009 / DP.RU. URL: https://www.dp.ru/a/2009/11/30/Alen_de_Benua_Massovaja (дата обращения 11.01.2021).

средствами: «вокруг» образа Лемперера все время присутствуют «острый взгляд», знание того, что «скоро произойдет» и «молодчики с автоматами» (а позднее – трупы на автозаправке). Большей выразительности трудно достигнуть (хотя экстремизм увязан не только с идентитаризмом, но и с «джихадизмом»). Тем более с учетом того, что не только вымышленный Лемперер, но и реальный Бенуа резко высказываются об отстранившейся от политики интеллигенции, ответственной, по их мнению, и за рост напряженности в обществе, и за возможный политический крах той формы демократии, которая существует сегодня на Западе. Причина этого гипотетического краха – не только перекос традиционализма в сторону надсадного этно-евро-центризма[398] и «идеологии «белого человека»». Характеризуя (в духе Августиновской теории государства) демократию как «способ поделить власть между двумя враждующими бандами»[399], Франсуа заводит разговор о себе как о представителе той самой интеллектуальной элиты, которая до сих пор не интересовалась особо ни политикой, ни войной. Даже те, кто митингах Национального фронта носит «скромные» лозунги «Мы у себя дома»[400] остается «сидеть по домам» в критической ситуации[401].

Инертность интеллектуальной элиты, которая не проявляет активизм и не бороться за свои права – вот дверь, ведущая к просматривающейся на горизонте победе заточенной (в перспективе) на идею «единой Европы» идеологии «мусульманского братства». Предельно отчетливо такая «заточенность» просматривается у, казалось бы, антипода «Мусульманского братства», – Мухаммада Бен Аббеса, представителя *культурного ислама*, «не имеющего ничего общего с исламским фундаментализмом»[402]. Последний, как выясняется, увлечен образом императора Августа и «идеей Европы».

---

[398] Бенуа А. Религия прав человека / Кребс П., Бенуа А. де, Фай Г., Одри Ж., Хунке З., Корзенц А., Промп Д. Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле / Ред. Пьер Кребса. – М.: Тотенбург, 2018. 442 с. С. 77-119. С. 93.
[399] Уэльбек М. Покорность. С. 48, 35.
[400] Там же. С. 114.
[401] Там же. С. 123.
[402] Там же. С. 146.

В романе четко говорится о близости религиозных настроений мусульман и христиан-католиков: для первых последние – «просто верующие», «их всего-то надо уговорить сделать следующий шаг и принять ислам»[403]. «Субсидии» на «христианский культ» вполне можно получить и от исламистов; «заклятым врагом» мусульман выступают не католики, а атеисты. Некоторую сложность с религиозной точки зрения представляют евреи – в силу исторически сложившихся отношений Израиля с арабским миром. Однако, как полагает отставной представитель французских спецслужб в беседе с Франсуа, вряд ли к последователям иудаизма придется применять «репрессивные меры», они сами «решат эмигрировать из Франции в Израиль» (что и произошло с семьей Мириам, возлюбленной Франсуа)[404].

Лидер исламской партии Бен Аббес, помимо прочего, с одной стороны – «защитник ценностей третьего мира», а с другой – голлист, «*человек, который сказал нет*»[405]. Он – «мусульманин, но *умеренный*»[406], который «раза три съездил в Ватикан»[407]. К террористам Бен Аббес не испытывает «ничего, кроме презрения», считая их «дилетантами»; *идеология* ценностей традиционной культуры не имеет ничего общего с *идеологией* насилия. Более того, Бен Аббес также «привержен европейским ценностям», то есть, по сути, принадлежит к тем, кто «откровенно выступает за растворение Франции в европейских структурах»; отличается этот герой от них лишь тем, что «у него есть ясная идея Европы, подлинный проект цивилизационного развития»[408]. За этим парадоксальным объединением всех со всеми на базе того, что в принципе разнородно (культура) просматривается проект Средиземноморской культуры, некогда уже имевший в Европе своих сторонников и соработников. Возможность «позиционировать ислам как новый объединяющий гуманизм» осуществляется за счет стремления

[403] Там же. С. 146-147.
[404] Уэльбек М. Покорность. С. 147.
[405] Там же. С. 142, 144.
[406] Там же. С. 145.
[407] Там же. С. 144.
[408] Там же. С. 150.

недальновидных политиков «стать модераторами межрелигиозного диалога»[409]. Умелый и умный, Мохаммед Бен Аббес заблокировал левых с их антирасистской риторикой; оказался более сильным игроком в блоке экстремистов – и альт-правых, и исламских. Даже представители исламского терроризма, джихадистов», которых герой Уэльбека характеризует как «сбившихся с пути салафитов», «в душе желают победы» кандидату проклинаемого культурного ислама[410]. Как, впрочем, и либералы, исламский кандидат «быстро понял», что «молодежь нынче пошла бизнес-ориентированная»[411] (камень в огород идентитаристов). Вопрос о собственно религиозной составляющей в данном случае отходит на второй план. Как выражаются авторы статьи ««Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности», параллельный рост религиозности и секуляризма провоцирует многовекторные социальные «выбросы», генезис которых нельзя свести исключительно к принятию или отторжению «религиозных ценностей»[412].

Перспектива объединения альт-националистов (идентитаристов), исламистов разных толков и сторонников «единого европейского дома», продуманная в романе Уэльбека, действительно может быть рассмотрена как логически возможный политический проект; а сама книга – как минимум, изучена в качестве справочника по современным политическим партиям Франции.

Однако очень важный пункт, позволяющий рассмотреть плод творческого воображения Уэльбека в качестве одной из версий художественного познания действительности, состоит в том, что горизонт событий, описанный Уэльбеком в качестве возможных, опирается на контекст ***религиозной коммуникации***. Религиозной – то есть апеллирующей

---

[409] Там же. С. 143.
[410] Там же. С. 134-135.
[411] Там же. С. 144.
[412] Барановский В. Г., Наумкин В. В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 8-31.

к наиболее интимным слоям ценностного сознания, отвечающим за «производство смыслов».

Предложенная Уэльбеком модель интерпретации современной религиозной культуры предполагает, что три авраамические религии – ислам, христианство и иудаизм – в равной мере «заряжены» мессионизмом, стремлением распространить свой протекторат над максимально широкой территорией; однако ислам на сегодня оказывается самым пассионарным, а его вымышленный политический лидер – самым ловким. Настолько ловким и дальновидным, что использование «выхолощенного» и едва ли не секуляризованного культурного ислама (то есть ислама, интерпретируемого по преимуществу как ценности и традиции, а не собственно религия) позволяет переориентировать легко секуляризованное общество на новый религиезированный формат социальной коммуникации, начиная с изменения одежды (хиджабы и традиционные закрытые брючные костюмы для женщин взамен открывающих ноги платьев и юбок[413]) и заканчивая превращением Сорбонны в исламский университет с гигантским финансированием от саудитов.[414]

Моделирование ситуации «от Уэльбека» затрагивает религию не только в социальном, но и в «мистическом» контексте. Бегство Франсуа из Парижа в самом начале радикальных выступлений идентитариастов, объединившихся с «Мусульманским братством», приводит его в старинный городок на Западе Франции. А оттуда – в один из центров древнего религиозного паломничества, Рокамадур. Здесь поклонялись знаменитой «Черной Мадонне» и Генрих Плантагенет, и Людовик Святой, и Филипп Красивый; здесь, по мнению знающих людей, располагался один из центров ушедшей в далекое прошлое «Средневековой христианской цивилизации». Отечество, прообразом которого для верующих является небесное отечество,

[413] Уэльбек М. Покорность. С. 166-167.
[414] Там же. С. 104, 167.

становится для француза иллюзией уже «в окопах Вердена в 1917» [415]. Но инерция этой идеи – и на земле (Франция), и на небе (католичество) настолько сильна, что атеист Франсуа переживает религиозный экстаз как само собой разумеющееся; а выход из этого состояния переживает как утрату («теряю контакт с ней»)[416]. Его религиозное чувство настолько сильно, что ему становится слегка неловко и он списывает свои переживания на голод, называя их «религиозной гипогликемией» и сетуя, что она явилась следствием отказа от своевременного употребления местного деликатеса – утиных ножек конфи.

Да и в целом реалистичность фантазии писателя такова, что Уэльбеку на полном серьезе предъявляют обвинения в мизантропии и исламофобии. Ответом на которые, кстати, являются размышления комментаторов о его «европофобии». Так, российский филолог Л.Ю. Стрельникова пишет о «деградации и неминуемом исчезновении европейского общества под воздействием продвигаемой глобалистской неолиберальной надгосударственной идеологии», выраженной «французским писателем-мизантропом М. Уэльбеком»[417]. Тем самым по мысли исследовательницы речь в романе идет не об исламофобии как таковой, а о закате Европы в ее современном гедонистическом состоянии, где «нет речи ни о какой созидательной деятельности». Действительно, нельзя не согласиться – романы М. Уэльбека особенно впечатляют своими оценками на фоне роста радикального исламизма, и особенно – во Франции[418].

Вместе с тем, нельзя и согласиться: вряд ли ответственность за этот рост можно возложить на одного писателя, пусть даже очень (допустим) неприятного и (допустим) очень популярного. Тем более, что в своем творчестве М. Уэльбек скорее констатирует опыт «смерти Бога», чем

[415] Там же. С. 152.
[416] Там же. С. 159
[417] Стрельникова Л.Ю. Постмодернистская антиутопия М. Уэльбека «Покорность»: последний духовный кризис европейского мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 71-77. С. 71.
[418] Мащенко А. П. «Закат Европы»: версия Мишеля Уэльбека // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 94-103. С. 96.

проклинает этого Бога или человека, утратившего веру. Для подтверждения этой гипотезы обратимся к сборнику стихов «Очертания последнего берега», выпущенных писателем после «возвращения в поэзию» в 2013 г. и опубликованных в русском переводе в одноименном сборнике[419].

М. Уэльбек пишет: «Вера дышит на ладан. / Некому нас поучать, / Некого нам почитать, / Ничто обернулось адом; / Скоро близких не станет рядом, / Дышит в затылок смерть»[420]. В стихотворении «Что это вокруг?....» он восклицает: «Пламенем залита / Ночь без берегов. / Где же врата рая? / И где искать богов?»[421]. И уточняет в стихотворении «Неспешно расползался мох…»: «Молитва вылилась в соборный / Богооставленности вздох»[422].

Вера, утраченная поколением, страной, миром воспринимается им как потеря, а не как возможность достояния: «Мой дом превратился в прах, / Мой жар, отпылав, зачах. / Я скоро дойду до точки / И съежусь до оболочки»[423].

Превращение в прах «дома» – не просто строения, а дома как *места* обитания тела и души в их единстве и постоянстве вдохновенного фаустовского поиска богов, – важная тема всего творчества французского писателя. В этом смысле Европа – именно дом, который опустел. Но не потому, что «понаехавшие» мигранты, которые только и берутся, что чинить разного рода «протечки», привезли с собой своих богов. Скорее наоборот. Эти «чужие» боги оказываются невосприимчивы к метаниям фаустовской души современного европейца; но оказываются достаточно «домовитыми», чтобы освоить пространство европейской культуры как свое собственное, сделать его вновь похожим на обжитый дом.

Тем самым М. Уэльбек ставит проблему, которую можно сопоставить с философской диагностикой Ф. Ницше: верно ли, что утрата духовной

---

[419] Уэльбек М. Очертания последнего берега : стихи : перевод с французского / Мишель Уэльбек. – М.: Издательство АСТ : CORPUS, 2016. 464 с.
[420] Там же. С. 354.
[421] Там же. С. 425.
[422] Там же. С. 442.
[423] Уэльбек М. Очертания последнего берега. С. 355.

пассионарности означает: опустевшее место непременно «займут другие»? Стоит отметить, что мысленный эксперимент, который поставил писатель, к 2015 г. (год опубликования «Покорности») отнюдь не был инновацией: еще в 2005 г. вышел нашумевший роман российской писательницы Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», имевший не менее выраженную отсылку к проблеме включения ислама в инокультурный контекст европейской политической реальности.

Стоит также обратить внимание на слова М. Уэльбека, сказанные им все в той же (последней на сегодняшний день) книге стихов: «… не могу – и, кажется, не смогу никогда, – заинтересоваться хоть какой-нибудь политической проблемой» («Вдали от счастья…»[424]). Тем самым подчеркивается: тема культуры, как и тема религиозной веры, не может быть сведена к «плоскостной» задаче решения той или иной проблемы, касающейся «внешнего» взаимодействия людей (хотя и эти проблемы надо как-то решать). Именно такой, предельно внешней, представляется ему политика; тогда как «домашняя», интимная, сторона духовного переживания – это трагически не подвластная одному лишь желанию человека готовность признать действительное существование чего-то, его превосходящего. «Оболочка», до которой низводится существование человека и культуры при отсутствии такого «внешнего референта» – сверхчеловеческого «я», – продолжает поиск «себя» в жалости и отчаянии одиночества. Рефрены творческого почерка писателя – жалость к старикам, которых общество выбрасывает на обочину жизни, и одиночество потерявшего любовь героя. Одиночество как антипод веры – состояние, которое Уэльбек называет «невыносимым», говоря, что «ни одно человеческое существо не в состоянии выжить в таком беспросветном одиночестве»[425]. Поиск человека при этом не может заменить поиск Бога, ведь Бог (а не человек: не важно – родители, возлюбленная или друг) – существо, отвечающее на вопрос об одиночестве

[424] Там же. С. 369.
[425] Уэльбек М. Серотонин. С. 142.

так, как это хотел бы услышать отчаявшийся рационалист (есть кто-то, кто выше и сильнее, «гарант», способный защитить человека от свободы и отчаяния). Отчаянная надежда на обретение такого антидота от одиночества становится своеобразным фокусом исканий Уэльбека. Возможно, не так уж случайно уже на первых страницах «Покорности» идет речь о Леоне Блуа[426] – авторе эпатажной концепции «одиночества Бога», из-за которого Он создает человека.

Произнося приговор христианской цивилизации как цивилизации богооставленности, Уэльбек идет несколько далее Ф. Ницше. Он не просто описывает дегуманизированный вектор цивилизационного развития цифрового общества в одной отдельно взятой Франции. М. Уэльбек ставит вопрос значительно острее. Значит ли наличие харизматичных лидеров в среде (например) ислама, что народы, его исповедующие, просто «не догнали» европейцев? Или же разветвление культурного разнообразия таково, что самодовольству разума действительно может быть противопоставлен другой тип знания, например вера? Или же политические формы современной Европы, гибко перестраивающиеся под любое этнорелигиозное «наполнение», открывают какое-то новое значение этой самой веры, соединяющей культуру, политику и здравый смысл в невозможном для современного европейца сочетании?

Эти и подобные вопросы, которые М. Уэльбек в своих произведениях выносит на публику и на которые дает ответы не столь однозначные, как может показаться на первый взгляд, позволяет отнести этого писателя к тем авторам, которые озабочены поиском смысла происходящего, каким бы архаичным такое занятие не представлялось «трезвым аналитикам». Таким образом предложенные М. Уэльбеком концептуальные модели существования религии в культурном пространстве Франции показывают неоднородность современной французской культуры и ее существенную зависимость от общественно значимых контекстов. В том числе,

[426] Уэльбек М. Покорность. С. 28-30.

политических. Вместе с тем, анализ альтернативных моделей концептуализации религиозного чувства и поведения, характерных для замкнутых религиозных сообществ иммигрантов, позволяют проследить процесс кристаллизации монолитной религиозно-политической среды. И не только как игровой антиутопии, но как вполне возможной реальности нового мира.

2.3. Франция – «европейский дом» в пространстве межкультурного взаимодействия: «эталоны» и «метиссаж»

Франция – страна развитой высокой культуры, ставшая «экспортером» созданных ею шедевров и своего образа жизни задолго до начала XXI века. Тем более интересно проследить, насколько развернуто используется «бренд» «единого европейского дома» в сложившихся практиках «экспорта» культурного бренда, а также насколько сильно аналитическое начало осмысления этого «бренда» в рамках самой французской культуры.

Своеобразная «эталонность» французской культуры – одна из ключевых черт этого бренда. Настолько существенная, что в исследовательской литературе утвердилась мысль о «доминировании» французской культуры (например, в бывших колониях[427]). Не удивительно, что французский язык, кристаллизующий не только «разменные» смыслы общения, но и укорененные в лексике и грамматике традиции, – *Lingua Franca* по отношению к ареалу распространения французской культуры (стоит заметить, что сам термин *Lingua Franca* представляет собой перевод на итальянский арабского выражения: франками арабы называли всех европейцев еще со времен крестовых походов). Межкультурная коммуникация, развертываясь в ареале распространения средиземноморской культуры, вывела этот термин на более широкий простор, обозначив им язык межкультурного общения.

[427] Зуева Е. Г., Соколов Г. Г. Исторический анализ и основные направления культурного доминирования Франции в Тунисе. – М.: РУДН, 2003. 86 с.

Для французской исследовательской традиции характерно использование термина «метиссаж» (*métissage*)[428], который считается рядом авторов более корректным по сравнению с распространенными в исследовательской литературе «биологизаторским» термином «культурная гибридизация»[429] и «педагогическим» термином «третья культура»[430].

Метиссаж вызван интенсивным *меж*культурным взаимодействием, ведущим к буквальному смешению (метисизации) культур[431], их частичному взаимопроникновению; что при определенных условиях не мешает сохранению яркой личной индивидуальности конкретного человека. В данном контексте заслуживают особого внимания позиция португальского исследователя Рикардо Виейры. По мнению Р. Виейры, метиссаж обусловлен изменениями идентификационных программ, которые в этом случае интерпретируются не в качестве «эссенциалистских», но в качестве «реляционных»[432]. «Культурные метаморфозы» индивидуальной идентичности обусловлены при этом как объективными социальными условиями, так и субъективными усилиями самосозидающей личности. Сочетание различных социокультурных контекстов с «метисной, наложенной или смещенной идентичностью в каждом контексте» создают условия для появления разных идентичностей в одних и тех же социокультурных условиях[433].

---

[428] Nouss A., Laplantine F. Le métissage: un exposé pour comprendre, un essai pour réfléchir. – Paris: Flammarion, 1997. 127 p.; Laplantine F., Nouss A. Métissages, de Arcimboldo à Zombi. – Montréal: Pauvert, 2001. 634 p.

[429] Canclini G. Culturas Híbridas: Estratégias para Entrar y Salir de la Modernidade. Mexico city, Mexico: Girijalbo. 1989. 391 p.; André J. Multiculturalidade, Identidades e Mestiçagem: O Diálogo Intercultural nas Ideias, na Política, nas Artes e na Religião. Coimbra, Portugal: Palimage, 2012. 306 p.

[430] Useem J., Useem R. H., Donoghue J. Men in the Middle of the Third Culture: The Roles of American and Non-Western People in Cross-Cultural Administration // Human Organization. 1963. 22 (3). P. 169-179; Bhabha H. K. The location of culture. – New-York: Routledge, 1994. 440 p.; Гончарова В. А. Гипотеза третьей культуры: презумпция стереотипа // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2011. № 15. С. 111-115.

[431] Колесник В. С. Конфликт ценностей в межцивилизационном диалоге // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1-2. С. 126-129; Дианова В. М. К построению теории межкультурного взаимодействия // Studia Culturae. 2013. № 18. С. 7-16; Матусевич Е. В. ««Метиссаж ценностей» как теория развития культурных систем в условиях глобализации / Диалог культур и перспективы социально-культурной глобализации в современном обществе. Сб. науч. ст. – Мн.: Белгосуниверситет, 2005. С. 38-44.

[432] Vieira R. Life stories, cultural métissage, and personal identities // SAGE Open. – 2014. Vol. 4. No 1. 1-12. https://doi.org/10.1177/2158244013517241 (дата обращения 28.12.2020).

[433] Ibid.

«Культурное», как и «социальное», не являются чисто внешними по отношению к персональному выбору, образовательным результатам и даже плодам художественного творчества. Они «проходят через субъект», пересоздавая его; отчасти избираются им и сознательно включаются в структуру личности. Здесь было бы уместно вспомнить рассуждения П. Бурдье о культурном капитале[434], важнейшую часть которого конденсирует образование. Напомним: культурный капитал, согласно П. Бурдье, – часть социального капитала, объединяющего «символические системы» как «структурирующие структуры». К ним относятся искусство, религия и язык[435], которые являются «инструментом господства». Культурный капитал является частью экономического капитала, поскольку включает в себя наработанное, приумноженное и приумножаемое поколениями в течение достаточно длительного периода жизни социума. Сюда относится и доступность образования, и уровень общей культуры, и готовность к саморазвитию как высший уровень индивидуальной инкультурации. Как всякий капитал, культурный капитал по своей «природе» нуждается в том, чтобы находиться в обращении, приумножаться.

Если продолжить мысль П. Бурдье применительно к теме миграции, окажется, что культурный капитал мигрантов в принимающей стране фактически «обнуляется». Или, по крайней мере, существенно обесценивается, особенно при отсутствии финансового капитала и экономических «излишков», позволяющих восстановить его значение. Исходная идентичность мигранта при погружении в среду принимающей культуры отчасти подавляется, отчасти маргинализируется. Однако по мере движения по пути к интеграции возникает ситуация обновления и переструктурирования исходной идентичности; возникают «сложные идентичности».

---

[434] Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдье. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. С. 14-48. С. 16.

[435] Бурдье П. О символической власти / П. Бурдье. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. С. 87–96. С. 88-91.

Примечательно: Р. Вийера выделяет «сложную» идентичность на примере ареала распространения французской культуры, уделяя особое внимание культурной идентичности «жителей бывшей французской колониальной империи». Здесь «сложная» («метисная») идентичность «технически» не-«французская»; она складывается как незапланированный заранее результат, обусловленный взаимным отталкиванием двух субъектов межкультурного взаимодействия при неизбежной «трансформации различий посредством диалога»[436]. При этом «культурная метаморфоза происходит за счет доступа к доминирующей культуре», что может привести к двум вариантам метиссажа: игнорированию и в конце концов забвению «культурного прошлого»; либо, напротив, «использованию богатств» исходной культуры. Оба варианта «усиливают культурный настрой на понимание жизни»[437] и оказывает глубокое влияние на развитие личности.

Отдельного внимания заслуживают исследования, посвященные культурного смешения, метиссизации, рассмотренной не только на материале иммиграции как таковой, но в контексте миграционных процессов, в которые вовлечены деятели культуры и искусства как носители и создатели новых смыслов. Важность этой темы трудно преуменьшить, поскольку сохранение культурной традиции всегда предполагает ее обновление, которое может происходить (и происходит) в том числе за счет притока мощных инокультурных влияний. Проблема таких влияний для Франции связана, с одной стороны, с осмыслением собственной эталонности в контексте современных требований политкорректности; с другой стороны – с достаточно жесткими требованиями по сохранению языка и культуры принимающей стороны. Если для иммигрантов, изучающих французский язык, эти требования являются исходным условием вхождения во французское общество, то с представителями творческих профессий дело обстоит несколько сложнее. Поэт, писатель, любой работающий со словом

[436] Vieira R. Life stories, cultural métissage, and personal identities // SAGE Open. – 2014. Vol. 4. No 1. 1-12. https://doi.org/10.1177/2158244013517241 (дата обращения 28.12.2020).
[437] Ibid.

или другим средством создания художественного образа инокультурный субъект при создании такого образа проецирует вовне свое лингвокультурное сознание. Это сознание не эквивалентно французской картине мира. Однако, оказываясь включенной в нее, такое произведение привлекает внимание аудитории, меняя тем самым *и ее*, аудитории, лингвокультутрное сознание. Яркие образы, созданные в рамках французской культуры творческими личностями «нефранцузского происхождения», оказывают колоссальное влияние и на саму французскую культуру, и на европейскую культуру в целом, привлекая широкое внимание ценителей прекрасного по всему земному шару. Обратная сторона медали – это распространение французской культуры в качестве эталонной, образцовой, – как в среде франкофонов, так и значительно шире. При этом, заметим, *франкофонная* среда не равна *франкофильской*. Тенденции отрицания достижений французской культуры и ее влияния на нативную культуру сегодня сильны не только в бывших колониях Франции, получивших самостоятельность в XX в. Однако даже беглого знакомства с историческими фактами достаточно, чтобы сделать вывод: утверждать отсутствие такого влияния на целый ряд регионов (включая Турцию, африканские и ближневосточные страны, Юго-Восточную Азию и даже Россию) можно лишь под влиянием идеологии, искажающей реальные исторические процессы[438].

Стоит отметить: во Франции культурный метиссаж[439]– явление далеко не новое, страна была признанной мировой столицей *культуры и искусства* задолго до объединения политических и экономических границ в XX веке. «Экспорт» из Франции мастеров архитектуры, живописи, а также «экспорт идей» выдающихся мыслителей своего времени стал особенно интенсивным

[438] Litova D. Louvre Abu-Dhabi or the Myth of Westernalism // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2020. Vol. 4. No 1(13). P. 194–200. https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-194-200

[439] Королев А. А. Концепт «европейский дом» в культуре Франции (на примере творчества М. Уэльбека) // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 1 (13). С. 139-149; Матусевич Е. В. Культурная идентификация как процесс: теоретические и методологические аспекты современных исследований. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2011.172 с.

во времена эпохи Просвещения. «Галантный» XVIII век подарил Европе и миру не только образ «французского парка» по образцу Версаля и многочисленные живописные подражания Н. Пуссену и А. Ватто. Именно из Франции Российская империя «получила» молодого архитектора итальянца Б. Растрелли, чей отец сначала состоял на службе у Людовика XIV, а затем был приглашен ко двору Екатерины II, поклонницы Вольтера и Д. Дидро. Французская Энциклопедия Дидро и его соратников породила институализацию самого феномена энциклопедии; также общеизвестно влияние теоретических воззрений Ж.-Ж. Руссо о специфике «общественного договора» и суверенитета, принадлежащего народу, на развитие «практической революционности» – сначала в Европе, а затем и во всем мире. Была и «встречная волна» – исход из Франции монархистов, нашедших приют в том числе и в России. Влияние французской эмиграции на культуру «принимающих» стран трудно переоценить – язык, поэзия и литература вошли в культурное сознание образованной части русской аристократии, чья родина стала домом для французской эмиграции «постреволюционной волны». Гувернеры и преподаватели Пушкинского Лицея, общественно значимые фигуры и канувшие в небытие обыватели; добросовестные трудяги и авантюристы, искавшие легкой наживы в «дикой чужой стране» [440], – все они оставили свой след, «вписав» с самосознание русской культуры мощный франкофильский импульс.

В XIX и XX вв. Франция остается «столицей культуры» для нескольких поколений поэтов, музыкантов, художников и просто артистических натур. Здесь работают выдающиеся деятели культуры, чья притягательность связана не только с возможностями передачи мастерства, но прежде всего с той атмосферой, которая царила в сердце Франции – Париже. Удивительная «легкость», которой в художественной литературе принято характеризовать этот город, нередко с успехом перекрывала отсутствие финансовых

[440] Веденина Л. Г. Франция и Россия: транскультурное и межъязыковое взаимодействие (XI – XXI вв.) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3. С. 65-74.

возможностей для решения бытовых проблем. Парижские улицы пишут русский художник К. Коровин и француз К. Моне; красоту заката над Сеной превозносят М. Волошин и Г. Аполлинер; «веселый Париж» воспевают оперетты Ж. Оффенбаха и Ф. Легара. Выдающиеся немцы – Генрих Гейне, Райнер Мария Ремарк, Герман Гессе по-своему «изобретают Париж»[441].

Отдельно стоит упомянуть русскую эмиграцию – философов, писателей, поэтов, художников и артистов всех направлений, от драмы до балета. Не только философы русского серебряного века, в том числе Николай Бердяев, свободно владевший французским языком – и обращавшийся при этом к услугам переводчика для подготовки французских изданий своих философских сочинений; но и писавший по-французски «русско-французский неогегельянец» (как именуют его справочники) Александр Кожев, ставший во второй трети XX века «мостом» между французской и немецкой философией[442], – перечислять русских обитателей «французского дома» можно очень долго.

На протяжении XIX и XX веков Франция оказалась духовно-интеллектуальным «домом» и для латиноамериканской творческой элиты[443]. Основатели «креольского движения» во французской литературе 1970-х годов – поэт Рафаэль Конфьян и романист Патрик Шамуазо с Мартиники – также неотделимы от культуры «большой» Франции[444]. Тогда же, в 1970-е гг. потрясла мир своими жанровыми песнями на кабо-вердинском креольском языке Сезария Эвора, жительница Кабо-Верде, которая нашла признание

---

[441] Володина Э. Немецкие изобретатели Парижа *DeutscheWelle (DW)*. 25.06.2018. URL: https://www.dw.com/ru/немецкие-изобретатели-парижа/a-44223565 (дата обращения: 23.03.2020).

[442] Эспань М. Иностранцы в Париже и культурный обмен. Пер. И. Левиной / Arzamas.academy. URL: https://arzamas.academy/materials/809 (дата обращения: 23.03.2020).

[443] Дарио Р. Иностранные писатели в Париже. Пер. с исп. Т.В. Балашовой // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 215–222; Гладощук А. В. Демон аналогии: Октавио Пас, Рубен Дарио и испаноамериканский модернизм между Америкой и Францией // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 186-195 DOI 10.22455/2541-7894-2017-2-186-195; Гладощук А. В. «Явление и явленное»: Октавио Пас в диалоге с Шарлем Бодлером // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 5. С. 164-173.

[444] Picanço L.C. Vers un concept de littérature nationale martiniquaise: évolution de la littérature martiniquaise au XXème siècle: une étude sur l'œuvre d'Aimé Césaire, Edouard Glissant, Patrick Chamoiseau et Raphaël Confiant. – NewYork: P. Lang, 2000. 131 p.; Levesque K. 2004. La créolité: entre tradition d'oraliture créole et tradition littéraire française. – Cap-Saint-Ignace, Québec: Éditions Nota bene. 191 p.

благодаря французскому продюсеру Жозе де Силве. Именно во Франции, в Париже началась мировая слава Сезарии.

В наши дни Франция стала родиной, *домом* в буквальном смысле, не только для «сантехников», обобщающих в романах Уэльбека образ «маленького человека», но и для множества творческих людей, чьи этнические корни простираются значительно шире Европы и чье призвание лежит в самых разных областях. Здесь живут и находят себя авторы и исполнители популярной музыки, артисты, кинорежиссеры, поэты и романисты, представляющих разные страны и народы. Современный Париж представляют певица Индила (Адила Седрая), чьи культурные корни включают в себя индийскую, камбоджийскую, алжирскую, египетскую и русскую составляющие; арабский поэт Адонис (Али Ахмад Саид Асбар); выдающийся иранский кинорежиссер Аббас Киаростами (скончался в Париже в 2016 году). С парижским «духом свободы» и иронии тесно связана творческая судьба венесуэльской художницы, кинорежиссера, сценариста и продюсера Марианы Рондон[445], как и творчество Мишеля Тома (М. Уэльбек). Напомним – Уэльбек родился на острове Реюньон, владении Франции в Индийском океане, затем воспитывавшегося у родственников со стороны матери в Алжире. Только в шесть лет Мишель попал во Францию, откуда в 1990-х гг. перебрался сначала в Ирландию, а потом в Испанию. Основанием для переезда пресса называла пресловутую «исламофобию» Уэльбека. При этом нельзя не отметить: публикация романа «Покорность»[446], ставшего для многих критиков апофеозом пресловутой уэльбековской «исламофобии», состоялась лишь в 2015 г.

Метиссаж как феномен культуры осмысливает в своих произведениях и французская писательница русского происхождения Натали Саррот, чье

---

[445] Кирилл Разлогов о фильме «Непослушные волосы» / Телеканал «Россия-Культура». URL:https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20904/episode_id/1149936/video_id/1112120/viewtype/picture/ (дата обращения: 23.03.2020).

[446] Моторина Т. Ислам как неизбежность / *Lenta.ru.* 25.01.2015. URL: https://lenta.ru/articles/2015/01/23/frislam/ (дата обращения: 23.03.2020).

исследования темы множественной идентичности в свою очередь вызывает интерес современных культурологов[447].

В целом рассмотрение темы французского «метиссажа», существенные черты которого концептуализирует понятие «европейский дом», имеет развернутое воплощение в литературе современной Франции. Что, как уже не раз отмечалось, позволяет проследить не только логико-понятийное, но и эмпирическое содержание данного понятия; выявить и описать противоречия между «общим» и «особенным» в жизни отдельных людей и целых народов в контексте процессов глобализации, евроинтеграции и технологической революции. Богатый материал для изучения этой темы дает и творчество Мишеля Уэльбека. Помимо описания и анализа проблем, способствующих, по его мнению, ускоренному разложению уникальных европейских культур (засилье евро и национальной (а не только евро-) бюрократии, разрушение сложившегося культурного уклада и стандартизация образа жизни), писатель поднимает более общий вопрос о причинах деформации самосознания современного человека. По его мнению, они коренятся не только в утрате/переосмыслении/политизации религиозных и нравственных ценностей, но и в более глубоких процессах развития «фаустовской души». Ее постепенная деперсонализация влечет за собой растерянность и слабость воли, переключая повседневное существование индивида в область симулятивного потребления. Симуляция разрушает эмоциональность, вызывает апатию, мешает создать устойчивые отношения с другими людьми. Уэльбек описывает тектонические сдвиги культурного бытия Франции, преломленные в трагическом изменении самосознания европейца, дом которого – «везде» и «нигде».

Глубочайшая связь эстетики и политики, рассмотренная сквозь призму культуры, стала предметом размышлений Уэльбека в таких произведениях,

[447] Кулагина О. А. Способы репрезентации двойственной культурной идентичнсости в творчестве Натали Саррот (на материале романа «Детство»») / Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы. Материалы Международной научно-практической конференции. 2020. С. 115-121.

как принесший Гонкуровскую премию роман-пасиш[448] «Карта и территория» (2010); роман «Элементарные частицы» (1998), или «камерный роман» «Серотонин» (2019), но и произведений, созданных в жанре «политической фантастики» – его нашумевшего бестселлера «Покорность» (2015). При этом концептуализация идеи «европейского дома» – не очевидная, но вполне допустимая интерпретация отдельных мыслей, высказанных Уэльбеком в художественно-образной форме.

Так, в романе «Элементарные частицы» он неоднократно говорит о «метафизических мутациях» – «то есть радикальных, глобальных изменениях картины мира у подавляющего большинства», в свое время описанных З Э. Гидденсом с помощью выражения «ускользающий мир»[449]. Описывая последовательную деградацию христианских идеалов и практик в сознании среднестатистического образованного француза, М. Уэльбек отмечает, что подобные «метафизические мутации» – явление редкое; но, возникнув, они продолжаются, пока не исчерпают весь свой потенциал. «При этом без малейшей оглядки сметаются экономические и политические системы, эстетические каноны, социальные иерархии. Никакая человеческая сила не остановит ее – такой силой может стать лишь новая метафизическая мутация»[450]. Став «полем для борьбы самолюбований»[451], буржуазное общество, с его глобальной экономикой и ожесточенной конкуренцией вступило в «цивилизацию развлечений»[452]. И хотя слабый «культурный фон» у этих процессов еще остается, европейский метанарратив (или, выражаясь словами Уэльбека, «христианская антропология») подошел к своему концу. Экстремумы этого конца, по мнению писателя, демонстрирует обвал ценности человеческой жизни, закрепленный в европейском праве: на заре жизни это аборт, на закате – эвтаназия. Секс, отделенный от функции

[448] Шейпак С. А. «Карта и территория» – роман-пастиш Мишеля Уэльбека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. 3 (14). С. 109-114.
[449] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. 120 с.
[450] Уэльбек М. Элементарные частицы. – М.: Иностранка, 2001. 415 с. С. 5-6.
[451] Там же. С. 51.
[452] Там же. С. 55.

размножения, превратился в принцип самоутверждения, скорее похожий на страсть к обогащению, чем на стремление (пусть даже вожделеющее) к другому человеку.

При этом «метафизическая мутация, породившая материализм и современную науку, имела два великих условия – рационализм и индивидуализм»[453], соединившие «ненависть и желание». Житель благополучной Европы как будто не способен больше испытывать удовольствие. Он испытывает желание, влекущее к страданию, которое буквально «пожирает человеческую жизнь». В духе неомарксизма и неофрейдизма Уэльбек проецирует экономические категории на физиологические истоки психических процессов: управляемое падения нормы прибыли коррелирует с управляемым падением нормы удовольствия[454], вызывая безумный никогда не насыщаемый голод – самодостаточную жажду удовольствия. Отдельность человеческого существования в этих условиях не может оформиться в *лицо*, индивидуализм подрывает саму «возможность человеческих отношений» – однако «только онтология сообщества способна возродить на практике возможность человеческих отношений»[455].

Коль скоро наука[456] и повседневный опыт, сводящийся к повторяющимся рутинным восприятиям, вытесняют религиозные ценности и подрывают основы всех традиционных религий, со временем становится очевидным, что европейскому обществу больше нет нужды в метафизике: «разве потребность в онтологии не была детской болезнью человечества?»[457]. Но ведь никакое общество не может «жить без религии», поэтому героям «Элементарных частиц», Брюно и Мишелю, постоянно приходится ходить по кругу, отчаянно пытаясь обрести утраченное. Это движение часто приводит их в опустелые дома их родителей, друзей и возлюбленных; рождает желание

[453] Там же. С. 131.
[454] Там же. С. 198.
[455] Уэльбек М. Элементарные частицы. С. 242.
[456] Там же. С. 132.
[457] Там же. С. 243.

убивать – себя и других, потому что «фундаментальная мутация» *одинаковости*[458] не оставила смысла ни своему, ни чужому дому. Дом, переживаемый в европейских языках как «освоенное пространство»[459] остается только воспоминанием, контуры которого постепенно утрачиваются сознанием. Но это опустевшее в душе «место» не перестает болеть, заставляя искать несуществующую полноту бытия, обретая все новые и новые ее суррогаты.

Особенно заметны эти метания в жизненной траектории героя романа Уэльбека «Серотонин», сделавшего замечательную карьеру высокооплачиваемого консультанта министерства сельского хозяйства Франции. Евро-унификация за короткие по историческим меркам сроки лет привела Францию к стандартизации и упрощению многих изначально сложных культурных практик, определявших не только ценностное самосознание европейцев в каждой «квартире» их общего дома, но и атмосферу свободы, некогда провозглашенной в качестве главной ценности этого дома. Сельское хозяйство, работа с «почвой», как нельзя лучше раскрывает суть этих изменений.

Так, общеевропейские стандарты качества сельскохозяйственной продукции[460], приведенные в соответствие с принципом единства, не только сделали невыгодным производство качественных вин, но и поставили Францию перед необходимостью конкурировать с дешёвым массовым производством США и Китая. Фермеры-одиночки, понятно, такую конкуренция не выдерживают. Уходят сельскохозяйственные традиции, а за ними – практики повседневности. Символом этих печальных процессов становятся «абрикосы Руссильона»[461] и нормандские сыры[462]. И хотя

---

[458] Там же. С. 253.
[459] Шляков А.В. Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (58). С. 219-222. С. 220.
[460] Стандарты качества сельскохозяйственных продуктов. Сельскохозяйственное право Европейского союза / Studme.org. URL: https://studme.org/188056/pravo/standarty_kachestva_selskohozyaystvennyh_produktov (дата обращения: 23.03.2020).
[461] Уэльбек М. Серотонин. С. 24.
[462] Там же. С. 101.

международные стандарты качества являются высокими и, по выражению аналитиков, «носят достаточно универсальный характер»[463], разница между нормами штучного производства и требованиями единого регламента нередко оказывается весьма чувствительной для французских производителей, тех, кто «хотел работать по старинке»[464] именно в силу *неотменимости без потерь* своей *культурно-исторической* составляющей. «Конец истории» Европы маячит призраками Древней Греции и Рима[465], проступающими сквозь описания бессмысленного разврата и отчаянного одиночества героев «Серотонина».

Возникает вопрос: быть может, виноваты китайцы? японцы? Или, быть может, американцы с их навязыванием глобальной экономики, пропитавшей жаргонными англицизмами даже священную для французов сферу их родного французского языка[466]? Очевидно, не все так просто. Не случайно «европейский дом» трактуется в романе Уэльбека «Покорность»[467] как неспособный «сохранить свои ценности, традиции, культуру»[468]. На фоне культурно-политической разрухи, где остриём выступает совсем не тема якобы захвата мигрантами чужого культурного пространства (напомним, сам Уэльбек в силу деталей его биографии только с очень большой натяжкой может быть противопоставлен «понаехавшим»), но тема «усталости» культуры и ее неготовности противостоять варваризации через массовизацию (неважно, с каким цветом волос или разрезом глаз приходит «массовый человек»; неважно, где он родился и где учился, – это важно только для не-массового человека) реальным противоядием от отчаяния остается только литература. Литература, которая согласно Уэльбеку, – «одно

---

[463] Бонюшко Н.А., Туманов К.М. Международные стандарты ИСО как основа обеспечения качества и конкурентоспособности продукции и услуг предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. 1 (71). С. 361-365. С. 365.

[464] Уэльбек М. Серотонин. С. 200.

[465] Там же. С. 100.

[466] Уэльбек М. Серотонин. С. 101-102.

[467] Здесь обыгрывается покорность Европы перед своим концом – переходом под доминирование мусульман («мусульманин» – от араб. مُسْلِمٌ – муслим, «покорный (Богу)»).

[468] Моторина Т. Ислам как неизбежность / Lenta.ru. 25.01.2015. URL: https://lenta.ru/articles/2015/01/23/frislam/ (дата обращения: 23.03.2020).

из главных искусств западной цивилизации», потому что способна пробудить «в нас чувство близости с другим человеческим разумом в его полном объеме, с его слабостями и величием, ограниченностью, суетностью, навязчивыми идеями и верованиями; со всем, что тревожит, интересует, будоражит и отвращает его»[469].

Современная наука открыта поиску новых подходов. С этой точки зрения союз философии, науки и литературы как образно-художественного переживание и последующий анализ вопросов, болезненных для индивидуального и/или коллективного сознания, оказывается неожиданно плодотворным[470], развиваясь в сторону «культурного поворота» современного знания. Уместный в данном случае метод культурологического анализа позволяет проследить актуальные подходы к оценке культурной динамики современной Европы на примере конкретных художественных произведений, отражающих поиски современным человеком смысла своего существования на фоне стремительных изменений глобального и локального масштаба. **Первое** из ключевых изменения данного типа можно связать с «проблемой человека», его идентичности; **второе** – с парадигмой «культурного ландшафта».

Тему утраты жильцами «европейского дома» своей идентичности, которая преимущественно региональна (со всеми достоинствами и издержками такого дробления), а вовсе не глобальна, продолжает семантика «культурного ландшафта», раскрытая в сочинениях Уэльбека с поразительной силой.

Напомним: проблематика «культурного ландшафта» связана с осмыслением территории не только в качестве географической реальности, но в качестве культурного пространства, то есть пространства, освоенного человеком. При этом теория культурного ландшафта, созданная в первой

---

[469] Уэльбек М. Покорность. С. 7.

[470] Силантьева М. В., Капилупи С. М. Экзистенциальный реализм в литературе, философии и культуре XIX – начала XX вв.: рецепция традиции (А. Мандзони, Ф. М. Достоевский и Н. А. Бердяев) // Ricerche slavistiche. 2015. № 13 (59). С. 129-152. С. 131.

половине XX века немецким географом Отто Шлютером и получившая развитие в «культурной географии» американского ученого К.О. Зауэра[471], оставаясь дискуссионной, выражает очевидный факт наличия антропогенного воздействия на Землю. Интересно, что российская версия «гуманитарной географии» как «географии человека» и «моделирования географических образов»[472] оказалась в прямой зависимости от «общей семантики» Альфреда Коржибски (1979 – 1950) – польско-американского исследователя, впервые использовавшего выражение «карта не есть территория» (напомним: «Карта и территория» – так называется роман М. Уэльбека, изданный в 2010 году и касающийся, помимо прочего, темы трудовой миграции в Европу).

Напомним: вопрос о соотношении карты и территории, поставленный Коржибски, – это вопрос о репрезентации реального объекта в сознании. В отличие от кантовского трансцендентализма с его разделением на феномены сознания и «ноуменальный мир» представляемых в сознании сущностей, ключевым в общей семантике является тема принципиального различия между означаемым и означающим (от древнегреческого σημαντικός – означающий). Карта с этой точки зрения – метафора территории, структура которой может как совпадать, так и отличаться от структуры территории[473]. То есть абстракция («карта») всегда принадлежит «другому миру», «по определению» не совпадающему с миром вещей («территория»); описание онтологически не совпадает с тем, что описывается. Для Коржбицки на первый план выступает таким образом «оценочная реакция», связанная с разделением объекта и абстракции и влияющая не только на сознание, но и на поведение субъекта.

---

[471] Carl Sauer on Culture and Landscape: Readings and Commentaries. 2009. Ed. by William M. Denevan and Kent Mathewson. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press. 458 p.

[472] Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

[473] Korzybski A. Collected Writings, 1920-1950. Collected and Arranged by M. Kendig. – New York: Institute of General Semantics, 1990. 915 p.

Осознанность абстрагирования, рассмотренного, прежде всего, как лингвистический феномен, – одна из приоритетных задач, которую ставит перед собой общая семантика. Отсюда идет ее интерес к выявлению *разницы* в способах означивания мира. Которые, если следовать призме «cultural turn», невозможно отделить не только от языка, но и от культуры.

Последняя тема как раз и занимает М. Уэльбека. Его произведения, та же «Карта и территория», не претендуют на строгость научной терминологии. Вместе с тем, именно в «Карте и территории» он фокусирует внимание читателя на предельных вопросах *различения* и одновременно неизбежности *взаимодействия* представителей различных культур. Вернемся к сюжету этого романа. Художник Джед оказывается 24 декабря, накануне Рождества, один на один с испортившимся водонагревателем. Фирма-монополист «Сантехник для всех», реклама которой сообщает клиентам, что ««Сантехник для всех вошел в третье тысячелетия с гордо поднятой головой», никак не реагирует на телефонные звонки отчаявшегося Джеда: не только комфорт благополучие, но даже элементарное выживание в джунглях мегаполиса не входит в интересы энергичных предпринимателей, создавших не только в сознании, но и в реальности образ «массового человека», которому абсолютно безразличны другие люди. Этот «массовый человек» скрывается в символе «европейский сантехник», высвечивая разные грани символизации и указывая – то на географическую, то на аксиологическую, то на экзистенциальную принадлежность.

Джед величает «Сантехника для всех» не иначе, как эпитетом «злополучный»: ни яркие «лейблы» престижного потребления, ни высокий уровень жизни «престижных» стран Западной Европы не могут решить самой простой человеческой проблемы – тепла. Тепло от водонагревателя становится в этом случае метафорой, обыгранной за счет включения в фабулу повествования такого действующего лица, как «хорватский водопроводчик». Так предметом художественного переосмысления в романе становится медийный образ «сантехника из Восточной Европы», который

продвигала французская пресса времен расширения евроинтеграции в качестве символа роста благосостояния французов, призывая их не бояться трудовой миграции. И в самом деле, Джед неожиданно для себя чувствует, что этот чужак его буквально «спасает», хотя Джед и не может (да и не хочет) быть обязанным ему больше, чем заплатив пятьдесят евро «без квитанции» (напомним: борьба с коррупцией – одна из постоянных тем, поднимаемых западными политиками в связи с проблемой демократизации «отсталых» стран):

«Хорват закончил работу и положил в карман причитающиеся ему пятьдесят евро. Он не предложил Джеду выписать счет, да тот на это и не рассчитывал. Не успел он выйти, как снова забарабанил в дверь. Джед высунулся узнать, в чем дело.

– Кстати, месье, – сказал хорват. – Поздравляю вас с Рождеством. Я только хотел поздравить вас с Рождеством.

– Ну да, – смущенно отозвался Джед. – Вас также»[474] .

Таким образом граница взаимного непонимания, неготовности и неумения выразить свои чувства, в том числе чувство благодарности, смещается из области абстрактного морализаторства в сферу реального поведения Джеда. Будучи творческим человеком, он способен создавать «продукты» творческого труда, однако главное поле творчества – поступок как *событие*, меняющее мир, – остается для него чем-то невозможным.

Оценка своего жизненного опыта, которую производит через свою внутреннюю речь Джед, по существу совпадает с задачей общей семантики, хотя, будем честны, в романе общая семантика ни разу не упомянута. Ироническое отношение героя Уэльбека к «общему европейскому дому», в котором царят – сантехники, в буквальном смысле *цивилизаторы* разной степени очеловеченности, ответственные за символ цивилизации – водопровод и канализацию, не отменяет тот факт, что этот дом уже существует, нравится это или нет кому-то из его жильцов. Условная

[474] Уэльбек М. Карта и территория. С. 15-16.

культурная маргинальность хорошо образованного представителя творческой профессии, живущего в Париже, ложится на чашу весов и уравновешивается социальной маргинальностью «хорватского водопроводчика»; культурное разнообразие в «общей Европе» стирается – не за счет «прихода чужаков», но прежде всего за счет тотальной невозможности человека выйти из своего эмпирического существования.

Глубокий экзистенциальный голод героев М. Уэльбека – наглядное тому подтверждение: «пещера», в которой пребывает человечество, не может преобразиться в «райский сад» только потому, что сомнительный рост благосостояния французов (или хотя бы возможность немного остановить разложение социальности в рамках ранее наработанной культурной модели) может быть решен за счет привлечения дешевой рабочей силы из Восточной Европы. Относительный порядок в «европейском доме» не достижим репрессивными мерами евро- или национальной бюрократии. Ни неоимперские усилия со стороны первой, ни вялое сопротивление и со стороны второй не могут стать питательной средой для поддержания культуры как способа существования Европы в духовном, а не организационном смысле этого понятия; обеспечить существование дома, – а не здания. Намёк на уют становится следствием точечных и в целом спонтанных интеракций единичных субъектов, утративших свои корни и оказавшихся один на один с «бездной» бытия.

Завершая культурологический анализ тезисов М. Уэльбека, который в образно-художественной форме раскрывает своеобразие концепта «европейский дом», стоит подчеркнуть: те выводы, которые писатель сделал относительно предмета своих экзистенциальных поисков, невозможно свести только к выделению и описанию ключевых противоречий современной культуры на материале жизни Франции и французов.

Однако помимо *эмпирического* описания происходящих в культуре процессов в сочинениях романиста возможно проследить определенный интерес к ключевой установке неомарксизма, стремящегося не только

объяснить, но и изменить мир. Здесь уместно обратиться к идеям **Алена Бадью**, француза, также родившегося вне пределов Франции, в Марокко, философа, составившего сегодня гордость французской культуры. Речь идет об инэстетике Бадью, провозгласившей «мирный договор между искусством и философией». Эти положения философии Бадью созвучны подходу выдающегося французского композитора и дирижера П. Булёза, уделявшего большое внимание социокультурному контексту и культурной традиции как условиям интерпретации художественного произведения[475] и самим своим творчеством подтвердившего нетривиальное участие французской литературы в создании этого контекста [476]. Так, еще в работе, изданной в 1963 г. с характерным названием «Думая о музыке сегодня», Булёз вслед за М. Фуко подчеркивает *роль мысли* в создании произведения искусства[477].

В свою очередь А. Бадью, развивая мысль о специфике художественного познания, обосновывает тезис, согласно которому искусство – то, что «забыли посчитать»; то, что не вошло в «бесконечную» энциклопедию Империи. Задача искусства, его «родовая процедура» – дать этим упущенным элементам *видимость*[478]. Таким образом происходит концептуализация нового понимания дома – это не просто пространство приватности, но такое место, в котором состоялись творческие усилия субъекта, создающего мир человека как мир культуры.

Образно-художественные искания М. Уэльбека продолжают эту традицию. Сквозь призму этих исканий Европа предстает не только как реальность тех или иных практик повседневности, но одновременно как 1) культура, само существование которой требует постоянного

---

[475] Булез П. Поэзия – центр и отсутствие – музыка // Ориентиры I. Воображать. Избранные статьи. Пер. Б. Скуратова. – М.: «Логос-Альтера», "Ecce homo", 2004. 200 с.; Булез П. Идея, реализация, ремесло // Homo musicus: Альманах музыкальной психологии. – М., 1994. С. 91-136.

[476] Петрусева Н. А. Пьер Булез. Эстетика и техника музыкальной композиции. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения / Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского. Москва. МГК им. П. И. Чайковского, 2003. 408 с. С. 33 и др.

[477] Boulez P. Penser la musique aujourd'hui – Paris: Gallimard, 1987. 167 p.

[478] Бадью А. Тезисы о современном искусстве / GiF.Ru. Информагентство «Культура», 2004. URL: http://www.gif.ru/themes/culture/chtodelat/badieu/ (дата обращения: 23.03.2020).

экзистенциального усилия, «строительства» дома, не гарантированного от неудач и провалов; 2) воображенное целое симуляции, постепенно вытесняющего саму идею культуры и подменяющего ее идеей новой мультикультурной империи, переживающей ценностный поворот на безусловный приоритет потребления материальных благ со всеми вытекающими отсюда последствиями, – на фоне исканий и личных переживаний одиночек, отраженных в их профессиональных траекториях, бытовых предпочтениях и трагизме личной судьбы.

В последнем случае построенный некогда дом подвергается косметическому ремонту, неспособному скрыть неостановимое ветшание. В первом случае речь идет о творчестве, во втором – о внешне похожей на него симуляции. При этом творчество отличается от симуляции *качественно*, а не количественно: место обитания человека зависит от самого человека, его способности героически преодолеть навязанные симулятивные формы существования. Такое преодоление выходит за границы объективированного жизненного «трека», настойчиво напоминая «герою нашего времени» о том, что он – «гражданин двух миров».

В этой связи не вызывает удивления тот факт, что героям Уэльбека парадоксальным образом «нет места» в современном «продвинутом» мире, хотя они, вроде бы, вполне состоялись в образовании и карьере, имеют впечатляющий материальный достаток и привлекательную внешность. Литература *дает место* их поискам, не обнуляя, но и не ставя во главу угла материальные достижения единой Европы. Ее политическое пространство оказывается при таком подходе не тождественным ни культурному пространству, ни системе ценностей, групповых и индивидуальных. А социокультурное пространство оказывается «зажатым» между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, «давлением» политической и социальной конъюнктуры; а с другой – «напором» развитой системы духовно-символических приоритетов. Возможность соединить эти противоречия требует, по мнению Уэльбека, высокого уровня личностной зрелости и

осознанной духовной и социальной солидарности. Уэльбек не дает рецепта «спасения» из этой экзистенциальной апории. Однако ответственно и честно ставит диагноз «духовной ситуации времени».

Таким образом, на основании изучения творчества М. Уэльбека можно предположить: культурный метиссаж в современной его форме не только способствует *смешению* языков, народов и культур, находящих воплощение в сдвигах реляционной идентичности. Как форма глобального взаимодействия, метиссаж связан с усилением влияния на творческую личность экономических и политических процессов. Стремление дистанцироваться от разрушительных тенденций унификации происходит на фоне переживания этой унификации как феномена повседневной культуры и быта. Художественное осмысление подобного опыта на материале метафоры Франции как «европейского дома» открывает двери, с одной стороны, радикальной критике происходящих здесь изменений; с другой – сама эта критика состоит в попытке понять происходящее. Поиск «своего места», «дома», – одна из распространенных тем художественного осмысления действительности. Как и тема *бездомности*, характерная для творческого мировидения многих художественно одаренных личностей, чьи поиски смысла определяли и определяют лицо французской, европейской и мировой культуры.

2.4. Культурологическое значение метафоры «дом» в творчестве М. Уэльбека: коммуникативный аспект

В рамках данного исследования представляется важным проследить становление и развитие феномена концептуальной метафоры «европейский дом» в творчестве Мишеля Уэльбека. Как было показано в предыдущих разделах диссертации, концепт «европейского дома» концентрирует в себе, помимо прочего, весьма дискуссионные положения, болезненно переживаемые сегодня европейским обществом. Художественная литература

в данной связи выступает посредником, способным поставить глубокий исследовательский вопрос[479] в предельно заостренной форме, обходя требования «политкорректности», нередко довольно жестко ограничивающие современное научное сообщество, несмотря на явно выраженный запрос на практико-ориентированные (и тем самым нередко имеющие дело с конфликтными или потенциально конфликтными ситуациями) исследования[480]. Здесь проявляется «обостренное чувство реализма»[481], свойственное той «программе познавательной деятельности», которую выработала культура на определенный момент времени [482] и которая стала частью той или иной «научной программы» в широком смысле слова.

Когнитивная метафора «дом» (*maison*), оформившаяся в творчестве Мишеля Уэльбека, представляет собой концептуализацию новейшего переструктурирования культурного пространства Европы в связи с процессами, которые в наши дни остро ставят вопрос о преемственности культуры. А также – вопрос о роли концептов, пригодных к политическому ангажементу, в структуре самосознания социальных групп и индивидуумов[483]. Актуальность обращения к данной теме диктуется не только общими рамками изучения глобальных трендов, связанных с информационной революцией и прочным вхождением новых технологий в повседневную культуру все большего числа людей, живущих на континенте. Не менее важным основанием является развернутый интерес научного сообщества к общественным настроениям, выражающим переживание *возможного обрыва* такой преемственности; а также его экзистенциальных, социально-психологических и политических последствий. Тем самым в

---

[479] Бадью А. Малое руководство по инэстетике. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 156 с. С. 95-128.

[480] Шестопал А. В., Коннов В. И. Культура, наука, дипломатия: перспективы практико-ориентированного подхода // Международные процессы. 2018. Т. 16. 3 (54). С. 214-224. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.13. С. 214-224.

[481] Додельцев Р. Ф. Введение в науку о науке: философия, психология и социология познания. В 3-х частях. Ч. 3. Культура, познание, личность. – М.: МГИМО-Университет, 2014. 208 с. С. 181.

[482] Додельцев Р. Ф. Введение в науку о наук. В 3-х частях. Ч. 2. Вселенная, жизнь, культура. – М.: МГИМО-Университет, 2010. 127 с. С. 161.

[483] Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 3. С. 346-360.

числе перспективных исследовательских проблем оказывается вопрос о переживании индивидом глобальных трансформаций культуры, способах выражения этих переживаний. И, что не менее важно с культурологической точки зрения, о путях их отражения в художественном творчестве: ведь искусство – та сама лаборатория, где, как в капле воды, находит свое отражение культурная динамика эпохи; и где, вместе с тем, эта культурная динамика формируется[484].

Обращение к проблеме преемственности культуры осуществляется сквозь призму различных понятий, обрабатывающих определенные концептуальные решения. В их числе особое место занимает *историческая память*[485]. Отдельного внимания заслуживают исследования культурной преемственности как *трансляции ценностей*[486] в условиях тотальной информатизации[487], а также выявление специфики данного понятия в соотношении с понятиями *культурная память* и *традиции*[488].

Проблема преемственности культуры тесно сопряжена также с темой модернизации, рассмотренной в том числе как радикальная трансформация, то есть слом культурной традиции[489]. Иную точку зрения обосновывают авторы, полагающие, что обновление культуры сочетает как ее преемственность, так и обрывы преемственности, то есть *кризисы*[490]. Особое

---

[484] Хренов Н. А. Искусство в исторической динамике культуры. Электронное издание. – М.: ООО «Издательство «Согласие», 2015. 752 с. С. 206-210.

[485] Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Офуз, Ж. Де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. 333с.

[486] Агапова В. Н. К вопросу о культурных ценностях и способах их передачи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 107-114.

[487] Прокудин Д. Е. Проблема культурной преемственности в условиях тотальной информатизации / Философия Российской государственности: история и современность. К 1150-летию Российской государственности. Коллективная монография в двух томах. Под общей редакцией С. И. Дудника, А. Х. Даудова, И. Д. Осипова. – СПб., 2013. С. 324-332.

[488] Первушина О. В. Культурная преемственность, культурная память и традиции: соотношение понятий как культурологическая проблема / Художественная культура в контексте современности. Сборник научных статей. – Барнаул, 2014. С. 7-18.

[489] Хобсбаум Э. Изобретение традиции // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62; Вассерман Ю. М. Социокультурная модернизация и человеческий потенциал / Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 81-85.

[490] Углинская Н. А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? // Kant. 2020. № 3 (36). С. 191-195; Тарасов А. Н., Лукьянчиков В. И. Смысловые векторы социокультурных трансформаций: культурфилософский анализ // Культура и искусство. 2020. № 8. С. 56-66.

место в данном контексте занимает тема *конструирования культурной идентичности*[491].

Анализ конкретных приемов художественного (и в частности, литературного) творчества позволяет проследить ключевые для индивида звенья культурных трансформаций; выделить их аспекты, наиболее существенные в собственно культурологическом, антропологическом и аксиологическом смыслах. Одним из наиболее перспективных с этой точки зрения можно считать рассмотрение такого приема, как метафора. Выявление метафор в качестве образов, использующих аналогию вещей, далеких друг от друга в предметном и семиотическом смысле, позволяет выявить «новые смыслы»[492]; установить структурное подобие не только самих вещей, но и их восприятий; провести параллель между динамикой развития процессов сознания и вещей объективного мира.

Высоким эвристическим потенциалом для культурологии этой точки зрения обладает оформившаяся в 1980-е гг. когнитивная теория метафоры М. Джонсона и Д. Лакоффа, утверждающая специфику образного представления действительности в сознании индивида: с ее помощью «более абстрактное» интерпретируется по аналогии с «более конкретным». Согласно этой теории, за счет метафоры «происходит концептуализация целых областей культуры»; «концептуальные метафоры» закрепляют в языковом сознании культурные традиции, создавая сеть «согласованных концептуальных структур» – «когнитивную модель»[493]: ведь «большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична»[494].

Метафора структурирует нарратив, задающий историко-культурный контекст[495]; именно этой «трансцендентальной» силой «присвоения»

---

[491] Мурзина И. Я. Коммеморативные практики в образовании и конструирование культурной идентичности // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3. С. 81-86.
[492] Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. С. 169-176.
[493] Баранов А. Н. Предисловие редактора / Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. С. 10-11.
[494] Там же. С. 25.
[495] Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев – М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с. С. 81-85

действительности метафора «предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной»[496]. Концептуализация действительности[497] позволяет обновлять системы образов[498]. Теория концептуальной метафоры, пройдя серьезный путь развития[499], подошла к анализу культурных контекстов прошлого (исторических нарративов)[500] и настоящего (дискурсов)[501].

В последнем случае речь может идти как о появлении «новых смыслов», так и о зарождении основанных на них новых дискурсивных практик. Последнее имеет место, например, в случае, когда медиа тиражируют суждения известного писателя, касающиеся злободневных вопросов общественной жизни. Мишель Уэльбек, как было показано выше, – один из таких писателей. Произведения Уэльбека позволяют подобрать ключ к пониманию социальных катаклизмов, основанных на неоднозначности «персональных выборов» его героев: несмотря на снижение роли творческой личности в принятии социально значимых решений на уровне политики, он констатирует рост ее влияния в рамках деятельности медиа.

Однако политические проекции деконструкции М. Уэльбеком лозунга европейского единства – далеко не самая существенная сторона культурного значения его творчества. Мишеля Уэльбека можно отнести к одному из первых авторов, выделивших вопрос об «общем европейском доме» в качестве одного из центральных вопросов не политики, а ***культуры***. Поставленный в художественно-образной концептуально-метафорической

---

[496] Там же. С. 85.

[497] Кондакова И. А. О традиции понимания метафоры как феномена мышления // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 87-90; Соснин А. В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1-1. С. 156-163.

[498] Дехнич О. В. Когнитивное моделирование и теория метафоры в современной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 65-68.

[499] Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. № 46. С. 76-101.

[500] Некрасова М. Ю. Концептуальная метафора «война – ненастье (буря)» в британском газетном дискурсе середины XIX века // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 676-679.

[501] Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

форме, этот вопрос позволяет сконцентрировать внимание на особенностях самосознания современного европейца в поисках «ключа» его идентичности и/или самопонимания в аспекте **негативные переживания субъектом угрозы обрыва культурной традиции, унификации образа жизни и кризиса ценностей.** При этом, по мнению французского исследователя О. Белланнжера, М. Уэльбек, анализируя самые темные стороны существования современного человека и общества, идет не по пути смакования мрачных сторон повседневного существования, но по пути «литературного искупления»[502]. И в самом деле: описывая руинирование «деревенского дома»[503] или даже «замка» с прилегающими землями[504] и выхолащивание культурных смыслов городских башен-многоэтажек (*tour*)[505], наводящих на мысль о той самой птицефабрике (*élevage industriel de poules*, «промышленное выращивание куриц»)[506], писатель открывает читателю возможность переосмыслить настоящее с позиций литературного героя, переживающего чувство «ужаса»[507] и «отвращения»[508].

Именно поэтому трудно согласиться с теми критиками, которые оценивают творческое credo Уэльбека как «меланхолический реализм»[509] , «гиперреализм», возвращающий литературу к реальности[510], «депрессивный реализм»[511]; и тем более «постмодернистское варварство»[512]. Обращаясь к

---

[502] Bellanger A. Houellebecq, écrivain romantique, Paris: Léo Scheer, 2010. 299 p. P. 5-17.
[503] Уэльбек М. Серотонин. С. 103-104.
[504] Там же. С. 199-205.
[505] Там же. С. 80.
[506] Там же. С. 150-152.
[507] Уэльбек М. Серотонин. С. 150, 174.
[508] Там же. С. 25, 144.
[509] Harris A. Michel Houellebecq's Transmedial Oeuvre: Extension of the Realm of Creative Intervention // Ltinéraires. Littérature, textes, cultures. 2017. No 2. URL: https://journals.openedition.org/itineraires/3441 (accessed 30.10.2020). P. 10.
[510] Мозгова Т. А. Поэтика гиперреалистического романа Мишеля Уэльбека и Фредерика Бегбедера // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2008. № 1. С. 17-21. С. 17.
[511] Jeffery B. Anti-Matter: Michel Houellebecq and Depressive Realism. Winchester (UK) – Washington (USA): John Hunt Publishing, 2011. 95 p. P. 1-4.
[512] Redonnet M. La barbarie postmoderne // Art press. 1999. URL: https://lmsi.net/La-barbarie-postmoderne (дата обращения 09.11.2020); Пахсарьян Н. Т. Современный французский роман на путях преодоления эстетического кризиса / Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX-XXI вв.). Сб. науч. тр. Сер. «Теория и история литературоведения». Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; Редкол.: Соколова Е. В. (отв. ред. и сост.), Пахсарьян Н. Т. (сост.). – М.: 2006. С. 8-42.

темам телесности[513], раскрывая «подполье» современного человека через метафору «дома»-тюрьмы[514] в его наиболее интимных (и в этом смысле предельно искренних) проявлениях, Уэльбек наследует традиции Бодлера и Достоевского. И вместе с тем переносит метафору «дома» не только на деревню или город, страну или континент, – но и на человека («с появлением Камиллы у меня создалось ощущение, что я действительно дома»[515]), испытывающего чувство одиночества и бесприютности[516] .

Глубина метафорического мышления Уэльбека прослеживается в культурологической, по сути, повестке созданных им произведений: романов, публицистики, стихотворного наследия. Сочинения, в разных ракурсах затрагивающие тему культурной трансформации, прослеживают нюансы переживаний «рядового» представителя современной французской культуры; наряду с обсуждением новейших культурных трансформаций ставят вопрос о влиянии таких трансформаций на ценностные поиски, персональный выбор и, в конечном итоге, судьбу современного «маленького человека».

Этот «маленький человек», литературный герой Уэльбека, представляет, как правило, востребованные сегодня профессии, связанные с модернизацией производства (и особенно – сельского хозяйства). Нередко он хорошо образован и даже занимает достаточно высокий пост. Здесь есть аналитик-программист («Расширение пространства борьбы», 1994), специалист в области развития сельского хозяйства («Серотонин», 2019), писатель («Карта и территория», 2010; «Враги общества», 2008), преподаватель университета («Покорность», 2015), комик («Возможность острова», 2005) и т.п. Однако ни в одном случае герой не может повлиять ни

С. 14; Суслова И. В. Метапрозаическое начало в романе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4. С. 242-248.

[513] Dumas I. Gouffre humain: représentation de la sexualité chez Houellebecq : Dans le cadre du programme de Maîtrise en lettres En vue de l'obtention du grade de Maître ès arts / Université du Québec à Rimouski. Rimouski, 2013. 195 p. URL: http://semaphore.uqar.ca/id/eprint/948/1/Isabelle_Dumas_janvier2013.pdf (accessed 20.10.2020).

[514] Уэльбек М. Серотонин. С. 49-50.

[515] Уэльбек М. Серотонин. С. 154-155.

[516] Там же. С. 142, 156.

на что, существенное для него лично[517], поскольку образ жизни современного европейца не может быть предметом его персонального выбора. «Маленьким» человеком, таким образом, герой М. Уэльбека становится из-за особого переживания чувства свободы – как «пустоты» и «мифа»[518].

При этом нельзя не согласиться с исследователями, подчеркивающими разницу между литературным героем и авторским «я» М. Уэльбека[519]: его герои непосредственно переживают происходящее, тогда как сам писатель постоянно «вписывает» эти переживания в широкий контекст литературно-художественных и философских дискуссий. Перечень авторов, на которых ориентированы герои его произведений, может показаться самодостаточным – но лишь в рамках одного произведения. «На книжных полках» в домах его героев оказываются Прудон, Сен-Симон и Шопенгауэр; Паскаль, Ницше и Бодлер; Гюисмас, Кафка и Кант. Очевидно, что такие странные параллели не следует сводить к «багажу», определившему «депрессивные» (Бен Джеффри) или, напротив, «романтические» (Ольвьер Белланнжер) предпочтения французского романиста. Его собственная эрудиция и в философии, и в литературе много шире[520]. Скорее можно предположить, что перечень известных мыслителей призван «запустить» ассоциативный ряд читателя, включить его в контекст размышлений о смысле бытия, поисках самого себя и судьбах европейской культуры. Тем самым концептуализация распространяется на значительно более широкое культурное поле. В ней принимает участие не только писатель, но и его читатель. Примечательно: анализируя медийную активность – даже не столько самого М. Уэльбека, сколько созданных им образов, – Эшли Харрис подчеркивает «убывание автономии литературного поля», ставшего вторичным по отношению к медиа

[517] Там же. С. 56.
[518] Уэльбек М. Очертания последнего берега. С. 288
[519] Michel Houellebecq sous la loupe. Amsterdam – New York: Editions Rodopi B.V. 2007. 405 p. P. 249.
[520] Michel Houellebecq sous la loupe. P. 93-108.

и «новым технологиям цифровой эпохи» [521]. Эти технологии до предела свертывают интимное чувство самости, постепенно вытесняя его на периферию сознания и замещая навязанными извне имиджами.

«Прозрачность» информационного общества делает стены *дома* «прозрачными»: то, как ты живешь, то, кто ты, кто твои друзья, враги; что ты ешь на завтрак; каковы твои слабости и дурные привычки, – все это становится предметом, доступным любому любопытному; разнообразит формы внешнего контроля, поощрения и наказания. Постепенно человек теряет интерес к самому себе, приобретает «астению чувств»[522]: дом как пространство приватности перестает существовать, личное становится общественным в самом прямом смысле этого слова. Сам человек как личность при этом теряется «за» взаимозаменимыми социальными функциями. То же самое происходит и с отдельными городами, и с отдельными местностями, и с отдельными странами.

Представленная в произведениях Уэльбека «старая» и «новая» Франция в контексте метафор *дома* высвечивает проблему *возможного обрыва преемственности* французской культуры под влиянием процессов глобализации, информатизации и тех глубоких антропологических изменений, которые явились их следствием. «Новые идентичности», о который при этом идет речь, – повседневная реальность не только Франции и даже не только Европы[523]. Не связывая их однозначно со страновым показателем[524], многие исследователи подчеркивают процессуальный

---

[521] Harris A. Michel Houellebecq's Transmedial Oeuvre: Extension of the Realm of Creative Intervention // Ltinéraires. Littérature, textes, cultures. 2017. No 2. URL: https://journals.openedition.org/itineraires/3441 (accessed 30.10.2020). P. 10.

[522] Уэльбек М. Серотонин. С. 124.

[523] Серебрякова С. В. Научное осмысление понятия «европейская идентичность» в современном общеевропейском контексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 213-218; Бушев А.Б. Медиаисследования дискурса европейской идентичности // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 95-100.

[524] Байков А. А. «Сообщества идентичности» в условиях межстрановой интеграции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/Baykov_Identity-Communities/.(lfnf (дата обращения 27.05.2020).

характер идентичности как фактора новой реальности современного быстро меняющегося мира[525].

В контексте разговора о «новой идентичности» метафора *дома* весьма показательна: человек как житель дома воспринимается прежде всего в контексте повседневности, а не с точки зрения официальной регламентации. Для авторской позиции Уэльбека критически важно, что, ведя речь о «новой идентичности», он не стремится разрушить «старую» и не создает «новую» идентичность как старую или новую *идеологии*.

Идеологиям в романах Уэльбека противостоят *образы*, вырвавшиеся на свободу в сознании «маленького человека». Герои Уэльбека дистанцируются от идеологии «новой идентичности» («Европа – наш общий дом») прежде всего потому, что это – идеология. Ее существование не ставится под сомнение: разумеется, вопрос о том, кто же такой современный француз, лежит не только в культурной, но и в политико-идеологической плоскости. Однако для Уэльбека это вовсе не значит, что «малозаметная» культурная плоскость, «бессильная» с точки зрения административных рычагов и финансовых механизмов «власти Брюсселя»[526], может быть признана ничтожной.

Вопрос о том, кто такой «французский европеец»[527], видится героями М. Уэльбека сквозь призму этнического, расового, экономического, собирая эти крайности в объемное видение проблемы с разных точек зрения. В самом деле, примитивная идеология европоцентризма, представляющая европейца как белого молодого мужчину с хорошим уровнем дохода, для которого соподчинение локального, национального и общеевропейского уровня идентичности как минимум ушло в прошлое (а может быть, так и осталось не

---

[525] Матусевич Е. В. Процессуальность идентичности: конвенциональная и неконвенциональная аргументация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 68-71. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/2/Matusevich_Procedurality-of-Identity/ (дата обращения 27.05.2020).

[526] Уэльбек М. Серотонин. С. 160.

[527] Уэльбек М. Серотонин. С. 213-218; Медушевский Н. А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интегративного процесса // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 167-174; Перская В. В. Европейские ценности или национальные интересы? // Экономические аспекты Брекзита. Сер. «Доклады Института Европы». – М.: Институт Европы РАН, 2017. С. 89-98.

дошедшей до практического воплощения теоретической конструкцией). И хотя с точки зрения формального права европеец сегодня – это прежде всего гражданин европейской страны[528], на деле ответ этот вопрос далеко не так однозначен, как можно было бы предполагать, недаром тема европейской идентичности так активно обсуждается самими евроепйцами. В частности, для Франции нюансы интерпретации идентичности связаны, как уже упоминалось, с лингвокультурными особенностями истолкования слова «nationalité», которое означает здесь «гражданство» (а не этническую принадлежность).

Герои М. Уэльбека выражают свое отношение к культурной гомогенности, размышляя о «клетушках» городских домов и номеров отелей[529], своей теснотой заставляющих вспомнить семантике «ада, созданного людьми по своему вкусу»[530].

Те же герои мечутся по Франции («Расширение пространства борьбы», «Карта и территория»), по Парижу («Покорность»), по Франции и миру («Элементарные частицы», «Серотонин»). Их домом становятся временные пристанища: жилища друзей, бывших подруг, родителей; общежития и гостиницы; маленькие отели и грандиозные элитные многоэтажки. Небольшие деревенские домики, уютные и обжитые, неожиданно оказываются только *метафорой дома*: их хозяева, сдающие внаем некогда обжитое пространство, здесь больше не живут. И хотя внешне все выглядит вполне благополучно, иррациональное чувство пустоты и обреченности не покидает поселившегося в них на время героя. И, как вскоре оказывается, не случайно: дети жившего здесь милого старика продают дом за долги, даже не поставив в известность владельца. Которому, к тому же, в силу возраста и усталости от жизни в общем-то нет дела до судьбы родного очага.

Тем самым *дом* приобретает новый смысл: обесценивания и спекуляции, появления равнодушия, чувства *чужеродности*. Не нужно

[528] Pukallus S. Representations of European Citizenship since 1951. – London: Springer, 2016 г. 281 p.
[529] Уэльбек М. Серотонин. С. 79.
[530] Там же. С. 40.

прикладывать много сил для того, чтобы увидеть в этой метафоре буквальную проекцию проблемы миграции. Вместе с тем, не стоит сводить смысл метафоры к ее буквальному прочтению. С этой точки зрения весьма примечательным сочинением М. Уэльбека является «Покорность», который обычно представляют читателю как роман-фантазию о победе на всеобщих выборах во Франции в 2022 г. партии политического ислама. Это – не просто политический триллер в духе дешевого популизма. Это – дерзкая и ироничная концептуализация *дома*, развернутая до логического предела: если *все уйдут* – кто придет? Иными словами, если продолжится «остывание очага» и европейцы не найдут в себе силы «не рвать связь времен», – так ли существенно, кто поселится в руинах «старой» культуры.

«Особенный» «европеизм» французов настойчиво дает о себе знать в категорическом противопоставлении политического и культурного контекстов. Так, в процессе развития отношений Франции с другими странами речь идет *в том числе* о «децентрализованном культурном сотрудничестве»[531] и взаимодействии «в неполитическом контексте»[532]. С другой стороны, акцентирование разрыва между «культурным» и «политическим» – именно концептуализация, а не реальность: на деле исследователи фиксируют рост темпов политизации темы культурного сотрудничества (например, во французских медиа)[533].

Исследование текстов М. Уэльбека показывает, что опустошенность «дома» за счет вытеснения ассоциативных связей с очагом («холод») и замещения предиката «домашнее» предикатами «европейское», «американское» и «глобальное», вызывает к жизни активные образы конфронтации с новым порядком: «старая Франция» безнадежно ушла в

---

[531] Спиридонов П. А. Предпосылки развития децентрализованного культурного сотрудничества между Францией и постсоветской Россией // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2 (35). С. 159-161.

[532] Baisnée O., Smith A. Pour une sociologie de l'apolitique: acteurs, interactions et représentations au cœur du gouvernement de l'Union européenne / *in* A. Cohen, B. Lacroix et P. Riutort (dir.). Les Formes de l'activité politique. Éléments d'analyse sociologique (XVIIIe-XXe siècles). – Paris: PUF, 2006. P. 335-354.

[533] Weisbein J. Vers un agenda de recherche sur les politisations ordinaires au sein de la sociologie politique française À propos de L'ordinaire du politique: enquêtes sur les rapports profanes au politique, dirigé par François Buton, Patrick Lehingue, Nicolas Mariot et Sabine Rozier // Politix. 2017. No 119. P. 147-160.

прошлое, хотя бы потому, что со стариками «общество обращается как с отбросами»[534]; «новая» Франция вызывает чувство отчаяния, ужас и безнадежность. Тем самым «слабая» в политическом смысле позиция «маленького человека» неожиданно оказывается тем локомотивом, которые методом прямого действия способен повлиять на слаженную работу структурированной местной, национальной и глобальной бюрократии. А борьба за «свой дом» способна стать источником альтернативной гражданской активности, учитывать которую необходимо при выработке не только культурной, но и социальной политики.

Итак, рассмотрение культурологического потенциала концептуальной метафоры «европейский дом» показывает ее высокую востребованность в разных контекстах, от идеологического и организационного до персонального и художественного.

Очевидно, что «европейский дом» в контексте современной европейской культуры понимается по-разному. Во-первых, как общее пространство обитания разных народов и рас на территории Европы; ценностное единство, позволяющее соединиться (правда, в строго очерченных границах Евросоюза, пусть и с перспективой поэтапного расширения) всем «людям доброй воли», то есть носителям идей «общего рынка», «прав человека» и «правового государства». С этой точки зрения формальная гражданская принадлежность к тому или иному государству Евросоюза автоматически *должна* обуславливать (но обуславливает ли?) культурную принадлежность: если человек «культурно» европеец – не важен ни цвет его кожи, ни то, как он ест и молится. В любом случае, принятие «Европы» означает интеграцию в принятую ею систему ценностей, даже самое большое разнообразие нюансов частных выборов будет при этом представлять лишь небольшую флуктуацию оттенков общих норм и правил. В этом смысле «европейский дом» – это прежде всего объединенная Европа

[534] Уэльбек М. Возможность острова: роман / Мишель Уэльбек: пер. с фр. И. Стаф. – М.: «Азбука-Аттикус», Иностранка, 2014. 448 с. С. 80.

со всем набором соответствующих идей и практик, противостоящих «Аргентине», «китайцам» или «США» (именно таким набором противопоставлений пронизан последний на сегодняшний день роман М. Уэльбека «Серотонин». Данную модель продвигают европейские организации, она укореняется в качестве доминирующей идеологии во внутриполитическом и внешнеполитическом смыслах.

На эту расширительную трактовку в сочинениях М. Уэльбека накладывается другая, не менее очевидная: «европейский дом» – это *мой* европейский дом, моя страна, мой народ, моя культура. В конце концов, я сам, моя осознанная идентичность и культурная принадлежность. Именно эту модель пытаются осмыслить герои М. Уэльбека, когда обращаются к анализу происходящих общественных трансформаций, связанных с дегуманизацией культурных процессов единой Европы, обрывом социальных лифтов, детерриторизаций культурного пространства ее городов и в конечном итоге деанропологизации всего образа жизни современного общества, постепенно переходящего во власть информационных технологий. Эта модель позволяет выявить персональные особенности переживания кризиса культуры, через который проходит современное человечество, на примере «европейского дома» как одной отдельно взятой страны – Франции.

И наконец, «европейский дом» – это метафора пустоты, которую переживает творческая личность; метафора, которая отражает поиск Другого как символ несводимости жизни к границам, предписанным любым из возможных предписаний.

Обращение к сопоставлению названных выше моделей, выявленных на примере творчества М. Уэльбека, позволило выделить несколько типов концептуализации «европейского дома» в его творчестве и ранжировать их по мере потери свободы живущим в нем человеком.

1. Опустевший дом детства – оставленный обитателями, или доживающий свои последние дни островок уюта, от которого остается все меньше и меньше, поскольку некому и незачем поддерживать в нем жизнь;

2. Гостиница – место, в котором чрезвычайно тесно и неуютно, но можно переждать какое-то время, которое необходимо «протянуть» до принятия необходимого решения;

3. Домик-времянка (бунгало, гостевой домик) – построенный с целью получения прибыли и неспособная решить ни одну из существенных проблем;

4. Дом-клетка – городское детерриторизированное пространство, в которое помещен человек-потребитель; он делает человека рабом бытового комфорта, но ломается так же легко, как и души живущих в нем;

5. Птицефабрика/тюрьма – тотальная несобода, где «невозможное существование» имеет одну цель – «убой» во имя непонятных живущим здесь целей.

Разумеется, было бы неверным слишком буквально интерпретировать эти образы как прямое выражение отношения писателя к Европе, европейской культуре, Франции или человечеству в целом. Предложенные им аллюзии заставляют задуматься о внутреннем состоянии субъекта, столкнувшегося с реалиями современного кризиса и все еще способного задавать честные вопросы и пытаться искать на них ответы. Тем самым парадоксы единого культурного пространства Европы переводятся во внутренний план.

Данная особенность художественного освоения действительности, с одной стороны, заряжена огромным эмоциональным потенциалом – несмотря на то, что писатель сознательно дистанцируется от проявления слишком ярких эмоций (кроме, пожалуй, ужаса и отвращения). С другой стороны, именно эмоциональность делает человека человеком, в отличие от «машины желаний» способным ставить перед собой несбыточные цели и стремиться к их достижению несмотря ни на что. Раскрытие потенциала такого стремления в политическом, религиозном и гуманитарном аспектах позволяет проследить конкретные пути обретения современной Францией своей обновленной идентичности. А также показать, почему ее идентичность

никогда не совпадет полностью ни с образом Европы, ни с определенной религией или политической партией.

Выявленные особенности концептуализации образа «европейского дома» в культуре и литературе Франции 1990-х – 2010-х гг. на материале творчества М. Уэльбека позволяет определить границы возможного принятия себя европейцами, переживающими кризис идентичности в условиях культурной трансформации. Построение комплексной модели такой концептуализации с учетом ее «обновлений» прикладного характера (связанных с политической реальностью и раскрывающихся в практике осознания культурных символов на материале художественных образов) может помочь в уточнении ценностного содержания современных социокультурных трансформаций, а также определения перспектив культурной политики в измерении «гражданской дипломатии». Ведь ее элементом можно считать не только книги М. Уэльбека, но тот вклад в развитие литературно-художественного и литературно-философского метода осмысления действительности, который еще только начинает осмысливаться его современниками.

Выводы по второй главе.

«Бренд» Евросоюза, в продвижении которого Франция и в настоящее время играет заметную роль, при анализе сквозь призму коммуникативного значения концепта «европейский дом» выявляет обострение реальных противоречий межкультурных отношений – и в рамках «большой», и в рамках «малой» Европы.

Исследование специфики концептуализации понятия «европейский дом» как одной из форм политической мифологии, питаемой медийным и художественным дискурсами (в том числе, на примере творчества М. Уэльбека) позволило выделить связь культуры и политики, а также проследить влияние «реальной культуры» на «реальную политику». Деконструкция исходного мифа в творчестве М. Уэльбека опирается на его

трансгрессию в экономической, культурной и политической реальности, в очередной раз подтверждая парадокс «воображенных сообществ», обладающих способностью ангажировать административный ресурс в процессе реализации своего конструктивистского потенциала.

Взаимное наложение художественного ***образа***, «собирающего» идею «европейского дома»; ***концепта*** «европейский дом», бытующего преимущественно в медийном дискурсе, и соответствующего им обоим ***понятия***, создающего более строгую рационально-критическую «матрицу» интерпретации новой социокультурной и политической реальности, создают значительные теоретические и практические трудности при анализе конкретных контекстов, касающихся «европейского дома» в качестве культурного феномена. Однако различение этих форм производства, хранения и передачи смыслов в процессе коммуникации необходимо для уточнения характера и степени «ангажированности» анализируемых контекстов. Предпринятое в данной главе исследование показывает, что решение поставленной задачи возможно. Ключевым условием при этом является обращение к теории концептуальной метафоры, позволяющее выявить соотношение образного, концептуального и понятийного аспектов словоупотребления применительно к выражению «европейский дом». В результате апробации намеченного пути находит подтверждение гипотеза о системной культурообразующей роли концепта «европейский дом» в коммуникативном пространстве современной Европы, а также в культуре современной Франции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение историко-культурного и коммуникативного потенциала понятия «европейский дом» в культуре Франции 1990-х-2010-х гг. позволило уточнить пути концептуализации данного понятия в различных смысловых контекстах – прежде всего, политическом и культурном. В свою очередь, установление объективных оснований и реальных парадоксов европейского единства подтверждает гипотезу, согласно которой одним из ключевых способов определения культурного потенциала концепта «европейский дом» является обращение к его осмыслению в художественной литературе, культурологических и философских сочинениях, – а не только в трудах социологов, экономистов и политологов. Оставаясь в пределах изучения культурного значения этого понятия, нельзя, разумеется, отрываться от процессов действительности, определяющих саму культуру. Однако к этим процессам следует относить не только объективные факторы (такие, например, как глобализация и информатизация), но и субъективные установки, определяющие поведение людей и связанные с глубинными ценностными предпочтениями, традициями, образом жизни и т.д.

«Фактор культуры» интегрирует эти установки, что создает возможность комплексно оценить происходящие изменения, обратившись к изучению ее представителя – «нового европейца». Для теории культуры важна также обратная связь, определяющая влияние «фактора культуры» при сознательном выборе тех целей и ценностей, которые непосредственно определяют принятие конкретных решений из области реальной политики, экономической стратегии (например, связанной с развитием партнерских отношений) и т.д. Возможно, поэтому в последнее время культура начинает играть все более заметную роль в качестве инструмента политической аргументации. Исследование, проведенное в данной диссертации, показывает, что подобная политизация оценивается аналитиками неоднозначно. Некоторые полагают, что такая позиция может (и должна)

быть признана «ответственной» (Б.-А. Леви, А. Де Бенуа); другие (М. Уэльбек, А. Бадью) настаивают, что она разрушает специфику культурной деятельности как принципиально «неангажированной», т.е. отличной от деятельности социально-преобразовательной (но при этом связанной с философией и наукой). Таким образом роль культуры, высвеченная сквозь призму актуального когнитивного образа «европейского дома», преподносится как позиция арбитра, выступающего от лица ответственного индивидуума (а не группы), не связанного с отношениями власти. Именно такими лицами (а не группой) выступают представители творческой интеллигенции, чей голос оказывается особенно важен для понимания современных культурных трансформаций.

Изучение роли «культурного фактора» в жизни современной Франции и французов проведено в диссертации с точки зрения (1) выявления путей концептуализации образа «европейского дома» (выделены подходы имагологии и идентитаризма) и (2) определения его коммуникативного потенциала (проанализированы основные аспекты критики идеи европейского единства как культурного феномена в литературном, философском и публицистическом дискурсах). Для решения этих задач была предпринята попытка дать контекстные определения понятия «европейский дом» как (1) художественного образа, (2) идеологии и (3) политического мифа. Что, в свою очередь, позволило проследить не только концептуализацию данного понятия в аспекте конструирования новых смыслов, обуславливающих культурные практики по осуществлению европейского единства, но и установить наличие встречного процесса, при котором сама концептуализация предстает как деконструкция политического мифа о единой Европе (в том числе, в рамках евроскептицизма). Тонкая грань, которая разделяет *концепт* и *понятие* при этом временами переставала различаться: порой амбивалентность и коммуникативная контекстность концепта позволяла воспринимать его как полисемантичное понятие; иногда, напротив, прямолинейная трактовка предложенного теми

или иными теоретиками понятия заставляла «подозревать» наличие ангажированной контекстности концепта.

С опорой на культурологические идеи Г. Башляра, обосновавшего ключевое значение образа «дома» в культурном самосознании европейцев, прослежены наиболее существенные изменения в образе «европейского дома», возникшие во французской литературе и культуре 1990-х-2010-х гг. В ходе их анализа было обнаружено, что сходные идеи нашли свое воплощение в медийном дискурсе, осуществляющем «перенос ценностей» между различными областями теории и практики, а также между философской, научной и научно-публицистической литературой, связанной с политическим прочтением семантики «европейского дома».

В результате изучения специфики литературного образа «европейского дома» было установлено, что его литературно-философское осмысление продолжает линию имагологии, стремящейся описать соответствующие образы как целостное культурное событие, учитывающее разность потенциалов культуры и политики.

На основании исследования политических проекций концепта «европейского дома» в контексте литературного творчества М. Уэльбека был сделан ряд выводов, подтвердивших исходную гипотезу. А именно, единое европейское пространство концептуализируется сквозь призму литературно-художественного образа «европейский дом» с двух взаимно дополняющих позиций: во-первых, в духе конструктивизма – как идеология и одновременно комплексный проект переустройства целостной культурной аксиоматики Европы и соответствующих ей институтов; во-вторых, в духе структурализма – как объективно сложившаяся система ценностей и установок, определяющих (при поддержке таких институтов) инерционную динамику социокультурных трансформаций новейшего периода. Анализ особенностей каждого из подходов одновременно выявляет ограниченный характер методологии социогуманитарного знания, задает импульс

легитимации «знания искусством» и фиксирует противоречивое содержание динамики культурного целого.

С другой стороны, мощная линия критики ценностных оснований современной культуры в контексте противопоставления цивилизации с ее отлаженными механизмами самовоспроизводства – и культуры как тонкого слоя поисков себя или депривируемой современным глобализарованным обществом «традиции», приводит некоторых авторов к радикализации их взглядов (имеются в виду прежде всего «альт-националисты» и «новые правые», переходящие сегодня, по словам Алена де Бенуа, на все более «левые» антилиберальные позиции). Стоит подчеркнуть: среди тех, кто занят поиском «традиции» и корней, – не только публицисты, философы и политики, но и рядовые французские обыватели, на чьи плечи легли испытания различными еврокризисами последнего десятилетия (например такими, как миграционный и корона- кризис). В конечном итоге во французском обществе распространяется мнение, согласно которому современная цивилизация не оставляет культуре даже символического места.

«Европейский дом» с этой «крайней» точки зрения – не столько культурная реальность, сколько культурный проект, направленный на утверждение неоимперской идеологии с сохранением риторики свободы и индивидуализма. Часть евроскептиков предлагает подвергнуть этот проект теоретической и практической перестройке за счет союза с «угнетенными» – например, с представителями миграционных сообществ, понимающими и разделяющими риторику «культурной традиции» и «культурных ценностей». При этом необходимо отметить: установки евроскептицизма связывают во французском обществе тех критиков идеи единой Европы, которые выступают за радикальный пересмотр политических решений в этой области, – и тех аналитиков, которые на фоне солидарности с этой критикой воспринимают культурную реальность евроинтеграции как неизбежность и радикальны «лишь» в суждениях, уходя в сторону от «прямого действия». Франция как «окно» и «фундамент» европейского дома в данной связи

предстает не только как один из создателей проекта Евросоюза, но и как страна, где сегодня звучат призывы к «фрекзиту» и принимаются достаточно жесткие законы об ограничении и упорядочивании миграционных потоков, особенно – из исламских стран.

Миграционные процессы, протекающие во французском обществе и рассмотренные сквозь призму религиозной коммуникации как специфической формы общественных отношений современного «европейского дома», позволяют зафиксировать, с одной стороны, увеличение культурного влияния религиозного фундаментализма и различных форм экстремизма. В то же время наблюдается активизация различных форм противодействия подобным эксцессам. В том числе, средствами художественного анализа происходящих процессов, их причин и возможных следствий. Франция с этой точки зрения представляет собой специфическое культурное целое, имеющее несмотря ни на что довольно высокую степень устойчивости по отношению к деструктивным тенденциям социального-религиозной коммуникации. Параллельно французский «европейский дом» остается центром притяжения для творческой интеллигенции. Интенсивный культурный метиссаж и эталонность французской культуры – две стоны единой социокультурной действительности, задающей особенную притягательность Франции для выходцев из разных стран, ищущих признания своих художественных достижений.

Особенное значение в данной связи имеет творчество М. Уэльбека, объединившего в своих произведениях эмоционально заряженную фиксацию и одновременно бесстрастную интеллектуальную критику социокультурной реальности, соответствующей концептуальной метафоре «европейского дома» как «метиссизированного единства» образа, концепта и понятия. Литературное творчество уэльбековского постэкзистенциализма представляет собой эффективную лабораторию, где «вирус абсурда» получает беспредельные возможности самовоспроизводства и показывает

свое тотальное превосходство над другими культурными практиками. Вместе с тем, деконструкция образа «дома» в сознании литературного героя выявляет его остаточную привязанность к растворенным временем «безместным» ценностям «старой Европы», обнажая их объединительный потенциал, не исчерпавший себя по сей день. И это – не общий рынок и безвизовый въезд, а стремление к пониманию и взаимному принятию. Таким образом, «рабочее определение», к которому подводит предпринятая французской литературой концептуализация понятия «европейский дом», не позволяет считать руины «старой Европы» тотальным разрушением до тех пор, пока здесь присутствует способность творческого поиска. Герменевтический круг замыкается: в конечном итоге оказывается, что «европейский дом» – не только концепт, но и активно реконструирующая себя реальность; а также понятие, интерпретирующее данный процесс. Конструкция, основанная на культурных символах и продуцирующая их; выводимая из культуры, – но культура (именно эту мысль настоятельно проводит М. Уэльбек) не сводима ни к ней, ни к ее деконструкции. Как следствие, созданный М. Уэльбеком литературный образ «европейского дома» выступает не только моментом анализа жизненного мира француза и/или европейца. Он может быть рассмотрен в качестве концептуальной метафоры, конденсирующей и продуцирующей новые культурно-значимые смыслы и в свою очередь конструирующий альтернативную культурную реальность. Которая помимо воли своего создателя сама становится одним из источников политических и социальных трансформаций, через посредничество медиа включаясь в механизмы гражданской солидарности и протестных движений («желтые жилеты»).

Обращение к анализу образа «европейский дом», выполненное в данном диссертационном исследовании, можно было бы продолжить на материале других политических и культурных традиций. Дальнейшее изучение идеологии «европейского дома» требует непосредственной связи с изучением политических и культурных трансформаций современной Европы.

Второе из возможных направлений продолжения исследования – более детальное изучение рецепции образа «европейского дома», созданного художественной литературой, в дискурсе медиа в связи с актуальными событиями текущей жизни европейских стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Документы и справочные материалы

1. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию. 2 - 5 октября 1985 года. Документы и материалы. – М: издательство политической литературы, 1985. 96 с.

2. Росфинмониторинг. URL: http://www.fedsfm.ru/activity/fatf (дата обращения 09.01.2021).

3. Стандарты качества сельскохозяйственных продуктов. Сельскохозяйственное право Европейского союза / Studme.org. URL: https://studme.org/188056/pravo/standarty_kachestva_selskohozyaystvennyh_produktov (дата обращения: 23.03.2020).

4. Briefing No 23. Legal questions of enlargement / Enlargement of the European Union. URL: https://www.europarl.europa.eu/enlargement/briefings/23a2_en.htm (accessed 27.05.2020).

5. Carrera S., Lannoo K. We’re in this boat together // Time for a Migration Union. CEPS Policy. 2018. 9 p. URL: https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2018/06/SCandKL_PI2018_09_MigrationUnion.pdf (accessed 10.01.2021).

6. Communauté européenne du charbon et de l'acier. Assemblée commune / European University Institute. URL: https://archives.eui.eu/en/isaar/24 (accessed 27.05.2020).

7. Conditions for membership. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations // European Commission. URL https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en (accessed 27.05.2020).

8. EU constitution: Where member states stand / BBC NEWS. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3954327.stm (accessed 27.05.2020).

9. FATF. URL: https://www.fatf-gafi.org/countries/#France (accessed 09.01.2021).

10. Mouvement Européen France. URL: https://mouvement-europeen.eu/ (accessed 27.05.2020).

11. Official Journal of the European Union, C 306, 17 December 2007 / Publications Office of the EU. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/71382e06-cfe6-4f9a-85e2-c0ca5ef0b46c/language-en (accessed 27.05.2020).

12. Parlement wallon. Session 2007-2008: URL: http://nautilus.parlement-wallon.be/Archives/2007_2008/CRA/cra18.pdf (accessed 27.05.2020).

13. The history of the European Union / European Union. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/history_en (accessed 27.05.2020).

14. Stead D. Common Agricultural Policy / EH.Net Encyclopedia. Ed. R. Whaples [Electronic resource]. URL: https://eh.net/encyclopedia/common-agricultural-policy/ (accessed 27.05.2020).

Книги и монографии

15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

16. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

17. Бадью А. Малое руководство по инэстетике. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 156 с.

18. Баранов А. Н. Предисловие редактора / Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – С. 10-11.

19. Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: Ад Маргинем, 2020. – 320 с.

20. Бенуа А. Как можно быть язычником. – М.: Русская Правда, 2004. – 240 с.

21. Бенуа А. Против либерализма: к четвертой политической теории. – М.: Амфора, 2009. – 480 с.

22. Бенуа А. Религия прав человека / Кребс П., Бенуа А. де, Фай Г., Одри Ж., Хунке З., Корзенц А., Промп Д. Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле / Ред. Пьер Кребса. – М.: Тотенбург, 2018. – 442 с. – С. 77-119.

23. Бенуа А. Традиция и консервативная мысль / Пер. с фр. А. Игнатьева. – М.: Тотенбург, 2017. – 186 с.

24. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2005. – 350 с.

25. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

26. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

27. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. / Пер. В. Ю. Быстров. – СПб.: Владимир Даль, 2007. Кн. 1. 257 с. ; кн. 2. 400 с.; кн. 3. 356 с.; кн. 4. – 224 с.

28. Булез П. Поэзия – центр и отсутствие – музыка // Ориентиры I. Воображать. Избранные статьи. Пер. Б. Скуратова. – М.: «Логос-Альтера», "Eccehomo", 2004. – 200 с.

29. Бурдье П. О символической власти / П. Бурдье. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – С. 87–96.

30. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдье. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – С. 14-48.

31. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. – 288 с.

32. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. А. М. Водена. – СПб.: Наука, 2000. – 480 с.

33. Генон Р. Кризис современного мира / Рене Генон; Пер. с франц. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.

34. Гетьманенко Н.И. Восприятие иной культуры: прототипы и стереотипы. – М.: Академия, 2010. – 256 с.

35. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

36. Гирц К. Интерпретация культур. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

37. Гумбольдт В. О мышлении и речи / Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 301-302.

38. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 370-381.

39. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 285 с.

40. Гуткин О. В., Листвина Е. В., Петрова Г. Н., Семенищева О. А. Феномен культурного пространства. – Саратов: Научная книга, 2005. – 138 с.

41. Данте А. Монархия. / Пер. с итал. В.П. Зубова; Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. – 192 с.

42. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Кн. 2. Тысяча плато. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. – 157с.

43. Додельцев Р. Ф. Введение в науку о науке: философия, психология и социология познания. В 3-х частях. Ч. 3. Культура, познание, личность. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 208 с.

44. Додельцев Р. Ф. Введение в науку о наук. В 3-х частях. Ч. 2. Вселенная, жизнь, культура. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 127 с.

45. Досси Ю., Шишкин В. Религиозные войны во Франции. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. – М.: КЛИО, Евразия, 2015. – 352 с.

46. Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

47. Зуева Е. Г., Соколов Г. Г. Исторический анализ и основные направления культурного доминирования Франции в Тунисе. – М.: РУДН, 2003. – 86 с.

48. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – С. 5-56.

49. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. Пер. с нем. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.

50. Ковлер В.И. Европейская интеграция: федералистский проект. – М.: Статут, 2016. 216 с.

51. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.

52. Концептуализация международных отношений / Т.А. Алексеева, А.В. Мальгин, Ю.А. Никитина, А.Г. Олейнов, С.С. Судаков // Современные международные отношения : Учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина ; МГИМО (У) МИД России. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 688 с.

53. Кребс П., Бенуа А. де, Фай Г., Одри Ж., Хунке З., Корзенц А., Промп Д. Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле / Ред. Пьер Кребса. – М.: Тотенбург, 2018. – 442 с.

54. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

55. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя. 1998. – 160с.

56. Литвак Н. В. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции Учебное пособие. – М.: МГИМО, 2015. – 86 с.

57. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

58. Лурье С. В. Психологическая антропология. История, современное состояние, перспективы. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2005. – 624 с.

59. Макиавелли Н. Государь / Пер. Г.Д. Муравьева, М.А. и др. – М.: АСТ, 2017. E-book.

60. Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 200 с.

61. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Офуз, Ж. Де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. – 333 с.

62. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания / Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с. – С. 269-370.

63. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.

64. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры. 1998. – 376 с.

65. Прокудин Д. Е. Проблема культурной преемственности в условиях тотальной информатизации / Философия Российской государственности: история и современность. К 1150-летию Российской государственности. Коллективная монография в двух томах. Под общей редакцией С. И. Дудника, А. Х. Даудова, И. Д. Осипова. – СПб., 2013. – С. 324-332.

66. Прохоренко И. Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 93 с.

67. Рубинский Ю. И. Франция. Время Саркози. – М.: Международные отношения, 2011. – 320 с.

68. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.

69. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 352 с.

70. Тард Г. Законы подражания: Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2011. – 304 с.

71. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.

72. Уэльбек М. Возможность острова: роман / Мишель Уэльбек: пер. с фр. И. Стаф. – М.: «Азбука-Аттикус», Иностранка, 2014. – 448 с.

73. Уэльбек М. Карта и территория / пер. с фр. М. Зониной. – М.: Астрель; CORPUS, 2011. – 480 с.

74. Уэльбек М. Очертания последнего берега : стихи : перевод с французского / Мишель Уэльбек. – М.: Издательство АСТ : CORPUS, 2016. – 464 с.

75. Уэльбек М. Покорность. – М.: АСТ, CORPUS, 2020. – 288 с.

76. Уэльбек М. Расширение пространства борьбы / Пер. Нина Кулиш. – М.: Б.С.Г.-Пресс, Иностранка, 2003. – 166 с.

77. Уэльбек М. Серотонин / пер. с фр. М. Зониной. – М.: Астрель; CORPUS, 2020. – 320 с.

78. Уэльбек М. Элементарные частицы. – М.: Иностранка, 2001. – 415 с.

79. Уэльбек М., Леви Б.-А. Враги общества. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 316 с. – E-book.

80. Фай Г. Археофутуризм. – Тамбов: Ex Nord Lux, 2011. – 256 с.

81. Философия культуры в системе изучения международных отношений. Книга 1. Парадоксы исследовательской призмы / Силантьева М. В. [и др.]. – М.: МГИМО, 2020. 544 с.

82. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. Перевод с немецкого: А. А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 352 с.

83. Флори Ж. Алиенора Аквитанская. Непокорная королева / Пер. с франц. И. А. Эгипти. – СПб.: Евразия, 2012. – 432 с.

84. Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 285 с.

85. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, Люкс, 2004. – 352 с.

86. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Пер. В.В. Бибихина. URL: http://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (27.05.2020).

87. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2006. – 660 с.

88. Хренов Н.А. Искусство в исторической динамике культуры. Электронное издание. – М.: ООО «Издательство «Согласие», 2015. – 752 с.

89. Alesina A., Giavazzi F. The Future of Europe: Reform or Decline. – Cambridge: The MIT Press, 2006. – 186 p.

90. André J. Multiculturalidade, Identidades e Mestiçagem: O Diálogo Intercultural nas Ideias, na Política, nas Artes e na Religião. – Coimbra, Portugal: Palimage, 2012. – 306 p.

91. Bellanger A. 2010. Houellebecq, écrivain romantique, – Paris: Léo Scheer. – 299 p.

92. de Benoist A. Jésus et ses Frères, et autres écrits sur le christianisme, le paganisme et la religion. – Paris: Association des Amis d'Alain de Benoist, 2006. – 317 p.

93. Bhabha H. K. The location of culture. – New-York: Routledge, 1994. – 440 p.

94. Biryukov N., Sergeyev V. Russian politics in transition: institutional conflict in a nascent democracy / Russian Politics in Transition: Institutional Conflict in a Nascent Democracy. Biryukov N.I., Sergeyev V.M. – Abingdon, Oxfordshire; New York, 2018. – C. 1-329.

95. Boulez P. Penser la musique aujourd'hui – Paris: Gallimard, 1987. – 167 p.

96. Breton P., Proulx S. L'explosion de la communication. Introduction aux théories et aux pratiques de la communication. Éditions La Découverte. – Paris, 2002, 2006. – 384 p.

97. Canclini G. Culturas Híbridas: Estratégias para Entrar y Salir de la Modernidade. – Mexico city, Mexico: Girijalbo. 1989. – 391 p.

98. Carl Sauer on Culture and Landscape: Readings and Commentaries. 2009. Ed. by William M. Denevan and Kent Mathewson. – Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press. – 458 p.

99. Charaudeau P. Les médias et l'information. L'impossible transparence du discours. Bruxelles: De Boeck – Ina coll. «Médias Recherches», 2005. – 250 p.

100. Copans J. Introduction à l'ethnologie et à l'anthropologie. – Paris, Nathan, 1996. – 128 p.

101. Dassetto F. et Dumoulin M. (dir.) Naissance et développement de l'information européenne. – Paris: Peter Lang, 1993. – 148 p.

102. Dacheux E. L'Impossible défi. La politique de communication de l'Union européenne. – Paris: éditions du CNRS, Science politique, 2004. – 135 p.

103. Dahl R.A. 1989. Democracy and its critics. – New Haven: Yale University Press. – 397 p.

104. Dubois P. The Recovery of the Holy Land [De recuperatione Terrae Sanctae], trans. with intro. by Walther I. Brandt. – New York: Columbia U.P., 1956. – 251 p.

105. Duranton-Crabol A.-M. Visages de la nouvelle droite. Le Grèce et son histoire. – Paris: Les Presses de Sciences Po. 1988. – 267 p.

106. European Identity and the Second World War / eds. Spiering M., Wintle M. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 273 p

107. Farkas B. Models of Capitalism in the European Union: Post-crisis Perspectives. Palgrave Macmillan, 2016. – 541 p.

108. Fligstein N. Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe. – New York: Oxford University Press, 2008. – 279 p.

109. Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. – New York: Oxford University Press, 1982. 128 p.

110. Greilsammer A. Les Mouvements fédéralistes en France de 1945 à 1974. – Nice: Presses d'europe, 1975. – 220 p.

111. Gustavsson S., Karlsson C., Persson T. Examining the Illusion of Accountability / The Illusion of Accountability in the European Union / eds. Gustavsson S., Karlsson C., Persson T. – London, New York: Routledge, 2009. – 192 p.

112. Heidegger M. Réponses et questions sur l'histoire et la politique, entretine réalisé en 1966 et paru dans l'hebdomadaire Der Spiegel du 31 mai 1976. – Paris: Mercure de France, 1977. – 804 p.

113. Houellebecq Ml. Sérotonine. Flammarion. E-book. 2019. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020].

114. Houellebecq M. Soumission. Flammarion. E-book. 2015. Available from Amazon Kindle Edition [Accessed September 2020].

115. Ideas of Europe since 1914: The Legacy of the First World War / eds. Spiering M., Wintle M. – London: Palgrave Macmillan, 2002. – 224 p.

116. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. – Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. – 472 p.

117. Jeffery B. Anti-Matter: Michel Houellebecq and Depressive Realism. –Winchester (UK) – Washington (USA): John Hunt Publishing, 2011. – 95 p.

118. Korzybski A. Collected Writings, 1920-1950. Collected and Arranged by M. Kendig. – New York: Institute of General Semantics, 1990. – 915 p.

119. Kuisel R. F.The French Way: How France Embraced and Rejected American Values and Power. – New-York and Oxford: Princeton University Press, 2013. – 487 p.

120. Laborie L. L'Europe mise en réseaux: la France et la coopération internationale dans les postes et les télécommunications (années 1850-années 1950). – Paris: Peter Lang, 2010. – 494 p.

121. Laplantine F., Nouss A. Métissages, de Arcimboldo à Zombi. – Montréal: Pauvert, 2001. – 634 p.

122. Lequesne C. Paris-Bruxelles. Comment se fait la politique européenne de la France. – Paris: Presses de la FNSP. 1993. – 288 p.

123. Levesque K. La créolité: entre tradition d'oraliture créole et tradition littéraire française. – Cap-Saint-Ignace, Québec: Éditions Nota bene, 2004. – 191 p.

124. Lévy B.-H. La barbarie à visage humain. – Paris: Grasset, 1977. – 240 p.

125. Loveluck B. Réseaux, libertés et contrôle. Une généalogie politique d'internet. – Paris: Armand Colin, 2015. – 367 p.

126. Lyotard J.-F. The Postmodern condition: A Report on Knowledge. – Minneapolis: University of Minnessota Press, 1984. 111 p.

127. Michel Houellebecq Sous la Loupe. Etudes Runites par Murielle L.C. et S. van Wesemael. – Amsterdam–New York: Editions Rodopi B.V., 2007. – 405 p.

128. Mudde C. Populism: A Very Short Introduction / C. Mudde, K. Rovira Kaltwasser. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 136 p.

129. Nouss A., Laplantine F. Le métissage: un exposé pour comprendre, un essai pour réfléchir. – Paris: Flammarion, 1997. – 127 p.

130. Picanço L.C. Vers un concept de littérature nationale martiniquaise: évolution de la littérature martiniquaise au XXème siècle: une étude sur l'œuvre d'Aimé Césaire, Edouard Glissant, Patrick Chamoiseau et Raphaël Confiant. – New-York: P. Lang, 2000. – 131 p.

131. Preda D., Pasquinucci D. The Road Europe Travelled Along: The Evolution of the EEC/EU Institutions and Policies. – Bruxelles, bern, Frankfurt am Main, New-York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2010. – 500 p.

132. Pukallus S. Representations of European Citizenship since 1951. – London: Springer, 2016 г. – 281 p.

133. Shields J. G. The Extreme Right in France: From Pétain to Le Pen. – London: Routledge, 2007. – 412 p.

134. Stirk P.M.R. European Unity in Context: The Interwar Period. – London – New-York: Bloomsbury Publishing, 2016. – 240 p.

135. The Eurozone Crisis and the Future of Europe: The Political Economy of Further Integration and Governance / eds. Dăianu D., Basevi G., D'Adda C., Kumar R. Palgrave Macmilla, Basingstoke, 2014. – 328 p.

136. The Future of Europe: Integration and Enlargement / ed. Cameron F. 2004. – London, New York: Routledge. – 170 p.

137. The history of the idea of Europe / Ed. Wilson K., van der Dussen J. – London, 1999. – 174 p.

138. The idea of a United Europe: political, economic and cultural integration since the fall of the Berlin wall. / eds. Shahin J., Wintle M. 2000. – London; New York: Macmillan. – 172 p.

Статьи в сборниках и периодических изданиях

139. Агапова В. Н. К вопросу о культурных ценностях и способах их передачи / В. Н. Агапова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 107-114.

140. Александровская В. Н. «Социальное подражание» и «Идеальный образ»: психологическая проблема в междисциплинарном исследовании / В. Н. Александровская // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С. 203-207.

141. Арбатова Н. К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? / Н. К. Арбатова // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 36-52. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04

142. Арапов О. Г. «Имагинативная философия» Я. Голосовкера и «Имажинативная метафизика» Г. Башляра: две модели философии воображения / О. Г. Арапов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 158-165.

143. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс /Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.

144. Байков А. А. «Сообщества идентичности» в условиях межстрановой интеграции / А. А. Байков // Знание. Понимание. Умение. – 2014. № 1. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/1/Baykov_Identity-Communities/.(lfnf (дата обращения 27.05.2020).

145. Барановский В. Г., Наумкин В. В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности / В. Г. Барановский, В. В. Наумкин // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 8-31.

146. Бауман З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / Пер. с англ. Григория Дашевского под редакцией Светланы Баньковской / З. Бауман // Отечественные записки. – 2002. – № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_42.html (дата обращения 27.05.2020).

147. Бойцова О. Ю. «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 1. С. 55-62.

148. Бойцова О. Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепте политической философии / О. Ю. Бойцова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2018. – № 4. – С. 60-69.

149. Бойцова О. Ю. Концепт и его роль в политическом познании и политическом образовании / О. Ю. Бойцова // SCHOLA-2018. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. – М.: МГУ, 2018. – С. 24-28.

150. Бойцова О. Ю. Концепт как эвристический инструмент: о потенциале концептологического подхода в политическом познании / О. Ю.

Бойцова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 346-360.

151. Бонюшко Н. А., Туманов К. М. Международные стандарты ИСО как основа обеспечения качества и конкурентоспособности продукции и услуг предприятия / Н. А. Бонюшко, К. М. Туманов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2009. – 1 (71). – С. 361-365.

152. Борко Ю. А. Франция в европейской интеграции: эволюция концепций и политики (1950-2015) / Ю. А. Борко // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев, 2016. – М.: ИМЭМО РАН. – С. 221-233.

153. Боровков И. И. [и др.]. Трансформация партийно-политического ландшафта в Европе в условиях нового миропорядка / И. И. Боровков [и др.] // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 4 (55). – С. 13-57.

154. Браницкий А. Г. Взаимоотношения современной России с ЕС и СЕ: судьба российского европеизма / А. Г. Браницкий // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики / под ред. Корнилова А. А. [и др.]. – Нижний Новгород, 2018. – С. 6-11.

155. Булез П. Идея, реализация, ремесло / П. Булез // Homo musicus: Альманах музыкальной психологии. – М., 1994. – С. 91-136.

156. Бушев А. Б. Медиаисследования дискурса европейской идентичности / А. Б. Бушев // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2013. – № 6. – С. 95-100.

157. Вассерман Ю. М. Социокультурная модернизация и человеческий потенциал / Ю. М. Вассерман // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы IV Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 81-85.

158. Вахштайн В. «Практика» vs. «Фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 65-95.

159. Веденина Л. Г. Франция и Россия: транскультурное и межъязыковое взаимодействие (XI – XXI вв.) / Л. Г. Веденина // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3. С. 65-74.

160. Веретевская А. В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) / А. В. Веретевская // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 52–64 DOI: 10.7868/S0042874418050035.

161. Волков В. Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам / В. Н. Волков // Культурное наследие России. – 2015. – № 2. – С. 3-11.

162. Вяземский Ю. П. Творчество и душа: три слоя сознания как источник становления и развития науки, искусства и религии / Ю. П. Вяземский // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 3 (11). – С. 8-17.

163. Гаврилова С. М. Политическая альтернатива и будущее Европы / С. М. Гаврилова // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 4 (22). – С. 203-217.

164. Гаман-Голутвина О. В. Проблема мультикультурализма в современной Европе / О. В. Гаман-Голутвина // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6 (21). – С. 16-17.

165. Гартман Н. Смыслополагание и смыслоосуществление / Н. Гартман // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2019. – Т. 8. – № 1. – С. 267-310.

166. Гладощук А. В. Демон аналогии: Октавио Пас, Рубен Дарио и испаноамериканский модернизм между Америкой и Францией / А. В. Гладощук // Литература двух Америк. – 2017. – № 2. – С. 186-195 DOI 10.22455/2541-7894-2017-2-186-195.

167. Гладощук А. В. «Явление и явленное»: Октавио Пас в диалоге с Шарлем Бодлером / А. В. Гладощук // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2016. – № 5. – С. 164-173.

168. Голосовкер Я. Э. Имагинативный реализм / Я. Э. Голосовкер // «Архе» Культуро-логический ежегодник. Вып.1 – Кемерово: «Алеф» Гуманитарный Центр.1993. – С. 382-398.

169. Гончарова В. А. Гипотеза третьей культуры: презумпция стереотипа / В. А. Гончпрова // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2011. – № 15. – С. 111-115.

170. Гордон А. В. Колониализм, его наследие, афро-азиатские общины в современной Франции / А. В. Гордон // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. – 2006. –№ 3. – С. 49-69.

171. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта / П. А. Горохов, Е. Р. Южанинова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 11. – С. 188-190.

172. Гуляева К. В. Дискурс о сути интеграционного процесса в Европейском союзе: «еврооптимисты» против «евроскептиков» / В. К. Гуляев // Власть. – 2010. – № 5. – С. 64-67.

173. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А. Я. Гуревич // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989. – С. 75–89

174. Дарио Р. Иностранные писатели в Париже. Пер. с исп. Т.В. Балашовой / Р. Дарио // Литература двух Америк. – 2017. – № 2. – С. 215–222.

175. Дехнич О. В. Когнитивное моделирование и теория метафоры в современной лингвистике / О. В. Дехнич // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 65-68.

176. Дёмин И. В. Принцип историзма в контексте классической философии истории / И. В. Дёмин // Философская мысль. – 2017. – № 4. – С. 84-98. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.4.19023. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19023 (дата обращения 11.12.2020).

177. Дианова В. М. К построению теории межкультурного взаимодействия / В. М. Дианова // Studia culturae. Выпуск 18. Научный журнал кафедр культурологии, эстетики и философии культуры, Центра изучения культуры Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 317 с. – С. 5-14.

178. Долгов К. М., Старикова Е. И. Политика и культура: от политической философии Макиавелли до политических пророчеств Киплинга / К. М. Долгов, Е. И. Старикова // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 40-50.

179. Жариков П. А. Европейские ценности: достижения и последствия / П. А. Жариков // Аксиологический аспект подготовки магистрантов технического вуза. Труды научной конференции. – 2016. – С. 20-28.

180. Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей / И. Д. Иванов // Современная Европа. – 2012. – № 2 (50). – С. 13-23.

181. Зарипова А. И. Восприятие арабо-мусульманской культуры современными французами: старые проблемы и новые решения / А. И. Зарипова // Культура и искусство. – 2019. – № 1. – С. 50-58.

182. Зарипова А. И. Роль средств массовой коммуникации Франции в пространстве современной культуры / А. И. Зарипова // Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность. Сборник статей. Под редакцией Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. – СПб., 2018. – С. 358-366.

183. Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей / И. Д. Иванов // Современная Европа. – 2012. – № 2 (50). – С. 13-23.

184. Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии / А. Д. Иванова // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 11. – С. 74-78.

185. Иванова С. В. Дискуссия о гуманизме: ЖП Сартр и М. Хайдеггер / С. Д. Иванова // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 2. – С. 67-74.

186. Исаев Б. А. Условия и факторы, периоды и циклы развития демократии / Б. А. Исаев // Политическая экспертиза: Политэкс. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – Ч. 1. – Т. 8. – № 3. – С. 273-291.

187. Кавешников Н. Ю. Школа исследований общеевропейских и интеграционных процессов / Н. Ю. Кавешников // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 5 (38). – С. 112-118.

188. Касабуцкая М. С. Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия / М. С. Касабуцкая // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 206. – С. 205-212.

189. Кизима М. П. Русская литература и английская политическая элита: о чем говорит век XIX веку XXI (некоторые наблюдения) / М. П. Кизима // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 2 (2). – С. 150-158.

190. Кириленко Е. И. Культура как терапия: метафизика воображения Г. Башляра / Е. И. Кириленко // Бюллетень сибирской медицины. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 83-91.

191. Ковалев А. А., Шамахов В. А. Оппозиция «Мир-Война» как явление гибридной политической реальности / А. А. Ковалев, В. А. Шамахов // Политика и общество. – 2018. – № 7. – С. 25-39.

192. Колесник В. С. Конфликт ценностей в межцивилизационном диалоге / В. С. Колесник // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1-2. – С. 126-129.

193. Коначева С. и др. Боговидение и мышление о бытии: Владимир Лосский и Мартин Хайдеггер / С. Коначева и др. // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 312-336.

194. Кондакова И. А. О традиции понимания метафоры как феномена мышления / И. А. Кондакова // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 87-90.

195. Конышев В. Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений / В. Н. Конышев // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 94-111. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07

196. Королев А. А. Концепт «Европейский дом» в культуре и искусстве Франции (на примере творчества М. Уэльбека) / А. А. Королев // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – № 1. – С. 139-149.https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-139-149

197. Крецу О. Г. Формирование «Европы» как новой историко-культурной общности в раннем средневековье / О. Г. Крецу // Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций. Материалы III Всероссийской конференции кафедры всеобщей истории / отв. ред. Д. В. Григорьев. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018. – С. 117-130.

198. Кудрявцев А. К. Франция, удивляющая мир / А. К. Кудрявцев // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 165-176.

199. Кулагина О. А. Способы репрезентации двойственной культурной идентичнсости в творчестве Натали Саррот (на материале романа «Детство»») / О. А. Кулагина // Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы. Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. – С. 115-121.

200. Куликова С. Н. 2014.02.052. Бринбаум Й., Рьеко Ж. Занятость молодых выходцев из иммигрантской среды. Brinbaum Y., Rieucau G. LES JEUNES ISSUS DE L`IMMIGRATION FACE à L`EMPLOI // PROBLèMES éCON. - P., 2013. - N 3070. - P. 51-55 / С. Н. Куликова // Социальные и

гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 2014. – № 2. – С. 178-180.

201. Куликова С. Н. /2011.01.045. Докье Ф., Рапопорт И. Позиции Франции на международном рынке квалифицированных мигрантов. Docquier F., Rapoport H. MARCHé INTERNATIONAL DES MIGRANTS QUALIFIéS: QUELLE EST LA PLACE DE LA FRANCE? // PROBLèMES éCON. – P., 2010. № 2993. P. 41-48 / С. Н. Куликова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 2011. – № 1. – С. 162-166.

202. Кроливецкая И. Е. Политическая мифология в современном обществе / И. Е. Криволецкая // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 40. – С. 19–23. URL: http://e-koncept.ru/2016/56892.htm (дата обращения 08.11.2021).

203. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер.. с англ. П. Куслий Б. Латур // Логос. – 2002. – № 5-6 (35). – С. 211-242. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf (27.05.2020).

204. Латур Б. Надежды конструктивизма / пер. с англ. О. Столяровой / Б. Латур // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 365-390.

205. Латур Б. Об интеробъективности / Б. Латур // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79-98.

206. Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М. М. Лебедева // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 24-35. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03.

207. Лебедева О. В. Развитие публичной дипломатии как приоритетное направление деятельности дипломатических представительств / О. В. Лебедева // Международная жизнь. – 2017. – № 2. – С. 39-49.

208. Ли Минда. Понятия «имагология» и «имиджелогия» в российской и китайской социогуманитарной науке / Минда Ли // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.42

209. Лопатин А. А., Чечулин В. Л. Исследование тенденции состояния экономики Евросоюза посредством модели отклонения от экономического равновесия / А. А. Лопатин, В. Л. Чечулин // Математика и междисциплинарные исследования – 2017. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. В 2-х томах. Т. 2. / гл. ред. А. П. Шкарапута. Пермь, 2017. – С. 225-229.

210. Луценко А. В. «Неоязыческий комплекс» в сознании современного европейца / А. В. Луценко // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – № 6 (48). – С. 35-39.

211. Малахов В. С., Касцян К. А. Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение / В. С. Малахов, К. А. Касцян // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 139-151. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10.

212. Маметьев И. В. Методологическая специфика исследования культуры повседневности А. Я. Гуревича / И. В. Маметьев // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. – 2018. – С. 93-97.

213. Манакина О. Е. Протестная культура и политический дискурс: опыт Франции / О. Е. Манакина // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2 (17). – С. 128-134.

214. Марченя П. П. Массы и массовая политика: концепты и реалии / П. П. Марченя // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 3. – С. 76-79.

215. Матусевич Е. В. ««Метиссаж ценностей» как теория развития культурных систем в условиях глобализации / Е. В. Матусевич // Диалог культур и перспективы социально-культурной глобализации в современном обществе. Сб. науч. ст. – Мн.: Белгосуниверситет, 2005. – С. 38-44.

216. Матусевич Е. В. Процессуальность идентичности: конвенциональная и неконвенциональная аргументация / Е. В. Матусевич //

Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 68-71. http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/2/Matusevich_Procedurality-of-Identity/ (дата обращения 27.05.2020).

217. Мащенко А. П. «Закат Европы»: версия Мишеля Уэльбека ? А. П. Мащенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – С. 94-103.

218. Медушевский Н. А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интегративного процесса / Н. А. Медушевский // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 167-174.

219. Мозгова Т. А. Поэтика гиперреалистического романа Мишеля Уэльбека и Фредерика Бегбедера / Т. А. Мозговая // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2008. – № 1. – С. 17-21.

220. Муравьёв А. Н. Понятие нации и проблема национального самоопределения народа в «Речах к немецкой нации» И. Г. Фихте / А. Н. Муравьёв // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2013. – № 1. – С. 43–51.

221. Мурзина И. Я. Коммеморативные практики в образовании и конструирование культурной идентичности / И. Я. Мурзина // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 3. – С. 81-86.

222. Некрасова М. Ю. Концептуальная метафора «война – ненастье (буря)» в британском газетном дискурсе середины XIX века / М. Ю. Некрасова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 676-679.

223. Нехорошева К. И. Декарт и картезианство как часть культуры Франции / К. И. Нехорошева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2017. – № 4 (26). – С. 141-146.

224. Нехорошева К. И. Проблема гуманитарных технологий: специфика подхода французского образования / К. И. Нехорошева // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2019. – № 1 (31). – С. 14-20.

225. Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) / И. В. Новицкая // Язык и культура. – 2019. – № 46. – С. 76-101.

226. Новоженова И. С. Особенности французской политической культуры (на примере общественной дискуссии по иммиграционному вопросу) / И. С. Новоженова // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 187-199.

227. Обичкина Е. О. «Заурядная» внешняя политика Ф. Олланда: проблемы и перспективы / Е. О. Обичкина // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 200-209.

228. Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Е. В. Орлова // Манускрипт. – 2017. – № 7 (81). – С. 149-152.

229. Осколков П. В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого / П. В. Осколков // Современная Европа. – 2019. – № 3 (88). – С. 83-91.

230. Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала / П. В. Осколков, А. И. Тэвдой-Бурмули // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2018. – № 3. – С. 19-33.

231. Ощепков А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251-253.

232. Пахсарьян Н. Т. Современный французский роман на путях преодоления эстетического кризиса / Н. Т. Пахсарьян // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX-XXI вв.). Сб. науч.

тр. Сер. «Теория и история литературоведения». Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; Редкол.: Соколова Е. В. (отв. ред. и сост.), Пахсарьян Н. Т. (сост.). – М.: 2006. – С. 8-42.

233. Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия?» / В. А. Подорога // Философский журнал. – 2009. – № 1 (2). – С. 5-17.

234. Первушина О. В. Культурная преемственность, культурная память и традиции: соотношение понятий как культурологическая проблема / О. В. Первушина // Художественная культура в контексте современности. Сборник научных статей. – Барнаул, 2014. – С. 7-18.

235. Перская В. В. Европейские ценности или национальные интересы? / В. В. Перская // Экономические аспекты Брекзита. Сер. «Доклады Института Европы». – М.: Институт Европы РАН, 2017. – С. 89-98.

236. Писаревская Н. С. «Массовый человек» как социокультурный феномен XX века / Н. С. Писаревская // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2016. – № 2. – С. 54-56.

237. Преображенская А. А. Французские избиратели и партии в преддверии президентской кампании 2017 г. / А. А. Преображенская // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 129-140.

238. Разова Е. Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека / Л. Л. Разова // Vita Cogitans: альманах молодых философов. Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 206-220. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/razova/index.html (дата обращения 27.05.2020).

239. Рорти Р. Витгентштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка / Р. Рорти // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991. – С. 121-133.

240. Руткевич М. А. Консервативный анархизм. Французские критики «антропологической ошибки» / М. А. Руткевич // История философии. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 81-95.

241. Саликов А. Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира / А. Н. Саликов // Кантовский сборник. – 2012. – № 4. – С. 42-49.

242. Саркисян Ж. М. Современные миграционные тенденции во Франции / Ж. М. Саркисян // Московский экономический журнал. – 2019. – № 7. – С. 302-311.

243. Селезнев П. С., Соловьев П. В. К вопросу о видах демократии / П. С. Селезнев, П. В. Соловьев // Власть. – 2018. – № 8. – С. 183-190.

244. Семикин А. А. Основные причины религиозно-политических конфликтов во Франции XVI века / А. А. Семикин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 3 (31). – С. 76-79.

245. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений / В. М. Сергеев, А. А. Казанцев, С. М. Медведева // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 56-70. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05

246. Серебрякова С. В. Научное осмысление понятия «европейская идентичность» в современном общеевропейском контексте / С. В. Серебрякова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 213-218.

247. Сидоров А. С. Европейское строительство и Франция: фактор личности (от де Голля до Миттерана) / А. С. Сидоров // Современная Европа. – 2018. – № 3 (82). – С. 115-124.

248. Силантьева М. В. Социальная транспарентность и личные границы: парадоксы глобальной культуры / М. В. Силантьева // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 24-31.

249. Силантьева М. В., Глаголев В. С., Тарасов Б. Н. Философия межкультурной коммуникации / М. В. Силантьева, В. С. Глаголев, Б. Н. Тарасов // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 2 (49). – С. 64-76. https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.4

250. Силантьева М. В., Капилупи С. М. Экзистенциальный реализм в литературе, философии и культуре XIX – начала XX вв.: рецепция традиции (А. Мандзони, Ф. М. Достоевский и Н. А. Бердяев) М. В. Силантьева, С. М. Капилупи // Ricerche slavistiche. – 2015. – № 13 (59). – С. 129-152.

251. Симония Н. А., Торкунов А. В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н. А. Симония, А. В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 27–37.

252. Симонов Ю. П. Антропологическое измерение концептулизации языков познания в современной культуре / Ю. П. Симонов // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 124–131.

253. Симонов Ю. П. Сейчас наступает век философии / Ю. П. Симонов // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 2 (2). – С. 7-19.

254. Симонов-Вяземский Ю. П. Очень хорошо, если у вас есть своя доминантная «комната» / Ю. П. Симонов-Вяземский // Концепт: философия, религия, культура. – 2018. – № 2 (6). – С. 7-18.

255. Симонов-Вяземский Ю.П. Титаны и гении в мировой литературе / Ю. П. Симонов-Вяземский // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 2 (10). – С. 160-169.

256. Симонов-Вяземский Ю. П. Человек – существо девятимерное / Ю. П. Симонов-Вяземский // Концепт: философия, религия, культура. – 2018. – № 1 (5). – С. 7-14.

257. Снисаренко К. Миграционная политика французских правительств в конце XX – начале XXI в. / К. Снисаренко // Журнал международного права и международных отношений. – 2012. – № 4. URL:

http://evolutio.info/ru/journal-menu/2012-4/2012-4-snisarenko (дата обращения 10.12.2020).

258. Соснин А. В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта / А. В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 1-1. – С. 156-163.

259. Спиридонов П. А. Предпосылки развития децентрализованного культурного сотрудничества между Францией и постсоветской Россией / П. А. Спиридонов // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3-2 (35). – С. 159-161.

260. Стрельникова Л. Ю. Постмодернистская антиутопия М. Уэльбека «Покорность»: последний духовный кризис европейского мира / Л. Ю. Стрельникова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 71-77.

261. Суслова И. В. Метапрозаическое начало в романе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» / И. В. Суслова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4. – С. 242-248.

262. Таньшина Н. П. Венская система и Венские соглашения: взгляд из Франции / Н. П. Таньшина // Россия и современный мир. – 2017. – № 4 (97). – С. 61-76.

263. Таньшина Н. П. Венская система: национальные партитуры в «европейском концерте» (к вопросу о соотношении национальных интересов и коллективной безопасности) / Н. П. Таньшина // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии. Материалы IX Конвента РАМИ. – М., 2016. – С. 175-188.

264. Таньшина Н. П. Образ России во французской историографии второй половины XX века: рассуждения о книге Шарля Корбе / Н. П. Таньшина // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 1. – С. 97-109.

265. Тарасов А. Н., Лукьянчиков В. И. Смысловые векторы социокультурных трансформаций: культурфилософский анализ / А. Н. Тарасов, В. И. Лукьянчиков // Культура и искусство. – 2020. – № 8. – С. 56-66.

266. Трофимова О. Е. Миграционные тенденции во Франции: новые реалии / О. Е. Трофимова // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 57-65.

267. Углинская Н. А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? / Н. А. Углинская // Kant. – 2020. – № 3 (36). – С. 191-195.

268. Узнародов И. М. Новый национализм в современной Европе / И. М. Узнародов // Современная Европа. – 2015. – № 5 (65). – С. 75-90.

269. Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Чугров С. В. Культура, институты, политика / В. Г. Федотова, Н. Н. Федотова, С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 143-156. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.10. С. 143-156.

270. Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре / Ю. Хабермас // Вестник российского философского общества. – 2003. – № 3. – С. 16.

271. Харакалова Л. Общая сельскохозяйственная политика Европейского союза после 2013 года и в рамках стратегии «Европа-2020» / Л. Харакалова // Вестник Международного института экономики и права. – 2011. – № 2 (3). – С. 66-70.

272. Харкевич М. В., Музалевский В. А., Осколков П. В. Архаика и современный правый популизм в Европе / М. В. Харкевич, В. А. Музалевский, П. В. Осколков // Современная Европа. – 2018. – № 1 (80). – С. 59-68.

273. Хмелевская С. А. Искусство как форма постижения бытия (художественные формы постижения бытия) / С. А. Хмелевская // Социально-политические науки. – 2015. – № 2. – С. 74-78.

274. Хмелевская С. А. Логика имагинативных форм постижения бытия / С. А. Хмелевская // Социально-политические науки. – 2018. – № 2. – С. 278-280.

275. Хобсбаум Э. Изобретение традиции / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47-62.

276. Федорова Е. В. Медиатизация как важный ресурс современного политического процесса, направленный на адаптацию политических субъектов к новым формам массовых коммуникаций / Е. В. Федорова // Вестник евразийской науки. – 2018. – Т. 10. – № 3. URL: https://esj.today/PDF/14ECVN318.pdf (дата обращения 08.01.2021).

277. Чупрова И. А. «Имидж» и «образ» страны: проблема демаркации понятий / И. А. Чупрова // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 4. – С. 129-133.

278. Шестопал Е. Б. Заметки политического психолога на полях книги «Идентичность: личность, общество, политика» / Е. Б. Шестопал // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 168-176. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.13

279. Шейпак С. А. «Карта и территория» – роман-пастиш Мишеля Уэльбека / С. А. Шейпак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – 3 (14). – С. 109-114.

280. Шестопал А. В., Коннов В. И. Культура, наука, дипломатия: перспективы практико-ориентированного подхода / А. В. Шестопал, В. И. Коннов // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. 3 (54). – С. 214-224. DOI: 10.17994/IT.2018.16.3.54.13. С. 214-224.

281. Шляков А. В. Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности / А. В. Шляков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 219-222. URL:

https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/1362/1357 (дата обращения 27.05.2020).

282. Шпет Г. Г. Искусство как вид знания (этюд) / Г. Г. Шпет // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2. – № 4. – С. 25-35.

283. Шумилин А. И. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза / А. И. Шумилин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2 (14). – С. 14-21.

284. Юмашев Ю. М. Европейская идея и ее развитие от «Христианской республики» до европейского союза / Ю. М. Юмашев // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 3. – С. 5-46.

285. Яковлев Д. А. Концепция евроскептицизма в социально-политической теории / Д. А. Яковлев // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 2 (42). – С. 78-84.

286. Adler P. S. l974. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man / P. S. Adler // Intercultural Communication: A Reader. Belmont, California: Wadsworth Publishing, 1977. – P. 262-380.

287. Ågerup K. The Political Reception of Michel Houellebecq's Submission / K. Ågerup // European Review. – 2019. – No 27(4). – P. 615-635.

288. Ahearne J. Cultural policy through the prism of fiction (Michel Houellebecq) / J. Ahearne // International Journal of Cultural Policy. – 2017. – No 23 (1). – P. 1-16.

289. Baisnée O., Smith A. Pour une sociologie de l'apolitique: acteurs, interactions et représentations au cœur du gouvernement de l'Union européenne / O. Baisnée, A. Smith // *in* A. Cohen, B. Lacroix et P. Riutort (dir.). Les Formes de l'activité politique. Éléments d'analyse sociologique (XVIIIe-XXe siècles). – Paris: PUF, 2006. – P. 335-354.

290. Beller M. Perseption, imige, imagology / M. Beller // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical

survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. – Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. – P. 3-16.

291. Brass T. Houellebecq, anthropologist? / T. Brass // Critique of Anthropology. – 2016. – No 36 (1). – P. 93-98.

292. Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 2017. – Vol. 40. – No 8. – P. 1191–1226.

293. Chombard-Gaudin C. Pour une histoire des villes et communes jumelées / C. Chombard-Gaudin // Vingtième siècle. – 1992. – No 35. – P. 60-66.

294. Claassen C. In the Mood for Democracy? Democratic Support as Thermostatic Opinion / C. Claassen // American Political Science Review. – 2020. – Vol. 114. – Issue 1. – P. 36-53. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/in-the-mood-for-democracy-democratic-support-as-thermostatic-opinion/D92BFDDD1565D610C38A0AA88DDBA102/share/2ab1596479e5f18cfa71b5d5a925a2ef19e5cb7a (accessed 20.12.2020).

295. Clément J. Une influence plutôt indirecte sur la politique / J. Clément // Revue internationale et stratégique. – Vol. 78. – No 2. – 2010. – P. 75-79.

296. Cohen A. De congrès en assemblées. La structuration de l'espace politique transnational européen au lendemain de la guerre / A. Cohen // Politique européenne. – 2006. – No 18. – P. 105-125.

297. Cohen A., Weisbein J. Laboratoires du constitutionnalisme européen. expertises académiques et mobilisations politiques dans la promotion de la Constitution européenne / A. Cohen, J. Weisbein // Droit & Société. – 2005. – No 60. – P. 353-371.

298. Dianina S. Yu., Khalil M. A. M., Glagolev V. S. Cultural Islam In Northern Europe / S. Yu. Dianina, M. A. M. Khalil, V. S. Glagolev // Baltic Region. – 2019. – Vol. 11. – No 3. – P. 142-160.

299. Flirack R. French. / R. Flirack / / Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey /

ed. M. Beller and J. Leerssen. – Amsterdam, New York: Rodopi, 2007. –P. 159-166.

300. Foglesong D. S. How to End a Cold War / D. S. Foglesong // Concept: Philosophy, Religion, Culture. – 2020. – Vol. 4. – No 1(13). –P. 49–59. https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-49-59.

301. Gambier Y. Rapid and radical changes in translation and translation studies / Y. Gambier // International Journal of Communication. – 2016. – No 10. – P. 887-906.

302. Georgakakis D., Weisbein J. From above and from below: A Sociology of european Actors / D. Georgakakis, J. Weisbein // Comparative European Politics. – 2010. – Vol. 8. – No 1. – P. 93-109.

303. Germanangue M. Le Mouvement européen et la France: les limites de la logique de réseau / M. Germanangue // A. Colonomos (dir.), Sociologie des réseaux transnationaux. – Paris: L'Harmattan, 1995. – P. 217-244.

304. Harris A. Michel Houellebecq's Transmedial Oeuvre: Extension of the Realm of Creative Intervention / A. Harris // Ltinéraires. Littérature, textes, cultures. – 2017. – No 2. URL: https://journals.openedition.org/itineraires/3441 (accessed 30.10.2020).

305. Harris A. On the Return of the (Media) Author: Michel Houellebecq, Écrivain Médiatique / A. Harris // French Cultural Studies. – 2020. – No 31 (1). – P. 32-45.

306. How «identitarian» politics is changing Europe / The Economist. 28.03.2018. URL: https://www.economist.com/europe/2018/03/28/how-identitarian-politics-is-changing-europe (accessed 10.01.2020).

307. Ihl O. Conspirations et science du pouvoir chez François Guizot / O. Ihl // Revue française d'histoire des idées politiques. – 2004. – No 1. – P. 125-150.

308. Kotzian P., Steffek J. Do Members Make a Difference? A study of Transnational Civil Society Organizations / P. Kotzian, J. Steffek // European Political Science Review: EPSR. – 2013. – Vol. 5. – No 1. – P. 55-81.

309. Kühnhardt L. The Fall of the Berlin Wall and European Integration. European Union / L. Kühnhardt // The Second Founding: The Changing Rationale of European Integration. – 2008. – P. 47-60. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=c5a8d200-db92-7a59-ba57-580ba995a95a&groupId=252038 (accessed 20.08.2020).

310. Litova D. Louvre Abu-Dhabi or the Myth of Westernalism / D. Litova // Concept: Philosophy, Religion, Culture. – 2020. – Vol. 4. – No 1(13). – P. 194–200. https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-194-200

311. Litvak N. Les Élites du Savoir. Une Approche Informationnelle / N. Litvak // The Journal of Quality in Education. – 2015. – No 6. – P. 104-114.

312. Mischi J., Weisbein J. L'europe comme cause politique proche. Contestation et promotion de l'intégration communautaire dans l'espace local / J. Mischi, J. Weisbein // Politique européenne. – 2004. – No 12. – P. 84-104.

313. Pageaux D. H. De l'imagerie culturelle à l'imaginaire / D. H. Pageaux // Précis de littérature comparée. – Paris, 1989. – P. 133-161.

314. Pageaux D. H. L'imagerie culturelle: de la litt érature compar ée à l'anthropologie culturelle / D. H. Pageaux // Synthèsis. – 1983. – No 10. – P. 79–88.

315. Palayret J.-M. Le Mouvement européen 1954-1969. Histoire d'un groupe de pression / J.-M. Palayret // R. Girault et G. Bossuat G. (dir.), Europe brisée, Europe retrouvée. Nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XX e siècle. – Paris: Publications de la Sorbonne, 1994. – P. 365-383.

316. Pasquier R., Weisbein J. L'europe au microscope du local. Manifeste pour une sociologie politique de l'intégration communautaire / R. Pasquier, J. Weisbein // Politique européenne. – 2004. – No. 12. – P. 5-21.

317. Rey M.-P. Gorbatchev et "la maison commune européenne", une révolution mentale et politique? / M.-P. Rey // La Revue russe. – 2012. – No 38. – P. 101-110. URL:https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2012_num_38_1_2490 (27.05.2020).

318. Satora M. Obraz chrześcijańskiego świata w traktacie De recuperatione Terrae Sanctae Pierre'a Dubois / M. Satora // Textus et Studia. – 2015. – No 1(1). – S. 109–130. DOI:10.19265/TES.2015.011109.

319. Sreenan N. Universal, acid: Houellebecq's clones and the evolution of humanity / N. Sreenan // Modern & Contemporary France. – 2019. – No 27 (1). – P. 77-93.

320. Sutherland P. Nous avons besoin d'une politique européenne globale pour répondre à la crise migratoire / P. Sutherland // Confrontations Europe: la revue. – 2015. – No 110. – P. 22.

321. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J. Turner // Political psychology: Key readings / Ed. by J. T. Jost, J. Sidanius (Series: Key readings in social psychology). – New York: Psychology Press, 2004. – P. 276–293.

322. Tavernier A. Patrick Charaudeau, Les médias et l'information. L'impossible transparence du discours. De Boeck–Ina coll.«Médias Recherches», Bruxelles, 2005 (250 pages) / A. Tavernier // Études de communication. langages, information, médiations. – 2006. – No 29. – P. 181-184. DOI: https://doi.org/10.4000/edc.409

323. Useem J., Useem R. H., Donoghue J. Men in the Middle of the Third Culture: The Roles of American and Non-Western People in Cross-Cultural Administration / J. Useem, R. H. Useem, J. Donoghue // Human Organization. – 1963. – No 22 (3). – P. 169-179.

324. van Doorslaer L. Embedding imagology in Translation Studies. Slovo.ru: Baltic accent. – 2019. – No 10 (3). – P. 56-68.

325. Vaarakallio T. The Ideological Framework of the French Nouvelle Droite and the Contemporary Finnish Far Right / T. Vaarakallio // Redescriptions Political Thought Conceptual History and Feminist Theory. – 2015. – Vol. 18(2). – P. 202-224. DOI: 10.7227/R.18.2.5

326. Vieira R. Life stories, cultural métissage, and personal identities / R. Vieira // SAGE Open. – 2014. – Vol. 4. – No 1. 1-12. https://doi.org/10.1177/2158244013517241 (дата обращения 28.12.2020).

327. Weninger R. Manfred Beller and Joep Leerssen (eds.). *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters – A Critical Survey*. Series: *Studia Imagologica*, vol. 13; series editors: Hugo Dyserinck and Joep Leerssen / R. Weninger // Comparative Critical Studies. – 2009. – No 6 (2). – P. 281-285. DOI: 10.3366/E1744185409000779

328. Weisbein J. La Fédération française des maisons de l'Europe (1960-2000). La trajectoire d'un militantisme européen de terrain / J. Weisbein // Politique européenne. – 2011. – No 2 (34). – P. 37-62. URL: https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2011-2-page-37.htm# (accessed 27.05.2020).

329. Weisbein J. Vers un agenda de recherche sur les politisations ordinaires au sein de la sociologie politique française À propos de L'ordinaire du politique : enquêtes sur les rapports profanes au politique, dirigé par François Buton, Patrick Lehingue, Nicolas Mariot et Sabine Rozier / J. Weisbein // Politix. – 2017. – No 119. – P. 147-160.

Диссертации

330. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2016. – 322 с.

331. Виноградов В. В. Французский киноавангард 20-х гг. и неоавангард «новой волны» как факторы развития выразительных средств кинематографа. Диссертация на соискание ученой степени доктора

искусствоведения / Всероссийский государственный институт кинематографии Москва, ВГИК, 2011. – 420 с.

332. Грибовод Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2017. – 153 с.

333. Зарипова А. И. Восприятие образа России и русской культуры во французской прессе 2008-2018 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, МГИМО, 2019. – 274 с.

334. Максутов А. Г. Политическая коммуникация в контексте и перспективе сетевой теории. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Северо-Кавказская академия государственной службы. Ростов-на-Дону, 2009. – 143 с.

335. Матусевич Е. В. Культурная идентификация как процесс: теоретические и методологические аспекты современных исследований. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2011. – 172 с.

336. Нехорошева К. И. Картезианское мышление в культуре современной Франции (на примере развития гуманитарных технологий). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, МГИМО, 2019. – 190 с.

337. Осколков П. В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и основные тенденции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, МГИМО, 2019. – 206 с.

338. Петрусева Н. А. Пьер Булез. Эстетика и техника музыкальной композиции. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения / Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского. Москва. МГК им. П. И. Чайковского, 2003. – 408 с.

339. Разова Е. Л. Дом: место социального и культурного становления человека. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., СПбГУ, 2004. – 180 с.

340. Шалоткина Н. А. Французская культурная антропология XX века: тенденции и перспективы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Московский педагогический государственный университет. Москва, МПГУ, 2007. 217 с.

341. Dumas I. Gouffre humain: représentation de la sexualité chez Houellebecq : Dans le cadre du programme de Maîtrise en lettres En vue de l'obtention du grade de Maître ès arts / Université du Québec à Rimouski. Rimouski, 2013. – 195 p. URL: http://semaphore.uqar.ca/id/eprint/948/1/Isabelle_Dumas_janvier2013.pdf (accessed 20.10.2020).

Электронные ресурсы

342. Андреева Д. Горизонт Евразии**.** Art-right – новая перспектива для искусства и политики / РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/darya-andreeva/art-right-novaya-perspektiva-dlya-iskusstva-i-politiki/ (дата обращения 10.01.2021).

343. Аристотель. О частях животных /. Пер. Карпов В.П. URL: http://www.simposium.ru/ru/book/export/html/551 (дата обращения 27.05.2020).

344. Бабинцева Н. Тайне – нет / Время новостей. № 122 от 08.07.2003. URL: http://www.vremya.ru/2003/122/10/74623.html (дата обращения 27.06.2020).

345. Бадью А. Тезисы о современном искусстве / GiF.Ru. Информагентство «Культура», 2004. URL: http://www.gif.ru/themes/culture/chtodelat/badieu/ (дата обращения: 23.03.2020).

346. Барановский В.Г. О кризисе Евросоюза и подготовке международников в МГИМО / РСМД. 17.12.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-krizise-evrosoyuza-i-podgotovke-mezhdunarodnikov-v-mgimo/ (дата обращения 10.01.2021).

347. Володина Э. Немецкие изобретатели Парижа / DeutscheWelle (DW). 25.06.2018. URL: https://www.dw.com/ru/немецкие-изобретатели-парижа/a-44223565 (дата обращения: 23.03.2020).

348. Выступление Г-на Лорана Фабиуса, Министра Иностранных дел и международного развития на радио «Франс Интер» (Париж, 12 января 2015 года) / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 26.08.2020. URL: https://ru.ambafrance.org/Vystuplenie-G-na-L-Fabiusa-na (дата обращения 09.01.2021).

349. Дрямина Н. Пакт ООН о миграции утверждён / RU.EURONEWS. 10.12.2018. URL: https://ru.euronews.com/2018/12/10/united-nations-migration-pact (дата обращения 10.01.2021).

350. Европейский блокнот. URL: https://olga-euro.livejournal.com/25689.html (дата обращения 27.10.2020).

351. Кирилл Разлогов о фильме «Непослушные волосы» / Телеканал «Россия-Культура». URL:https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20904/episode_id/1149936/video_id/1112120/viewtype/picture/ (дата обращения 23.03.2020).

352. Климова С. В. Дом и мир: проблема приватного и публичного / С. В. Климова. URL: http:- //anthropology.ru/ru/texts/klimova/public.html (дата обращения 27.05.2020).

353. Климова С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома / С. В. Климова. URL:

http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html (дата обращения 27.05.2020).

354. Колесников А. Три фронта «общества граждан: усиление конфликтности / Московский центр Карнеги. 27 февраля 2019. Научная статья. URL: https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453 (дата обращения 08.11.2021).

355. Котова Е. В. Испытание на прочность / Литературная газета, 20.07.11. URL: https://lgz.ru/article/N29--6331---2011-07-20-/Ispытanie-na-prochnosty16747/ (дата обращения 27.05.2020).

356. Le Figaro (Франция): Уэльбек предсказал протесты «желтых жилетов» в своем новом романе «Серотонин». 29.12.2018.URL: https://inosmi.ru/culture/20181229/244332349.html (accessed 30.210.2020).

357. Логинова К. Ни слова, Боже: во Франции намерены противостоять ползучему исламизму / Известия. 21.02.2020. URL: https://iz.ru/978609/kseniia-loginova/ni-slova-bozhe-vo-frantcii-namereny-protivostoiat-polzuchemu-islamizmu (дата обращения 08.01.2021).

358. Марин Ле Пен осудила одобренный в Марракеше Глобальный договор о миграции / ТАСС. 10.12.2019. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5893795 (дата обращения 10.01.2021).

359. Мельников А. Интервью советника по религиозным вопросам МИД Франции Ж.-К. Посселя / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 28.08.2020. URL:

https://ru.ambafrance.org/Interv-yu-sovetnika-po-religioznym-voprosam-MID-Francii-ZH-K-Posselya (дата обращения 09.01.2021).

360. «Метанаррация» / Постмодернизм. Энциклопедия. URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/metanarratia.html (дата обращения: 27.05.2020).

361. Моторина Т. Ислам как неизбежность / Lenta.ru. 25.01.2015. URL: https://lenta.ru/articles/2015/01/23/frislam/ (дата обращения: 23.03.2020).

362. Премьер Франции объявил, что количество мигрантов в стране будет сокращено. URL: https://www.currenttime.tv/a/france-migrants-emigration-ban/30256254.html (дата обращения 10.12.2020).

363. Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете // Дилетант. URL: https://diletant.media/articles/37281719/ (дата обращения 27.05.2020).

364. Убитого во Франции учителя наградят орденом Почетного легиона / РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f8eb5aa9a79471251778db8? (дата обращения 08.01.2021).

365. Франция отозвала посла в Турции после слов Эрдогана о Макроне / РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/10/2020/5f94993b9a794778de8f23b0 (дата обращения 08.01.2021).

366. Чихачев А. Партийная многополярность французской политики / РСМД. 2 февраля 2017. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/partiynaya-mnogopolyarnost-frantsuzskoy-politiki/ (дата обращения 10.01.2021).

367. Шмид К. Новый номос Земли. Пер. Ю. Ю. Коринца / АПН. 2004. URL: https://www.apn.ru/publications/article1044.htm (дата обращения 10.01.2021).

368. Шнуренко И. Ален де Бенуа: «Массовая иммиграция в Европу должна быть замедлена». 30 ноября 2009 / DP.RU URL: https://www.dp.ru/a/2009/11/30/Alen_de_Benua_Massovaja (дата обращения 11.01.2021).

369. Эспань М. Иностранцы в Париже и культурный обмен. Пер. И. Левиной / Arzamas.academy. URL: https://arzamas.academy/materials/809 (дата обращения: 23.03.2020).

370. Эрдоган заявил о приближающемся конце Европы из-за исламофобии / РБК. URL:

https://www.rbc.ru/politics/24/10/2020/5f944ed19a79475f3a1fc1f5? (дата обращения 08.01.2021).

371. Affaire Samuel Paty: un rapport de l'Education nationale épingle le manque de surveillance des réseaux sociaux // Orange. 04.12.2020. URL: https://actu.orange.fr/france/affaire-samuel-paty-un-rapport-de-l-education-nationale-epingle-le-manque-de-surveillance-des-reseaux-sociaux-magic-CNT000001vlGs0.html (accessed 08.01.2021).

372. À LA UNE - Une Union plus forte et solidaire sortira l'Europe de la crise / Mouvement Européen France. URL: https://mouvement-europeen.eu/ (accessed 27.05.2020).

373. Ambassadors' Week - Speech by E.Macron, President of the Republic / Франция в России. Посольство Франции в Москве. 21.04.2020. URL:

https://ru.ambafrance.org/Ambassadors-Week-Speech-by-E-Macron-President-of-the-Republic (дата обращения 09.01.2021).

374. Comparative Critical Studies / Edinburgh University Press, Journals. URL: https://www.euppublishing.com/toc/ccs/6/2 (дата обращения 27.05.2020).

375. Conflans-Sainte-Honorine: ce que le procureur antiterroriste a précisé sur l'attentat / Le HuffPost avec AFP. URL: https://www.huffingtonpost.fr/entry/conflans-sainte-honorine-suivez-en-direct-la-conference-de-presse-du-procureur-antiterroriste_fr_5f8add40c5b62dbe71c327f3 (accessed 10.12.2020).

376. Coronacrisis: actions for the public sector. 28 May 2020 // Accountancy Europe. URL: https://www.accountancyeurope.eu/publications/coronavirus-impact-on-the-public-sector/ (accessed 12.08.2020).

377. Europe's economic recovery from COVID 19. 30 June 2020, Brussels // Accountancy Europe. URL: https://www.accountancyeurope.eu/events/europes-economic-situation-under-covid-19/ (accessed 12.08.2020).

378. Fregosi R. «Vivre ensemble» au prix de la soumission? / Le Figaro. Publié le 20/10/2020 à 15:01, mis à jour le 21/10/2020 à 10:32. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/vivre-ensemble-au-prix-de-la-soumission-20201020 (accessed 07.02.2021).

379. Goldnadel G. W. «Quand des enseignants se déshonorent en refusant d'honorer Samuel Paty» / Le Figaro. 01.02.2021. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/quand-des-enseignants-se-deshonorent-en-refusant-d-honorer-samuel-paty-20210201 (accessed 07.02.2021).

380. Hubert-Rodier J. Europe-Russie: l'impossible maison commune / Les Echos. Publié le 26 mai 2016. URL: https://www.lesechos.fr/2016/05/europe-russie-limpossible-maison-commune-1111332 (27.05.2020).

381. «Il y a le feu à la Maison Europe», le manifeste des patriotes européens. Par Un collectif d'écrivains internationaux – 25 janvier 2019 / Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/01/25/il-y-a-le-feu-a-la-maison-europe-le-manifeste-des-patriotes-europeens_1705305 (20.20.2020).

382. «Je suis prof»: après l'horreur, une vague d'hommages au professeur assassiné dans les Yvelines / Orange. 17.10.2020. URL: https://actu.orange.fr/france/je-suis-prof-apres-l-horreur-une-vague-d-hommages-au-professeur-assassine-dans-les-yvelines-magic-CNT000001ubIyX.html (accessed 08.01.2021).

383. Kleinfeld R. Profound Rebuilding Needed to Shore Up U.S. Democracy / Carnegie Washington. January 07, 2021. Commentary. URL: https://carnegieendowment.org/2021/01/07/profound-rebuilding-needed-to-shore-up-u.s.-democracy-pub-83575?utm_source=ctw&utm_medium=email&utm_campaign=buttonlink&mkt_tok=eyJpIjoiTm1Ka016bGhOR1F3TkdJNSIsInQiOiJyQnhUNHY0Y3dDTklPS0tlNHNOT1hZQWJNWjZkSzhmamdVUkExbTdGdm4xSU5ENlVoWUEydTB3K0d0UUNRU0plTzBYUUpUKzhhc1p0eEd6bzBZOUhobXZMb0hJaHMwUWVXbVViZTBUYkFhczJRV1FUN08wc09cLytBNGFQZVpobGwifQ%3D%3D (accessed 08.01.2021).

384. Le Clash Culture: dans Sérotonine, Houellebecq a-t-il anticipé la colère des «gilets jaunes»? // Le Figaro. 10.01.2019. URL: https://www.lefigaro.fr/culture/2019/01/10/03004-20190110ARTFIG00015--le-clash-culture-dans-serotonine-houellebecq-a-t-il-anticipe-la-colere-des-gilets-jaunes.php (accessed 20.09.2020).

385. L'europe : une maison commune à consolider. Publié le 29/03/2017 / Les CCI (Les chambres de commerce et d'industrie). URL: https://www.cci.fr/web/presse/actualite-fiche/-/asset_publisher/9FDf/content/actu-l%E2%80%99europe-:-une-maison-commune-a-consolider (accessed 27.05.2020).

386. Lepelletier P. Samuel Paty recevra la Légion d'honneur à titre posthume / Le Figaro. 20.10.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/politique/samuel-paty-recevra-la-legion-d-honneur-a-titre-posthume-20201020 (accessed 07.02.2021).

387. Le président turc Erdogan appelle de nouveau Macron à faire examiner sa «santé mentale» / Le Figaro. Publié le 24/10/2020 à 14:55, mis à jour le 25/10/2020 à 18:49. URL: https://www.lefigaro.fr/flash-actu/erdogan-denonce-l-attitude-de-macron-envers-les-musulmans-et-interroge-sa-sante-mentale-20201024 (accessed 07.02.2021).

388. Minoui D. Les dérapages calculés d'Erdogan pour orienter le monde musulman / Le Figaro. Publié le 25/10/2020 à 18:32, mis à jour le 26/10/2020 à 12:18. URL: https://www.lefigaro.fr/international/les-derapages-calcules-d-erdogan-pour-orienter-le-monde-musulman-20201025 (accessed 07.02.2021).

389. Pech M.-E., Beyer C. Affaire Samuel Paty: un rapport de l'inspection pointe certaines failles administratives / Le Figaro. 04.12.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/affaire-samuel-paty-un-rapport-de-l-inspection-pointe-certaines-failles-administratives-20201203 (accessed 07.02.2021).

390. Pech M.-E., Beyer C. Décapitation de Samuel Paty: signalements, appels menaçants, plaintes, vidéos… Onze jours d'engrenage Le Figaro. Publié le 18/10/2020 à 22:12, mis à jour le 19/10/2020 à 09:22. URL:

https://www.lefigaro.fr/actualite-france/decapitation-de-samuel-paty-signalements-appels-menacants-plaintes-videos-onze-jours-d-engrenage-20201018 (accessed 07.02.2021).

391. Provost L. Dans «Sérotonine» de Michel Houellebecq, voici ce qu'il y a de «gilets jaunes» // Huffington post. 03.01.2019. URL: https://www.huffingtonpost.fr/2019/01/03/dans-serotonine-de-michel-houellebecq-voici-ce-quil-y-a-de-gilets-jaunes_a_23632459/ (accessed 20.09.2020).

392. Qui sommes-nous? / Bienvenue sur le site de la Fédération Française des Maisons de l'Europe. URL: https://www.maisons-europe.eu (accessed 27.05.2020).

393. Redonnet M. La barbarie postmoderne // Art press. 1999. URL: https://lmsi.net/La-barbarie-postmoderne (accessed 09.11.2020).

394. Rey M.-P. Gorbatchev et la "Maison Commune Européenne". Une opportunité manquée? / Institut François Mitterrand. le 12 mars 2007. URL: http://www.mitterrand.org/Gorbatchev-et-la-Maison-Commune.html (accessed 27.05.2020).

395. Tranchant M.-N. Décapitation de Samuel Paty: «Il y a des collégiens que rien n'a empêché de devenir des instruments de mort» / Le Figaro. 13.11.2020. URL: https://www.lefigaro.fr/vox/societe/decapitation-de-samuel-paty-il-y-a-des-collegiens-que-rien-n-a-empeche-de-devenir-des-instruments-de-mort-20201113 (accessed 07.02.2021).